

Российская Академия Наук

ТРУДЫ

Кольского научного центра РАН

2/2022 (13)

**ГУМАНИТАРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

выпуск 22

Апатиты
2022

0+

Российская Академия Наук

0+

2/2022(13)

издается с декабря 2010 г.

УДК 316.7 (985)
ISSN 2307-5252

ТРУДЫ

Кольского научного центра

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

выпуск 22

Научно-информационный журнал

Выходит 11 раз в год

Учредитель — Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Кольский научный центр Российской академии наук»

Свидетельство о регистрации СМИ

ПИ № ФС77-58457 от 25.06.2014

выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Главный редактор, председатель Редакционного совета

С. В. Кривовичев, академик, проф.

Заместитель главного редактора

В. К. Жиров, чл.-корр.

Редакционный совет:

академик Г. Г. Матишов,

чл.-корр. А. И. Николаев,

д. э. н. Ф. Д. Ларичкин

д. ф.-м. н. Е. Д. Терещенко,

к. т. н. А. С. Карпов (отв. секретарь)

Редколлегия серии

«Гуманитарные исследования»:

д. и. н. И. А. Разумова (отв. редактор);

д. и. н. И. Ю. Винокурова;

д. филол. н. Н. В. Дранникова;

к. филос. н. Н. Н. Измоденова;

д. г.-м. н. В. П. Петров;

к. и. н. Е. А. Пивнева;

д. э. н. Т. П. Скуфьина;

д. и. н. Ю. П. Шабаев;

к. и. н. О. В. Шабалина

Ответственный редактор выпуска:

к. и. н. О. А. Сулейманова

Научное издание

Редактор Е. Н. Еремеева

Технический редактор В. Ю. Жиганов

Подписано в печать 29.04.2022.

Дата выхода в свет 28.06.2022.

Формат бумаги 70×108 1/16.

Усл. печ. л. 14,18. Заказ № 28. Тираж 500 экз.

Свободная цена

Адрес учредителя, издателя и типографии:

Федеральное государственное бюджетное

учреждение науки

Федеральный исследовательский центр

«Кольский научный центр РАН»

184209, г. Апатиты, Мурманская обл.,

ул. Ферсмана, 14

Тел.: (81555) 7-53-50; 79-5-95, факс: (81555) 76425

E-mail: ksc@ksc.ru. www.ksc.ru

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Этнология, этнография, антропология	
Бодрова О. А. Традиционные и новые промыслы экостровских саамов при переходе к оседлости в XIX — начале XX вв.	7
Сулейманова О. А. «Саамский сувенир» как этнотовар и бренд Мурманской области: к постановке проблемы.....	21
Разумова И. А., Саморукова А. Г. Жанрово-видовые особенности книги воспоминаний Е. Б. Халезовой. Часть 1. Автобиография.....	32
Бусырева Е. В. Рассказы о переездах 1930–1940-х годов по воспоминаниям представителей семей с финскими и немецкими корнями (из полевых материалов).....	49
Змеева О. В. Система взаимодействий в полиэтническом сообществе строителей Мурманской железной дороги.....	62
История	
Дубровская Е. Ю. Формирование новой идентичности в условиях воинской повседневности Гражданской войны (на материале Карелии).....	76
Орехова Е. А. Колонисты Мурманна в документах евангелическо-лютеранского прихода Мурманского берега.....	96
Кожевникова Ю. Н. Документы по истории приходов Кольского Севера в фонде Кемского духовного правления Национального архива Республики Карелия.....	109
Шачин С. В. Общество Колы и перспективы его развития в описании В. И. Немировича-Данченко (по книге «Страна холода: виденное и слышанное», 1876)....	120

Археология

- Шахнович М. М. Позднесредневековое смолокурное производство на озере Верхнее Куйто. К вопросу о «лопарских древностях» в Западном Прибеломорье..... 130
- Лихачев В. А. «Охота с луком на лося»: композиция из скопления «Каменный 7», Канозеро..... 142

Научная жизнь

- Сулейманова О. А. Десятая конференция «Антропология. Фольклористика. Социолингвистика» в Европейском университете в Санкт-Петербурге.. 153

Рецензии

- Измоденова Н. Н. Сохраненные имена (об издании книги Е. А. Каменева «Имена на карте»)..... 159

Russian Academy of Sciences

0+

2/2022(13)
Published since 2010

UDC 316.7 (985)
ISSN 2307-5252

TRANSACTIONS

Kola Science Centre

Editor-in-Chief:
S. V. Krivovichev, Acad. of RAS, Prof.

Deputy Editor-in-Chief:
V. K. Zhironov, Cor. Member of RAS

Editorial Council:
G. G. Matishov, Acad. of RAS,
A. I. Nikolaev, Cor. Member of RAS,
F. D. Larichkin, Dr. Sc. (Economics),
E. D. Tereshchenko, Dr. Sc.
(Physics and Mathematics),
A. S. Karpov PhD (Engineering) –
Executive Secretary

**HUMANITARIAN
STUDIES**
series 22

Editorial Council
of "Humanitarian studies" Series:

Prof. I. A. Razumova (Editor-in-Chief),
Prof. I. Ju. Vinokurova,
Prof. N. V. Drannikova,
PhD (Philosophy) N. N. Izmodenova,
Prof. V. P. Petrov,
PhD (History) E. A. Pivneva,
Prof. T. P. Skufina,
Prof. Ju. L. Shabaev,
PhD (History) O. V. Shabalina

Executive Editor:
O. A. Suleymanova, PhD (History)

14, Fersman str., Apatity, Murmansk region, 184209, Russia
Tel. (81555) 7-53-50, 7-95-95, Fax: (81555) 7-64-25
E-mail: ksc@ksc.ru, www.ksc.ru

© Barents Center of Humanities KSC RAS, 2022
© Federal Research Centre "Kola Science Centre
of the Russian Academy of Sciences", 2022

CONTENTS

	Page
Ethnology, Ethnography, Anthropology	
Bodrova O. A. Traditional and new crafts of the Yokostrov Sami during the transition to settlement in the 19th and early 20th centuries.....	7
Suleymanova O. A. “Saami souvenir” as an ethnic product and a brand of the Murmansk region: to the formulation of the problem.....	21
Razumova I. A., Samorukova A. G. Genre and specific features of the book of memoirs by E. B. Khalezova. Part 1. Autobiography.....	32
Busyreva E. V. Stories about moving in the 1930s–1940s based on the memories of families with Finnish and German roots (from field materials).....	49
Zmeeva O. V. The system of interactions in the multi-ethnic community of builders of the Murmansk Railway.....	62
History	
Dubrovskaya E. Yu. Formation of a new identity in the conditions of the military everyday life of the Civil War (by the material of Karelia).....	76
Orekhova E. A. Colonists of Murman in the documents of the Evangelical Lutheran parish of the Murmansk coast.....	96
Kozhevnikova Yu. N. Documents on the history of the parishes of the Kola North in the fund of the Kem’ Spirirtual Collegium of National Archive of Republic of Karelia.....	109
Shachin S. V. The Kola Society and prospects for its development in the description of V. I. Nemirovich-Danchenko (based on the book “The Land of the Cold: Seen and Heard”, 1876).....	120

Archeology

- Shakhnovitch M. M. Late medieval tar production on the Lake Verkhnee Kuito. On the Question of “Lopar antiquities” in the Western White Sea region..... 130
- Likhachev V. A. “Bow Hunting for Elk”: composition from Kamenniy 7 panel of the Kanozero petroglyph complex..... 142

Scientific Life

- Suleymanova O. A. Tenth Scientific Conference “Anthropology. Folklore Studies. Sociolinguistics” at the European University in Saint Petersburg..... 153

Reviews

- Izmodenova N. N. Saved names (about edition of the book “Names on the Map” by E. A. Kamenev)..... 159

Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 22. 2022. Т. 13, № 2. С. 7–20.
Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Humanitarian Studies. Series 22. 2022. Vol. 13, no. 2. P. 7–20.

ЭТНОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 639 + 330.15 + 314.7 + 314.62(=511.12)(09)
doi:10.37614/2307-5252.2022.2.13.22.001

ТРАДИЦИОННЫЕ И НОВЫЕ ПРОМЫСЛЫ ЭКОСТРОВСКИХ СААМОВ ПРИ ПЕРЕХОДЕ К ОСЕДЛОСТИ В XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.

Ольга Александровна Бодрова

Центр гуманитарных проблем Баренц региона Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук», Апатиты, Россия, o.bodrova@ksc.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5312-6692>

Аннотация

В публикации раскрываются особенности традиционных и новых промыслов экостровских саамов в XIX — начале XX вв. при переходе к оседлому образу жизни и перемещении Экостровского погоста от одноименного пролива в район Белой губы озера Имандры. Исследование основано на материалах отечественных и зарубежных этнографических и путевых очерков, архивных источниках, данных статистики и топонимии.

Ключевые слова:

саамы, Кольский полуостров, Мурманская область, Экостровский погост, озеро Имандра, традиционные промыслы, оседлость, топонимы

Благодарности:

статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания по теме научно-исследовательской работы № FMEZ-2022-0028 и профинансирована из федерального бюджета.

Для цитирования: Бодрова О. А. Традиционные и новые промыслы экостровских саамов при переходе к оседлости в XIX — начале XX вв. // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 22. 2022. Т. 13, № 2. С. 7–20. doi:10.37614/2307-5252.2022.2.13.22.001

ETHNOLOGY, ETHNOGRAPHY, ANTHROPOLOGY

Original article

TRADITIONAL AND NEW CRAFTS OF THE YOKOSTROV SAMI DURING THE TRANSITION TO SETTLEMENT IN THE 19TH AND EARLY 20TH CENTURIES

Olga A. Bodrova

Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Apatity, Russia, o.bodrova@ksc.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5312-6692>

Abstract

The paper reveals the features of traditional and new crafts of the Yokostrov Sami in the 19th and early 20th centuries during transition to settlement. This process coincided with migration of the Yokostrov pogost from the Yokostrov Strait to the bay Belaya Guba of the Lake Imandra. The study is based on materials of Russian and foreign ethnographic and travel essays as well as on archive sources, statistics and toponyms.

© Бодрова О. А., 2022

Keywords:

Sami people, Kola Peninsula, Murmansk region, Yokostrov pogost, Lake Imandra, traditional crafts, settlement, toponyms

Acknowledgments:

the article was supported by the federal budget to carry out the state task of the Federal Research Centre "Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences" No. FMEZ-2022-0028.

For citation: Bodrova O. A. Traditional and new crafts of the Yokostrov Sami during the transition to settlement in the 19th and early 20th centuries // Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Humanitarian Studies. Series 22. 2022. Vol. 13, no. 2. P. 7–20. doi:10.37614/2307-5252.2022.2.13.22.001

Целью настоящего исследования является изучение основных особенностей традиционных промыслов саамов Экостровского погоста на переломе двух эпох: в конце XIX — начале XX вв., когда хронологически совпали такие процессы, как переезд погоста на другое место, появление новых промыслов, обусловленное изменением социоэкономических реалий и развитием транспортной системы, а также переход к оседлости саамского населения к 1930-м гг.

Экостровские саамы, наряду с саамами других погостов, располагавшихся у озера Имандры вдоль Кольского почтового тракта (Бабинского и Масельского), не только в географическом, но и в культурно-хозяйственном аспекте имели много схожих черт, что, на наш взгляд, позволяет их отнести к отдельной, «имандрской», локальной группе. Довольно низкий уровень изученности этой группы, по сравнению с другими локальными группами кольских саамов, обуславливает актуальность темы, особенно в свете развития различных направлений регионального туризма в таких рекреационных районах, богатых природными ресурсами, как города Апатиты и Кировск с близлежащими территориями. В связи с отсутствием специальных научных исторических и этнографических работ по этой теме источниковой базой исследования являются архивные документы, данные статистики и местной топонимии, отчасти карт различного назначения, этнографические и путевые очерки российских и зарубежных авторов.

Традиционный хозяйственно-культурный тип всех локальных групп кольских саамов, в том числе Экостровского погоста, характеризовался сочетанием охоты, рыболовства, оленеводства с преобладанием того или иного промысла. Основой хозяйственного комплекса экостровских саамов на протяжении многих веков являлась охота на пушного зверя, лесную птицу, а также озерная и речная рыбная ловля, на что указывает один из первых источников, упоминающих Экостровский погост, — писцовые книги Алая Михалкова¹. Экостровское общество, к которому относился Экостровский погост, считалось самым бедным среди всех саамских обществ, судя по статистическим данным XIX в. о податях², которые выплачивались не отдельно по погостам, а обществами в целом. Доходы от рыбного промысла у Экостровского погоста были ниже среднего, составляли 572,40 руб.³, по всей Экостровской волости — 3940,97 руб.⁴. Напротив, Экостровская волость показывала самые высокие доходы от охотничьего промысла: Экостровскому погосту охота на пушного зверя приносила 750 руб., на птицу — 240 руб.⁵. Выгоду охотничьего промысла саамского населения, распространенного в окрестностях Имандры, отметил еще А. Ф. Миддендорф, указавший примерные цены в 1840 г. на шкуры пушного зверя: бобра — до 100 руб., куницы — 7–9 руб.,

росомахи — 6–7 руб.⁶. При этом Н. Дергачев приводит более низкие цены на продукт охотничьего промысла: 18, 5, 2 руб. соответственно⁷.

Несмотря на низкий доход от рыбной ловли по сравнению с другими волостями, рыбный промысел все же составлял основу пищевого рациона экостровских саамов, и удельный вес доходов, извлекаемых от озерного и речного рыболовства, у саамского населения Кольского полуострова был довольно велик [1 : 24]. Рыбный промысел определял особенности социального устройства в летнее время: замкнутые миграции по рекам и озерам и продолжительное проживание отдельными семьями. По мнению Н. Н. Харузина и Н. Н. Волкова, именно родовое право собственности на рыбные угодья и рыболовство у кольских саамов «стояло между оседлостью и кочевьем»⁸. На уровне лексики значительная роль рыболовства в жизни имандрских саамов обусловила развитую рыболовецкую терминологию [2], обилие «рыбных» топонимов. Так, на территории имандрских саамов, ловивших преимущественно кумжу, щуку, гольца, были широко распространены топонимы, содержащие именно эти лексемы: Кумужий остров (Кувчсуол), Щучья губа (Нуккешлухт), река Гольцовая (Идичйок)⁹. «Охотничьи» топонимы у имандрских саамов, так же как и в рыболовецкой лексике, были связаны с видами животных, промышляемых в окрестностях озера Имандры: с бобром, куницей, лисой, росомехой, например, Бобровый ручей (Майвуай)¹⁰. Другой пласт охотничьей лексики этимологически восходил к промысловым обычаям. Так, горный хребет в Хибинах Эвеслогчорр связан с существительным «эвес», что означает «пища охотника», полуостров к северу от станции Хибин Ретнярк, название которого с саамского можно перевести как «капкан-наволок», — с орудием промысла¹¹.

Оленеводство в Экостровском погосте, по сравнению с рыбной ловлей и охотой, было мало развито. Олени держались только для семейных и ямских нужд. Всего в 1866 г. на Экостровской станции было 14 оленей (то есть 7 «лошадей»), а в самом погосте — 142¹². Впрочем, в XIX — начале XX вв., по данным 1909 г., доходы от оленеводства учитывались редко и считались «случайным заработком»¹³, а основное внимание исследователей было сосредоточено на рыбном промысле и охоте на морского и дикого зверя. Уже к 1920-м гг. картина меняется, и доля оленеводства в хозяйственном комплексе саамов вырастает с 7 до 29,8 % на фоне уменьшения доли рыболовства от 64 до 33,8 %¹⁴. Безусловно, олень всегда играл одну из ведущих ролей в материальной и духовной жизни всех кольских саамов, но олень дикий, а не одомашненный. Одних только Оленьих островов на Кольском полуострове зафиксировано около двух десятков¹⁵, не считая «оленьих» гидронимов, горных и поселковых названий. В топонимии бассейна озера Имандры отмечено немало количество названий, связанных с диким северным оленем и его повадками: Оленьи тундры (авторское написание — *Ред.*) (Пуадзуайвенч) в предгорьях Мончетундры, Хирвасов¹⁶ остров (Сирвессуол) в северной части озера Бабинская Имандра, Пыжиковый¹⁷ залив (Восьвупилухтынч) на Большой Имандре, мыс Лопшнярк¹⁸ в Йокостровской Имандре, варака Арваренч¹⁹ у берегов Вите-губы Большой Имандры, Партомчорр²⁰ в центральной части Хибин. Несмотря на озерное и речное рыболовство как ведущий промысел экостровских саамов, они в той или иной степени держали оленей. Довольно зажиточными семьями с относительно большим числом оленей считались, например, семьи К. И. Архипова и В. Н. Бархатова. Жену Василия Никифоровича Татьяну Степановну Бархатову, во всяком случае, зажиточной по саамским меркам

называет С. Н. Дурьлин, столкнувшийся с ней на почтовой станции, когда та ехала к своему сыну Василию на Олений остров²¹ (рис. 1, 2). На Оленьем острове довелось побывать М. М. Пришвину, оставившему описание двух вежей: маленькой черной аршина в два с половиной высоты и другой, более высокой и длинной, — для оленей: «...какая побольше — для оленей, потому и олень побольше человека», — объяснил писателю Василий²². Основательность Василия Васильевича Бархатова в ведении промыслов, чем, вероятно, и была обусловлена зажиточность семьи, отметил в своих заметках и академик А. Е. Ферман: «...Василий Васильевич <...> человек хозяйственный: много его оленей пасется в тундре; богаты те места, где он из года в год промышляет рыбу, переставляя с места на место свой незатейливый шалаш из брезентов»²³.

Рис. 1. Татьяна Степановна Бархатова (слева) с женщинами-ямщиками из Экостровского погоста. Фотография В. В. Разевига, 1911 г.²⁴

Рис. 2. Вежа на Оленьем острове экостровской семьи Бархатовых. Фотография В. В. Разевига, 1911 г.²⁵

Как уже говорилось ранее, в целом экостровские саамы никогда не считались богатыми. Тем удивительнее представляется их высокая способность адаптироваться под экономические нужды погоста. Так как доходов от рыбы и охоты не хватало, они, судя по источникам, единственные из всех саамских погостов обратились к такому промыслу, как судостроение: летом делали небольшие лодки (карбаса), тройники и шняки и получали от этого занятия до 200 руб. в год²⁶. Другим дополнительным промыслом саамов Экостровского погоста являлась выделка из бересты чашек, корзинок и прочих изделий, которые продавались другим саамам и поморам и приносили до 45 руб. серебром в год²⁷. Спрос на подобные изделия объяснялся тем, что древесина и кора сосны и березы являлись одним из основных материалов, из которого у саамов были сделаны практически все предметы первой необходимости: тарелки, ложки, корзины, коробка, бечевки, тетива, черпаки и ведра, даже обувь и одежда²⁸. Также некоторые доходы приносили рубка леса и торговля (500 и 200 руб. соответственно)²⁹.

Самым древним и постоянным из второстепенных промыслов экостровских саамов являлся извоз. Система почтовых трактов в России возникла в начале XVIII в. при Петре I, с тех пор долгое время Кольский почтовый тракт оставался единственной транспортной линией, соединявшей Кандалакшу и Колу в Российской Лапландии.

Первоначально извоз у саамов составлял ямскую обывательскую повинность, которая возлагалась на весь «мир» (общество) и могла быть выплачена «и деньгами, и натурою»³⁰. Кольский почтовый тракт, протяженностью в 240 верст (около 256 тыс. км), состоял из шести перегонов и проходил через семь почтовых станций, расположенных на расстоянии 30–50 верст друг от друга. Путь пролегал большей частью по берегам озера Имандры, рекам, болотным и лесным участкам Имандрского бассейна. Йокостровская (Экостровская) почтовая станция находилась у одноименного пролива «на западном берегу Имандры, на пригорке», а на восточном берегу высились «Хибинские горы с их разнообразными остроконечными вершинами»³¹.

В 1770-х гг. Екатерина II отменила ямскую повинность, и дорожные станции стали отдавать с торгов на три года тем, кто соглашался «гонять подводы» за наименьшую плату [3 : 368]. Держатели станций, выигравшие торги, для перевозки людей и грузов должны были иметь установленное количество ездовых оленей (для зимнего времени), лодок (для перевозок в летнее время) и гребцов, которые в то же время служили провожатыми и носильщиками по сухопутным переходам³². Как раз саамы Экостровского погоста и отправляли традиционно дорожную повинность, или «гоньбу», в южном и центральном секторах Кольского почтового тракта, на почтовых станциях Зашеечной, Йокостровской, Разнаволоцкой, переименованной позднее в Пулозерскую. Экостровские, реже и другие имандрские саамы, как правило, присматривали и за путевыми избами на почтовых станциях, переселялись на этот участок со всей семьей, но продолжали промышлять в своих семейных угодьях. Официальными держателями станций являлись в основном русские, выигравшие торги, а саамам станции перепоручались за меньшие деньги³³. Так, А. Ф. Миддендорф приводит следующие цифры: в среднем на почтовую станцию выделялось около 600 руб. в год для оплаты услуг двух ямщиков, из которых, например, двум братьям, работающим на станциях между Кицей и Вороньим ручьем, выплачивалось лишь 350 руб.³⁴ Работа на почтовых станциях часто являлась «семейным подрядом» и в других погостах. Так, станции Йокостров (а затем Белую губу), Разнаволоц, Зашеек «держали» Архиповы.

Примечательно, что на Йокостровской почтовой станции, как и на многих других, одновременно стояли и тупа — «небольшая изба в 5–6 квадратных сажений, в 3 аршина высоту, с односкатною низкою крышею»³⁵, построенная для путешествующих как своего рода казенная гостиница, и вежа, в которой проживала семья смотрителей. На деле и ямщики, и путешественники отогревались и пили чай в обоих строениях³⁶. Отапливались станционные избы камельком, расположенным у одной из стен и напоминающим финскую печку, вдоль остальных стен стояли широкие скамейки, одновременно выступающие в качестве спального места. Работали ямщиками — гребли и переносили на себе поклажу — как мужчины, так и женщины, последние обычно на перегоне до Йокострова, дальше — только мужчины из-за сложного течения. Ямщиками работали большинство экостровских саамов. Вместе с тем, среди них выделялись некоторые, считавшиеся более профессиональными гребцами или кормчими — Ларивон и Онисим³⁷, Афанасий, служивший матросом на флоте и недавно вернувшийся в Экостровский погост³⁸.

Среди ямщиков Имандры в большинстве путевых очерков российских и зарубежных исследователей упоминаются экостровские Архиповы: в очерках конца XIX в. — Ларивон Архипов, работающий на Йокостровской станции, также Мирон Ефимович Архипов, смотритель Йокострова, кузина Мирона Мария Ивановна Архипова и ее муж, смотрители за станцией в Раснаволоке³⁹. В некоторых случаях авторы рассказывают о ямщиках — саамах Экостровского погоста, не передавая их имен.

С развитием колонизационного процесса в 1860-х гг., когда Российское государство предприняло ряд мер для привлечения колонистов на Кольский полуостров на постоянное место жительства, активизировались и миграционные потоки, увеличило обороты транспортное сообщение внутри полуострова за счет рыбопромышленников, добирающихся от своих селений на Белом море до становищ на Мурманском берегу и обратно. Выросло и количество чиновников, приезжих ученых, государственных служащих, выполняющих исследования и работы на Кольском полуострове. Этому способствовало открытие пароходного движения в 1871 г., позволившее большому количеству путешественников попасть в Кандалакшу или Колу, а оттуда уже отправиться вглубь материка. Таким образом, и до строительства Мурманской железной дороги в 1915 г. размеренный образ жизни имандрских саамов претерпел изменения. Уже в 1860–1880-х гг. извоз стал занимать первое место среди второстепенных промыслов саамского населения по доходности. С 1883 по 1885 гг. прибыль от ямского промысла выросла больше чем в два раза⁴⁰, и в год Экостровское общество стало получать до 810 руб. серебром, что составляло одну пятую от рыбных доходов⁴¹.

Ямской промысел был тесно связан с работой смотрителями не только на почтовых станциях, но и на дополнительных станциях на пути следования поморов-промышленников, располагавшихся обычно на выселках по всей линии Кола — Кандалакша, с большими казармами, «выстроенными с затратами земских средств и трудов администрации»⁴². Сохранилось подробное описание одной из таких казарм, расположенной в Белокаменной губе: «Это деревянное здание длиною 6,33 и шириною 3 саж. на деревянных стульях. Сруб из 6 вершковых бревен, цоколь и кровля тесовые, стены не обшиты и не оштукатурены, печь голландская большая, окна с двойными переплетами, каждый на 32 стекла, величиною 4 × 4 вершка»⁴³.

Станционные казармы упоминаются во многих источниках, не поясняющих, однако, что эти станции не имели ничего общего со станциями Кольского почтового тракта. Если старые почтовые станции располагались на западном берегу Имандры, то возникшие к концу XIX в. казармы, напротив, на восточном. В отличие от почтовых станций казармы редко отмечались на картах. Их можно обнаружить, сопоставляя путевые очерки исследователей и отдельные специализированные карты. Из станционных казарм, расположенных на правом берегу Имандры, можно локализовать как минимум четыре: 1) у губы Белокаменной, упомянутой в записях Риппаса^{44, 45}; 2) в Белой губе, недалеко от будущей станции Хибинь⁴⁶ (рис. 3); 3) напротив острова Высокого, в районе современной станции Нефелиновые Пески⁴⁷; 4) в селении Половинка (саам. Корксканда), где казармой заведовал Калина Иванович Архипов⁴⁸. Смотрителем-сторожем казармы в Белой губе был Мирон Ефимович Архипов, державший и Йокостровскую почтовую станцию⁴⁹.

По всей видимости, после его смерти станционный дом перешел к сыну Архипу Мироновичу и сохранился вплоть до 1930-х гг., попав в 1921 г. в объектив самому А. Е. Ферсману, сделавшему такую приписку к изображению: «Хибины. Хибины, лопарский дом. Экостровская 1921 г.»⁵⁰ (рис. 4). В списках населенных мест от 1938 г. эта изба значится как «дом Архипова» — отдельное строение на станции Хибины. Другой дом Архипова, жилой, где он размещался с семьей, располагался в поселке Экострово, недалеко от станции, и был одним из пяти домохозяйств этого населенного пункта⁵¹.

Рис. 3. Белая губа на фотографиях начала XX в. Слева — автора журнальной заметки В. Н. Никольского с подписью «Кольский полуостров. Озер. Имандра. Станция Белая губа»⁵²; справа — фотохудожника В. А. Плотникова⁵³

Рис. 4. Станция Хибины. Дом А. М. Архипова. 1921 г. Из частной коллекции

Можно предположить, что именно станционные казармы, предоставляющие дополнительный источник дохода, стали одной из причин, почему Экостровский погост перебрался именно в Белую губу в 1890-х гг.⁵⁴ и Половинку около 1900 г.⁵⁵, после того как саамы оставили свое зимнее поселение у Экостровского пролива, — именно там находились новые станции (в железнодорожной терминологии «узлы сообщения»), где сосредоточились миграционные потоки рыбопромышленников и путешественников, которые

этими станциями были «очень довольны»⁵⁶. Приблизительно в местах расположения станционных казарм позднее возникли и железнодорожные разъезды и станции: Охто-Канда — приблизительно на месте Белокаменской станции, станция Хибины — у Белой губы, Нефелиновые Пески — у озера Высокого, станция Имандра — немного южнее села Половинка. Возможно, экономическое значение казармы для проезжающих привело и к образованию топонима «Избяная губа» (Пыртлухт)⁵⁷ в этом месте — в честь не столько нового зимнего поселения экостровских саамов, выстроивших в Белой губе деревянные тупы, сколько в честь станционной избы.

Новые дополнительные промыслы экостровских саамов не исключали их традиционных занятий в летнее время, однако, как представляется, ограничивали свободу передвижений из-за большого потока промышленников в весенний и осенний сезоны, а приезжих исследователей — в летний, когда больше всего требовалось услуг смотрителей и ямщиков. Тем не менее, как показывают тексты источников, экостровские саамы не оставляли рыбную ловлю и охоту в семейных угодьях, что было возможно благодаря привлечению к дополнительным промыслам женского населения погоста, а также короткому миграционному маршруту от постоянного места работы — станций — к сезонным промысловым местам. С одной стороны, второстепенные промыслы имандрских саамов свидетельствуют о высокой степени их мобильности и адаптивности к новым социально-экономическим условиям. С другой стороны, близость селений к почтовому тракту и станциям, ямской извозный промысел с налагающими требованиями более оседлого образа жизни, частое общение с русскими не только отличали саамов, живущих по побережью Имандры, в экономическом отношении от других групп саамского населения задолго до железнодорожной колонизации, но и обусловили среди них особый тип миграций и более быстрый переход к оседлости.

Со второй половины XIX в. на Кольском полуострове активизировались передвижения поморского населения от становищ до промысловых мест, а также наблюдался буквально наплыв исследователей. Им были необходимы проводники по неизведанным районам, многие из которых даже не были еще обозначены на картах. Особенно востребованы услуги местных проводников оказались у геологов, гидрологов, зоологов и других ученых, изучающих природные ресурсы Кольского края и потому нуждающихся в знатоках окрестностей озера Имандры и Хибинского горного массива, Ловозерских тундр (авторское написание. — *Ред.*) и Мончетундры.

Во многих источниках отмечается необыкновенное природное и топографическое чутье саамов. Так, среди приезжих ученых лучшим знатоком Мончетундры и окрестностей Имандры слыл Калина Иванович Архипов. Г. Д. Рихтер охарактеризовал его как прекрасного охотника и лучшего знатока местности в прошлом, а сына К. И. Архипова Федора Калиновича — как прекрасного проводника и охотника⁵⁸. Про Калину Ивановича рассказывали, что при определении береговых линий озера он был более точен, чем измерительные приборы, подтверждая тем самым бытовавшее среди путешественников убеждение в необыкновенном географическом чутье саамов [4 : 68]. В. В. Чарнолуский называл такую особенность у саамов «особой памятью и привычкой к своему краю, навыком разбираться в тончайших очертаниях контуров лесов на горизонте и протяженности холмов в волнистом рельефе тундры»⁵⁹.

Экостровские саамы совмещали работу проводниками с ямским промыслом и содержанием станций. При этом услуги проводника оплачивались отдельно и, по свидетельству В. И. Немировича-Данченко, вопрос о размере платы решался на суйме — совете старейшин⁶⁰. Возможно, у имандрских саамов существовала и стандартная такса, потому что остальные исследователи сообщают только сведения об итоговой сумме, не касаясь вопроса об определении тарифа на сопровождение на общественном совете.

Приезжих чиновников и ученых по малоизвестному Кольскому краю водили практически все взрослые мужчины Экостровского погоста, поэтому не случайно на страницах разных путевых очерков встречаются одни и те же имена саамских проводников и ямщиков. Первые исследователи Кольского Севера: В. Визе, В. Рамзай с коллегами, К. Висконт, Г. Рихтер, Б. Попов, А. Ферсман, В. Чарнолуский и многие другие — пользовались услугами К. И. Архипова, у которого черпали бесценные сведения о географии края и саамском фольклоре⁶¹, его сына Федора Калиновича. Проводниками геологов В. Рамзая, Н. В. Кудрявцева были также Василий и Григорий Бархатовы⁶², Ларивон, Онисим, Мирон Ефимович Архиповы⁶³, последний сопровождал и экспедицию профессора Висконта в 1922 г. в Мончетундру⁶⁴. Брат Мирона Фома Ефимович в 1894 г. работал проводником у инженера Б. А. Риппаса при проведении изысканий на трассе будущей железной дороги⁶⁵. Архип Миронович Архипов, как и отец, работал проводником у Рамзая на протяжении семи лет⁶⁶, а также в первых экспедициях А. Е. Ферсмана в 1920-х гг. Многие из проводников совмещали эту деятельность с работой ямщиком или смотрителем. Например, Калина Иванович Архипов одновременно нес все эти «службы», пока имел два жилища: на летнем месте, в Монче, где он построил избушку и баню, «встречал» и водил приезжих исследователей, и на зимнем месте, на станции Половинка, где нанялся смотрителем барака для проезжающих промышленников⁶⁷. Так же и Мирон Ефимович Архипов был занят на Йокостровской почтовой станции одновременно ямщиком, смотрителем и проводником. Наряду с дополнительными промыслами в летнее время экостровские саамы занимались охотой и рыбной ловлей.

Роль экостровских саамов в письменной истории Кольского края заключается не только в том, что они перевозили или водили по тундрам путешествующих писателей и ученых, в благодарность запечатлевших имена своих ямщиков на страницах очерковой литературы. В силу тесных контактов с путешественниками, способствовавших хорошему знанию русского языка, имандрские саамы стали основными информантами для большинства исследователей, записавших от них рассказы о ведении промыслов, истории сийтов, фольклорные сюжеты. По свидетельству В. И. Немировича-Данченко, больше всего преданий и песен ему удалось собрать именно между Йокостровом и Зашейком⁶⁸. Почти все саамские предания, опубликованные В. Ю. Визе, были записаны им также «со слов имандрских и пулозерских лопарей»⁶⁹. Фольклорные тексты собирались как у самих проводников, так и у членов их семей. Особенной славой рассказчика пользовался Василий Никифорович Бархатов⁷⁰. От него и от Аграфены Архиповой, жены Мирона Ефимовича Архипова, были записаны, например, большинство вариантов предания о нашествиях вражеских захватчиков на Воче-Ламину (место старого зимнего погоста Экостровских саамов)⁷¹. Сам Мирон Ефимович сообщил много фольклорных сюжетов англичанину Рэю⁷². Калина Иванович Архипов передал несколько поверий о сейдах,

расположенных в окрестностях Имандры, Петр Сорванов — о переселении сейда с Сейтсуола (рис. 5) из губы Белой на Выдозеро (Большой Вудъявр)⁷³. Не все имена рассказчиков были указаны собирателями саамского фольклора, но уже в конце XIX в. — в 1910-х гг. исследователи осознавали его ценность и высказывали опасение, что с проведением Мурманской железной дороги процесс «обрусения» имандрских саамов усилится и «недалеко то время, когда предания старины совершенно изгладятся в памяти русских лопарей»⁷⁴.

Рис. 5. Остров Сейтсуол в Белой губе. Не сохранился, попав в зону отстойников фабрики АНОФ-2⁷⁵

Опасения исследователей были вполне обоснованы и затрагивали проблемы сохранения не только саамского фольклора, но и многих культурных обычаев аборигенов Кольского полуострова. Произошли изменения и в хозяйственной деятельности. Появившиеся во второй половине XIX — конце XX вв. такие промыслы, как работа смотрителями, проводниками, хотя и считались новыми для саамского населения, все же являлись вполне логичным дополнением к извозу. Совсем к другой картине привело развитие железнодорожной системы и горнодобывающей промышленности, а также коллективизация, когда на Кольском полуострове начали создаваться рыболовецкие и оленеводческие колхозы и произошло отчуждение территорий саамского традиционного природопользования в пользу железнодорожных и горнодобывающих промышленных объектов. Уже к концу 1930-х гг. из традиционных промыслов экостровских саамов остались только те, которые вело все население новых колонизационных поселков исходя из природно-географической специфики Имандрского края: озерное рыболовство, лесозаготовительное и лесоперерабатывающее хозяйство, работа в Лапландском заповеднике — из-за преобладания природной зоны тайги в окрестностях озера Имандры. С появлением новых реалий возникли и новые виды хозяйственной деятельности: занятость на железной дороге, в сельском хозяйстве, на горнодобывающих предприятиях.

Примечания

¹ См.: Харузин Н. Н. Русские лопари: (Очерки прошлого и современного быта). М.: Т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1890. С. 454.

² Дергачев Н. Статистический очерк // Русская Лапландия. Архангельск: Тип. Губернского правления, 1877. С. 71.

³ Там же. С. 54.

⁴ Там же. С. 53.

⁵ Там же. С. 22, 24.

⁶ Middendorff A. Th. Bericht ueber einen Abstecher durch das Innere von Lappland, waerend der Sommer-Expedition, im Jahre 1840 // Beitrage zur Kenntniss des Russischen Reiches. Bd. 11. 1845. S. 177.

⁷ Дергачев Н. Статистический очерк // Русская Лапландия. Архангельск: Тип. Губернского правления, 1877. С. 21–22.

⁸ См.: Харузин Н. Н. Русские лопари: (Очерки прошлого и современного быта). М.: Т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1890. С. 116; Волков Н. Н. Российские саамы. Историко-этнографические очерки / Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук. Каутокейно; СПб., 1996. С. 24.

⁹ Минкин А. А. Топонимы Мурмана. Мурманск: Мурманское книжное издательство, 1976. С. 49–50.

¹⁰ Географический словарь Кольского полуострова / под ред. В. П. Воцинина. Л.: Тип. им. Володарского, 1939. Т. 1. С. 19.

¹¹ Минкин А. А. Топонимы Мурмана. Мурманск: Мурманское книжное издательство, 1976. С. 62–63.

¹² Дергачев Н. Статистический очерк // Русская Лапландия. Архангельск: Тип. Губернского правления, 1877. С. 13–14.

¹³ Мухин А. А. О Мурмане и Лопландии. Записка чиновника по крестьянским делам 1-го участка Александровского уезда А. А. Мухина. Архангельск: Губернская типография, 1910. С. 18.

¹⁴ Ср.: Дергачев Н. Статистический очерк // Русская Лапландия. Архангельск: Тип. Губернского правления, 1877. С. 68–69; Похозяйственная перепись приполярного Севера СССР 1926–27 года. Территориальные и групповые итоги похозяйственной переписи. М.: Статиздат ЦСУ СССР, 1929.

¹⁵ Минкин А. А. Топонимы Мурмана. Мурманск: Мурманское книжное издательство, 1976. С. 57.

¹⁶ «Хирвас» — взрослый самец оленя. *Саам*.

¹⁷ Пыжик — теленок оленя.

¹⁸ «Лоппель» — олень-первогодок. *Саам*.

¹⁹ Гора, где отдыхают самцы оленя перед гоним.

²⁰ Гора, где кормятся (олени).

²¹ Дурьлин С. Н. За полуночным солнцем. По Лапландии пешком и на лодке. М.: Тип.-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К., 1913. С. 93.

²² Пришвин М. М. За волшебным коlobком (Из записок на Крайнем Севере России и Норвегии) // Собр. соч.: в 8 т. М.: Художественная литература, 1982. Т. 1. С. 265.

²³ Ферсман А. Е. Путешествия за камнем. М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. С. 172.

^{24, 25} Фотография из книги: Дурьлин С. Н. За полуночным солнцем. По Лапландии пешком и на лодке. М.: Тип.-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К., 1913. С. 93.

²⁶ Дергачев Н. Статистический очерк // Русская Лапландия. Архангельск: Тип. Губернского правления, 1877. С. 133.

- ²⁷ Там же. С. 133.
- ²⁸ Rabot Ch. Exploration dans la Laponie russe. Ethnographie, avec clichés dans le texte (suite) // Bulletin Société de Géographie. Paris, 1890. P. 407–408.
- ²⁹ Данные приводятся по Экостровской волости. См.: Дергачев Н. Статистический очерк // Русская Лапландия. Архангельск: Тип. Губернского правления, 1877. С. 68–69.
- ³⁰ Ефименко А. Я. Юридические обычаи лопарей, карелов и самоедов Архангельской губернии // Записки ИРГО. 1878. Т. 8. С. 57.
- ³¹ Энгельгардт А. П. Русский Север: Путевые записки. М.: ОГИ, 2009. С. 78.
- ³² Там же. С. 77.
- ³³ Харузина В. Н. На Севере (Путевые воспоминания). М.: Типография т-ва А. Левенсон и К, 1890. С. 175.
- ³⁴ Middendorff A. Th. Bericht ueber einen Abstecher durch das Innere von Lapland, waerend der Sommer-Expedition, im Jahre 1840 // Beitræge zur Kenntniss des Russischen Reiches. 1845. Bd. 11. S. 147.
- ³⁵ Энгельгардт А. П. Русский Север: Путевые записки. М.: ОГИ, 2009. С. 76.
- ³⁶ Харузина В. Н. На Севере (Путевые воспоминания). М.: Типография т-ва А. Левенсон и К, 1890. С. 183.
- ³⁷ Кудрявцев Н. В. Русская Лапландия // Журнал Министерства народного просвещения. 1884, март, ч. 1–2. С. 41, 47.
- ³⁸ Харузина В. Н. На Севере (Путевые воспоминания). М.: Типография т-ва А. Левенсон и К, 1890. С. 186.
- ³⁹ См.: Кудрявцев Н. В. Русская Лапландия // Журнал Министерства народного просвещения. 1884, март, ч. 1–2. С. 54; Rae E. The White Sea Peninsula: A Journey in Russian Lapland and Karelia. London, 1881. P. 235, 254; Pearson Henry J. Three summers among the birds of Russian Lapland. London, 1904. P. 153.
- ⁴⁰ Харузин Н. Н. Русские лопари: (Очерки прошлого и современного быта). М.: Т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1890. С. 133.
- ⁴¹ Дергачев Н. Статистический очерк // Русская Лапландия. Архангельск: Тип. Губернского правления, 1877. С. 61.
- ⁴² Мухин А. А. О Мурмане и Лопландии. Записка чиновника по крестьянским делам 1-го участка Александровского уезда А. А. Мухина. Архангельск: Губернская типография, 1910. С. 33–34.
- ⁴³ Риппас Б. А. На Кольском полуострове. Отчет о поездке летом 1894 г. для осмотра местности по линии предполагаемой С. Петербург — Мурманской железной дороги. Петроград: Типография Министерства путей сообщения, 1915. С. 29.
- ⁴⁴ Там же. С. 28.
- ⁴⁵ Из описания можно предположить, что станция располагалась на полуострове Каменном. Она же схематично и приблизительно отмечена на Военно-дорожной карте Европейской России 1888 г.
- ⁴⁶ См.: Дурылин С. Н. За полуночным солнцем. По Лапландии пешком и на лодке. М.: Тип.-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К., 1913; Пришвин М. М. За волшебным коловбом (Из записок на Крайнем Севере России и Норвегии) // Собр. соч.: в 8 т. М.: Художественная литература, 1982. Т. 1. и др.
- ⁴⁷ Кудрявцев Н. В. Русская Лапландия // Журнал Министерства народного просвещения. 1884, март, ч. 1–2. С. 210–211. Эта станция отмечена также на карте: Ramsay W. Karte ueber die Hochgebirge Umptek und Lujavr-Urt auf der Halbinsel Kola nach den Arbeiten der finnischen Expeditionen in den Jahren 1887–1892 // Fennia. 1894. В. 11, № 2.

- ⁴⁸ Чарнолуцкий В. В. В краю летучего камня. Записки этнографа. М.: Мысль, 1972. С. 141; Караваева В. Старожилы Монче-губы // Живая Арктика. 1999. № 3–4. С. 64.
- ⁴⁹ Риппас Б. А. На Кольском полуострове. Отчет о поездке летом 1894 г. для осмотра местности по линии предполагаемой С. Петербург — Мурманской железной дороги. Петроград: Типография Министерства путей сообщения, 1915. С. 29.
- ⁵⁰ Фотография предоставлена для публикации из частного архива.
- ⁵¹ Список населения местн. Кировский р-н Мурманской обл. Экостровский с/с. ГОКУ ГАМО в г. Кировске. Ф. 16. Оп. 1. Д. 18. Л. 47–48.
- ⁵² Никольский В. Н. По горам и рекам Кольского полуострова // Известия Архангельского общества изучения Русского севера. 1913. № 23. С. 1028.
- ⁵³ Фотоотпечаток. Погост Белая губа. Карелы (карьяла), саами. Автор: Плотников В. А. Мурманская область (Архангельская губ.). Не позднее 1908 г. МАЭ № 1242-8.
- ⁵⁴ Визе В. Ю. Народный эпос русских лопарей: материалы // Известия Архангельского общества изучения Русского севера. 1917. № 1. С. 17.
- ⁵⁵ Географический словарь Кольского полуострова / под ред. В. П. Воцинина. Л.: Тип. им. Володарского, 1939. Т. 1. С. 79.
- ⁵⁶ Риппас Б. А. На Кольском полуострове. Отчет о поездке летом 1894 г. для осмотра местности по линии предполагаемой С. Петербург — Мурманской железной дороги. Петроград: Типография Министерства путей сообщения, 1915. С. 29.
- ⁵⁷ Географический словарь Кольского полуострова / под ред. В. П. Воцинина. Л.: Тип. им. Володарского, 1939. Т. 1. С. 18.
- ⁵⁸ Рихтер Г. Д. Маршрут 8. Монче-тундра // Путеводитель по Хибинским тундрам. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1931. С. 146.
- ⁵⁹ Чарнолуцкий В. В. Материалы по быту лопарей: Опыт определения кочевого состояния лопарей восточной части Кольского полуострова. Л.: Издание ГРГО, 1930. С. 46.
- ⁶⁰ Немирович-Данченко В. И. Страна холода. Виденное и слышанное. СПб.; М.: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1877. С. 342.
- ⁶¹ Архипов Калина Иванович // Кольская энциклопедия. В 5 т. URL: http://ke.culture.gov-murman.ru/slovník/?ELEMENT_ID=92650 (дата обращения: 30.03.2022).
- ⁶² Кудрявцев Н. В. Русская Лапландия // Журнал Министерства народного просвещения. 1884, март, ч. 1–2; Ферсман А. Е. Путешествия за камнем. М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. С. 179.
- ⁶³ Кудрявцев Н. В. Русская Лапландия // Журнал Министерства народного просвещения. 1884, март, ч. 1–2.
- ⁶⁴ Лейбензон Г. А. Лопарский след // Кольский никель. 2007. № 4 (239), 1 февраля. С. 3.
- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ Рапорт Ф. П. Харченко «О результате осмотра о. Высокого». ГОКУ ГАМО в г. Кировске. Ф. Р-179. Оп. 1. Д. 455.
- ⁶⁷ Чарнолуцкий В. В. В краю летучего камня. Записки этнографа. М.: Мысль, 1972. С. 141.
- ⁶⁸ Немирович-Данченко В. И. Страна холода. СПб.; М., 1877. С. 200.
- ⁶⁹ Визе В. Ю. Народный эпос русских лопарей // Известия Архангельского общества изучения Русского севера. 1917. № 1. С. 15.
- ⁷⁰ Немирович-Данченко В. И. Страна холода. Виденное и слышанное. СПб.; М.: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1877. С. 198.

⁷¹ Визе В. Ю. Народный эпос русских лопарей // Известия Архангельского общества изучения Русского севера. 1917. № 1.

⁷² Rae E. The White Sea Peninsula. London, 1881.

⁷³ Визе В. Ю. Народный эпос русских лопарей: материалы // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1917. № 2.

⁷⁴ Визе В. Ю. Народный эпос русских лопарей // Известия Архангельского общества изучения Русского севера. 1917. № 1. С. 16.

⁷⁵ Фотография из издания: Ramsay W. Imandrajärvestä ja Rasnjarkan lappalaisista // Acta Lapponica Fenniae. 2008. № 20. P. 99.

Список источников

1. Волков Н. Н. Российские саамы. Историко-этнографические очерки / Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук. Каутокейно; СПб., 1996. 106 с.
2. Зайков П. М. Бабинский диалект саамского языка (фонологическое исследование). Петрозаводск: Карельский филиал АН СССР, 1987. 201 с.
3. Ушаков И. Ф. Избранные произведения: Историко-краеведческие исследования. В 3 т. Т. 3: Кольская старина. Мурманск: Кн. Изд-во, 1998. 473 с.
4. Пация Е. Я., Разумова И. А. Genius loci. (А. Е. Ферсман) // Северяне: Проблемы социокультурной адаптации жителей Кольского полуострова. Апатиты: Изд-во Кольского научного центра, 2006. С. 60–69.

References

1. Volkov N. N. *Rossiyskiye saamy. Istoriko-etnograficheskiye ocherki* [Russian Saami. Historical and ethnographic essays]. Kautokeino, Saint Petersburg, 1996, 106 p. (In Russ.).
2. Zaikov P. M. *Babinskiy dialekt saamskogo yazyka (fonologo-morfologicheskoye issledovaniye)* [Babin dialect of the Saami language (phonologo-morphological study)]. Petrozavodsk, 1987, 201 p. (In Russ.).
3. Ushakov I. F. *Izbrannyye proizvedeniya: Istoriko-krayevedcheskiye issledovaniya* [Selected works: Historical and regional studies], in 3 v., vol. 3: *Kol'skaya starina* [Kola antiquity]. Murmansk, 1998, 473 p. (In Russ.).
4. Patsia E. Ya., Razumova I. A. *Genius loci (A. Ye. Fersman)* [Genius loci. (A. E. Fersman)]. *Severyane: Problemy sotsiokul'turnoy adaptatsii zhiteley Kol'skogo poluostrova* [Northerners: Problems of social and cultural adaptation of the inhabitants of the Kola Peninsula]. Apatity, 2006, pp. 60–69. (In Russ.).

Информация об авторе

О. А. Бодрова — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.

Information about the author

O. A. Bodrova — PhD (History), Senior Research Fellow.

Статья поступила в редакцию 25.03.2022; одобрена после рецензирования 03.04.2022; принята к публикации 19.04.2022.

The article was submitted 25.03.2022; approved after reviewing 03.04.2022; accepted for publication 19.04.2022.

Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 22. 2022.
Т. 13, № 2. С. 21–31.
Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Humanitarian Studies. Series 22. 2022.
Vol. 13, no. 2. P. 21–31.

Научная статья
УДК 811.511.12 + 659.113.87
doi:10.37614/2307-5252.2022.2.13.22.002

«СААМСКИЙ СУВЕНИР» КАК ЭТНОТОВАР И БРЕНД МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Олеся Анатольевна Сулейманова

Центр гуманитарных проблем Баренц региона Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук», Апатиты, Россия, sul-olesya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5109-958X>

Аннотация

Культура саамов в условиях развития этнокультурного туризма Мурманской области становится символическим брендом региона и предметом активного использования со стороны представителей туристической индустрии и ремесленников — изготовителей сувенирной продукции. Сувениризация саамской культуры имеет неоднозначные последствия. С одной стороны, она способствует презентации культуры коренного населения, возрождению саамских ремесел, местному и этническому предпринимательству, продвижению бренд-стратегии региона, с другой — приспособление этнического сувенира под запросы туристического рынка приводит к трансформации традиции и различным искажениям саамской культуры.

Ключевые слова:

бренд, кольские саамы, социальная сеть «ВКонтакте», сувенир, традиционная культура, этнический туризм, этнотовар

Благодарности:

статья выполнена по теме государственного задания Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра Российской академии наук № FMEZ-2022-0028.

Для цитирования: Сулейманова О. А. «Саамский сувенир» как этнотовар и бренд Мурманской области: к постановке проблемы // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 22. 2022. Т. 13, № 2. С. 21–31. doi:10.37614/2307-5252.2022.2.13.22.002

Original article

"SAAMI SOUVENIR" AS AN ETHNIC PRODUCT AND A BRAND OF THE MURMANSK REGION: TO THE FORMULATION OF THE PROBLEM

Olesya A. Suleymanova

Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Apatity, Russia, sul-olesya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5109-958X>

Abstract

The Saami culture in the context of the development of ethno-cultural tourism in the Murmansk region is becoming a symbolic brand of the region and the subject of active use by representatives of the tourism industry and artisans — manufacturers of souvenirs. Souvenirization of the Sami culture has mixed consequences. On the one hand, it contributes to the presentation of the culture of the indigenous population, the revival of Sami crafts, local and ethnic entrepreneurship, the promotion of the brand strategy of the region, on the other hand, the adaptation of an ethnic souvenir to the demands of the tourism market leads to the transformation of tradition and various distortions of the Sami culture.

© Сулейманова О. А., 2022

Keywords:

brand, Kola Saami, VKontakte social network, souvenir, traditional culture, ethnic tourism, ethnic goods

Acknowledgments:

the article was made on the topic of the state assignment of the Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences No. FMEZ-2022-0028.

For citation: Suleymanova O. A. "Saami souvenir" as an ethnic product and a brand of the Murmansk region: to the formulation of the problem // Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Humanitarian Studies. Series 22. 2022. Vol. 13, no. 2. P. 21–31. doi:10.37614/2307-5252.2022.2.13.22.002

Множащиеся этнокультурные проекты выявляют у этничности качества товара и профессии; ширится круг «этнических дел мастеров», занятых в «этноиндустрии». В потоке коммерциализации из священных обрядов рождаются зрелищные аттракционы, из утвари — сувениры, из фольклора — шоу, из обычаев гостеприимства — менеджмент приема посетителей.
[1 : 19]

К постановке проблемы

Кольский полуостров на протяжении последних лет позиционирует себя как активно развивающийся туристический регион. Среди различных направлений туризма в регионе (горнолыжного, геологического, промышленного, событийного, экологического) особое место занимает этнокультурный, включающий в себя этнический, этнографический и аборигенный туризм. Этот вид туризма предполагает обращение не только к этнографическим объектам, но и к различным проявлениям «живой» культуры — фольклору, обрядам и ритуалам, народным традициям и обычаям, играм и спортивным состязаниям, национальной кухне, традиционным ремеслам и т. п. [2 : 180]. Приоритетный интерес с точки зрения этнокультурного направления региональной туристической деятельности представляет историко-культурное наследие коренного населения (саамов) [3 : 69]. Сегодня на территории Мурманской области с целью популяризации культуры коренных жителей функционируют различные этнические деревни, историко-краеведческие музеи, организуются событийные культурно-массовые мероприятия (выставки, ярмарки, мастер-классы и т. п.). Презентация саамской культуры осуществляется также посредством местных средств массовой информации и интернет-ресурсов (в том числе социальных сетей). «В презентациях саамской культуры преобладают такие культурные реалии, как традиционные виды жилища, комплект или отдельные предметы национального костюма, оленеводство, сейды — “священные камни саамов”» [4 : 19]. Саамская культура становится узнаваемым брендом (рис. 1).

2022 год объявлен Годом культурного наследия народов России в целях популяризации народного искусства, сохранения культурных традиций, памятников истории и культуры, этнокультурного многообразия, культурной самобытности всех народов и этнических общностей Российской Федерации¹. Правительство Мурманской области, со своей стороны, в полтора раза увеличило финансирование на поддержку и развитие общинных форм хозяйствования и самозанятости, сохранение культурного наследия, традиций и обычаев коренного населения (саамов). Введены новые гранты в форме субсидий на поддержку мастеров декоративно-прикладного искусства из числа коренного населения².

Культурное импортозамещение. У администрации Приморского района оттаял Стоунхендж из грязи

🕒 21.03.2022 12:19 💬 6

Природа при поддержке коммунальных служб Приморского района сделала подарок петербуржцам, которые в данный момент не могут свободно передвигаться по миру. Напротив районной администрации оттаял свой Стоунхендж. Фото объекта появилось в соцсетях 21 марта.

Фото: ПРИМОРский район

➔ Поделиться

Автор снимка Антон Кубышкин уловил сходство кучи грязного снега с сейдом. Это священный объект североευропейских народов, в частности саамов (лопарей). Может представлять собой особенное место в горах, тундре, тайге, чем-то выделяющуюся скалу, приметный камень, пень, озеро, иное природное образование. Сейдами иногда также называют артефакты — сооружения из камней, гласит «Википедия».

Рис. 1. «Автор снимка Антон Кубышкин уловил сходство кучи грязного снега с сейдом». URL: <https://www.fontanka.ru/2022/03/21/70521215/?shareRecordImage=c2bfef0bfa0e82f0f4ad48c09ce755a8> (дата обращения: 23.03.2022)

Неотъемлемой составляющей любой этнической культуры является материально-вещная среда. Исследователи отмечают, что переход саамов на оседлый образ жизни в процессе научно-промышленного освоения Кольского полуострова, работа в колхозах, обучение в школах-интернатах прервали процесс передачи от поколения к поколению ремесленных традиций и технологий изготовления предметов быта [5, 6]. Активизация этнотуристической деятельности в регионе способствует актуализации и возрождению традиционных саамских ремесел и развитию декоративно-прикладного искусства. Сувенирное производство этнокультурного характера является неперенным условием развития индустрии туризма и важнейшей составляющей самопрезентации этничности и имиджевого продвижения региона [7 : 251].

Саамский сувенир как товар и бренд

Презентация этничности через этносувенир (продукт этнодизайна) — явление относительно новое, набирающее обороты в арктических регионах в связи с развитием этнического (аборигенного) туризма, который называют трендом XXI в. [7: 251]

На сегодняшний день в научной литературе не существует единого определения понятия «сувенир». Термин «сувенир» имеет французское происхождение (от фр. *souvenir* — воспоминание, память) и означает «вещь как память о посещении страны, какого-нибудь места»³. И. И. Акинфеева и О. Е. Железняк в широком значении определяют сувенир как «вещь или предмет, который является средством идентификации индивидов и коммуникации между ними в обществе, в определенных промежутках времени и в пространстве, несущий в себе образную и функциональную составляющие культуры, места, события и выполняющий имиджевую и рекламную роль» [8 : 309]. Под образной составляющей понимаются эстетические и художественные грани изделия, которые могут включать в себя знак, символ, легенду и т. д. Т. Ю. Быстрова отмечает, что образ, знак, легенда являются важнейшими составляющими сувенира. Именно совокупность этих элементов преобразует «обычную» вещь в сувенир, формируя у индивидов особое к ней отношение [9 : 93].

Сувенирные изделия можно классифицировать по различным основаниям: по тематике (ассоциации с конкретным местом, датой, событием, личностью и т. п.), целевому назначению (утилитарные и декоративные), используемому в изготовлении материалу (ткань, дерево, металл, кость и т. п.), принадлежности к отрасли промышленности (сувениры народных художественных промыслов, легкой, пищевой, полиграфической промышленности и др.) [10 : 144].

Е. И. Владимирова и О. В. Береговая выделили ряд функций, которыми должен обладать туристический сувенир — популяризация местности; присутствие исторической, культурной, социальной составляющих образа города; идейность сувенирного изделия; актуальность изделия и привлекательность с эстетической точки зрения [11 : 42]. «Сувенир формирует не только туристский имидж, но и общественное мнение у потребителей туристского продукта о регионе, создает узнаваемость существующих брендов, помогает устанавливать коммуникацию с гостями региона» [10 : 143]. Среди сувениров, функционирующих в туристической индустрии, особую группу представляют этнические (этнотрадиционные) сувениры. Как отмечают И. В. Леонов и В. Л. Соловьева, такого рода сувениры «предназначены для припоминания этнокультурного прошлого либо для погружения в его современное пространство с целью поддержания исторической памяти, закрепления этнической идентичности и популяризации этнической культуры» [12 : 94].

Саамские сувениры — это современные реконструкции национальных предметов / вещей по традиционным мотивам: различные виды утвари (ножи, чашки из капа и т. п.), ритуальные вещи (амулеты и обереги), декоративные предметы различного назначения (кулоны, сумки и т. п.), а также элементы национального костюма (бурки, пояса и т. п.). Сувенирные лавки Мурманской области являются традиционными площадками выставки и продажи саамских

изделий как ручного труда, так и промышленного производства. Кроме того, приобрести сувениры можно в историко-краеведческих музеях региона, а также на городских и областных выставках-ярмарках.

Информация из новостных туристических сайтов:

«Традиционным местом, где можно купить сувениры и подарки, являются культурные учреждения города. Будучи туристом, вы наверняка посетите Мурманский областной краеведческий музей»⁴; «За покупками в Апатитах советуем отправиться в центральную часть города, но сувенирных магазинов в городе немного. Лучший из них — “Кольский сувенир”»⁵; «Главный меховой сувенир из Мурманска и Кировска — тапочки из оленьих шкур. Самый большой выбор — в лавках при горнолыжных курортах Хибин. <...> Лучшие сувенирные магазины саамов находятся в селе Ловозеро»⁶.

На новостных туристических сайтах представлены следующие описания саамских сувениров: *«Многие оценят самобытный сувенир — кожаные фигурки саамов. Так же рекомендуем различные поделки из костей или рогов. Огромный спрос на всевозможные обереги»⁷; «На фоне других саамские сувениры выделяются формой и материалами. Они непосредственно связаны с бытом народа или же просто изображают его. Наиболее аутентичны изделия саамских ремесленников — предметы одежды и аксессуары. Основным материалом для них служат шкуры оленей — животных, которые буквально дают “оленьему народу” жизнь. Вещи создаются вручную, их украшают традиционные северные орнаменты из яркой тесьмы, ниток, бисера. Встречаются и те, что стилизованы под них, но даже они не менее примечательны. Для туриста полезным сувениром могут стать варежки и тапочки из оленьей шкуры: не только согреют, но и подарят теплые воспоминания. Сумочки и рюкзаки порадуют универсальностью, а сапоги, сшитые из меха, будут отличной альтернативой валенкам. При желании можно купить даже малицу — шубу из оленьего меха. Сувенирами, которые рассказывают о Мурманской области и саамах, выступают куклы-северяночки, украшенные мехом. Пушистой окантовкой обзаводятся брелки, магниты и панно, изображающие коренных жителей и оленей. Народными узорами, сценами с оленями, охотой и рыбалкой привлекают магниты, броши и амулеты из кости или рога оленя и лося, еще одного традиционного материала саамов. На эту же тематику делаются фигурки из мраморной крошки»⁸ (рис. 2).*

Сегодня сувенирное производство является одним из источников дохода для местного и коренного населения Мурманской области. Саамская культура в условиях развития регионального этнографического туризма становится символическим брендом и предметом активного использования со стороны представителей туристической индустрии и ремесленников. Однако, как отмечают исследователи, занимающиеся проблемой суверенизации этничности, «монетизация» часто идет в разрез с этнической традицией [7 : 251]. Ориентированность туристической индустрии на коммерческую прибыль часто приводит к упрощению и искажению этнического образа. Трансформация осуществляется вследствие применения саамскими ремесленниками и местными мастерами новых техник и стилей, с целью приспособления этнического сувенира под запросы туристического рынка. «Самым уязвимым элементом культуры ввиду своей привлекательности

становятся мифологемы и мифологические образы, орнамент и его элементы. Именно их чаще всего заимствуют, видоизменяют и стилизуют, воспроизводят в самых разных вариантах, поскольку это самый простой и удобный способ придать предмету аутентичный образ, подчеркнуть его специфику и региональный колорит» [7 : 258]. Поскольку массовым спросом пользуются недорогие и функциональные сувениры, природный материал саамских изделий нередко заменяют на искусственный с целью оптимизации затрат и ускорения процесса их производства. Имитация аутентичных материалов воспринимается представителями многих этносов, в том числе и саамами, как нарушение самой сути вещи, включая процесс ее изготовления [12 : 95]. Данная тенденция имеет неоднозначные последствия. С одной стороны, внедрение и функционирование «псевдоэтнических» вещей разрушают традиционные образцы, с другой стороны, способствуют конструированию новых культурных форм [13 : 176]. Региональные власти заинтересованы в продвижении бренда региона и создании качественной сувенирной продукции (бренд-сувенира). Сувенирная продукция должна быть не только привлекательной для туристов, но и отражать ценности и традиции культуры коренного населения. С целью эффективного развития туристической индустрии требуется учитывать интересы всех заинтересованных сторон: государства, коренного населения и субъектов бизнеса [14 : 179].

Рис. 2. «Сумочки и варежки, стилизованные под саамские изделия» .
Фотография опубликована на официальном сайте «Туристер».
URL: <https://www.tourister.ru/world/europe/russia/city/murmansk/tips/8449>
(дата обращения: 11.02.2022)

В последние годы ведется активный диалог между представителями туристической индустрии и коренного населения Мурманской области. Представители саамов отстаивают свое право участвовать в развитии туризма. В медиапространстве с определенной периодичностью появляются новостные публикации, освещающие такие события: «В Мурманской области состоялся диалог представителей туристической индустрии и саамов»⁹; «Кольские саамы за туризм, но достоверный»¹⁰; «Культура саамов как изюминка Мурманской области»¹¹. Саамские активисты борются за сохранение самобытности культуры и традиций своего народа и считают недопустимым, когда не представители саамов надевают копии традиционной саамской одежды, а мастера-«непрофессионалы»

изготавливают и продают «грубые» репродукции саамских изделий ручной работы. Саамская культура превращается в маркетинговый инструмент и презентуется в упрощенной форме, что несет в себе риски вульгаризации и фальсификации подлинного наследия [15 : 147]. Председатель Саамского парламента Кольского полуострова Валентина Совкина на одной из встреч с представителями туриндустрии и региональной власти предложила разработать семинар или курсы по обучению гидов, которые профессионально рассказывали бы об образе жизни и культуре коренного малочисленного народа. «Представители саами просят, чтобы гиды рассказывали о реальных культурных вещах, а не путали, к примеру, жилища саамов с вигвамами и юртами»¹². Исследователь Е. Д. Митнева отмечает, что на сегодняшний день саамы являются наиболее успешным примером развития репрезентационных платформ и сотрудничества саамов и государства с целью разрушения стереотипов и шаблонов образа саамов [16 : 101].

Вместо заключения

Развитие этнокультурного туризма на территории Мурманской области вызывает необходимость разработки эффективных стратегий для создания качественных туристических продуктов, достоверно отражающих культуру и традиции кольских саамов. Саамские сувениры как символы «уникальности» и «экзотичности» культуры коренного населения Кольского Севера являются важной экономической составляющей туристского продукта и имиджевого продвижения региона.

Наращиванию роста сувенирного производства без ущерба для их качества, функциональности и подлинности способствуют субсидирование и грантовая поддержка этнокультурных проектов, проведение культурно-массовых мероприятий, а также активность представителей из числа коренного населения и местных ремесленников в виртуальном пространстве — продвижение этносувениров через социальные сети.

В заключение отметим, что перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более детальном изучении особенностей производства и функционирования саамских сувениров на территории Мурманской области. Кроме того, необходимо проведение глубинных интервью с целью изучения представлений о том, какими характеристиками должен обладать саамский сувенир с точки зрения представителей туристической индустрии, музейных работников, этнографов, представителей коренного населения и потенциальных покупателей (местного населения и туристов). «Сфера производства сувениров представляет собой почву для экспертной деятельности представителей различных гуманитарных наук и нуждается в особых культуросозидающих стратегиях и в грамотных профессионалах, способных на высокий уровень генерализации знания в рассмотренной сфере» [12 : 97].

Примечания

¹ Указ Президента Российской Федерации от 30 декабря 2021 г. № 745 «О проведении в Российской Федерации года культурного наследия народов России» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112310115> (дата обращения: 02.03.2022).

² В Мурманской области увеличено финансирование на поддержку коренных народов Севера // Официальный сайт «Правительство Мурманской области». URL: <https://gov-murman.ru/info/news/439040/> (дата обращения: 02.03.2022).

³ Сувенир // Толковый онлайн-словарь русского языка С. И. Ожегова. URL: <https://lexicography.online/explanatory/ozhegov/c/сувенир> (дата обращения: 23.02.2022).

⁴ Что привезти из Мурманска // Официальный сайт «Туристер». URL: <https://www.tourister.ru/world/europe/russia/city/murmansk/tips/8449> (дата обращения: 11.02.2022).

⁵ Мурманская область: сувениры и подарки // Официальный сайт TRIP-ADVICE.RU. URL: <https://trip-advice.ru/russia/murmansk.html> (дата обращения: 11.02.2022)

⁶ Что привезти из Мурманской области? // Официальный сайт «VISITMURMANSK.INFO». URL: <https://visitmurmansk.info/ru/chto-priviezti-iz-murmanskoj-oblasti/> (дата обращения: 11.02.2022).

⁷ Что привезти из Мурманска // Официальный сайт «Туристер». URL: <https://www.tourister.ru/world/europe/russia/city/murmansk/tips/8449> (дата обращения: 11.02.2022).

⁸ Что привезти из Мурманска // Официальный сайт «Туристер». URL: <https://www.tourister.ru/world/europe/russia/city/murmansk/tips/8449> (дата обращения: 11.02.2022).

⁹ В Мурманской области состоялся диалог представителей туристической индустрии и саамов // Официальный сайт «Комсомольская правда». 19 мая 2021 г. URL: <https://www.murmansk.kp.ru/daily/27280/4415397/> (дата обращения: 11.03.2022).

¹⁰ Андреева Е. Кольские саамы за туризм, но достоверный // Официальный сайт «Мурманский вестник». 18 февраля 2021 г. URL: <https://www.mvestnik.ru/newslet/kolskie-saami-za-turizm-no-dostovernyj/> (дата обращения: 11.03.2022).

¹¹ Андреева Е. Культура саамы как изюминка Мурманской области // Официальный сайт «Мурманский вестник». 5 февраля 2021. URL: <https://www.mvestnik.ru/newslet/kultura-saami-kak-izyuminka-murmanskoj-oblasti/> (дата обращения: 11.03.2022).

¹² Андреева Е. Кольские саамы за туризм, но достоверный // Официальный сайт «Мурманский вестник». 18 февраля 2021. URL: <https://www.mvestnik.ru/newslet/kolskie-saami-za-turizm-no-dostovernyj/> (дата обращения: 11.03.2022).

Список источников

1. Головнев А. В. Новая этнография Севера // Этнография. 2021. №1 (11). С. 6–24.
2. Суртаев Б. М. Этнографический туризм как способ сохранения и возрождения этнокультурного наследия // Вестник урovedения. 2012. 1 (8). С. 178–182.
3. Бодрова О. А. Этнокультурная специфика Кольского Севера в интернет-дискурсе // Труды КНЦ РАН. 2014. № 6 (25). С. 64–76.
4. Бодрова О. А. Этническая символика в контексте регионального брендинга (на примере Мурманской области) // Труды Ферсмановской научной сессии ГИ КНЦ РАН. 2017. № 14. С. 19–22.
5. Казакова К. С. Школьная образовательная система для детей коренного населения Кольского Севера: модели социального взаимодействия // Сибирский сборник — 4: Грани социального: Антропологические перспективы исследования социальных отношений и культуры: Памяти российского этнограф-а-тунгусоведа Н. В. Ермолаевой. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 523–530.

6. Сулейманова О. А., Пация Е. Я. Повседневно-бытовые аспекты адаптации саамов к городскому образу жизни // Труды Кольского научного центра РАН. 2016. № 8–10 (42). С. 89–106.
7. Перевалова Е. В., Киссер Т. С., Конькова Ю. С. Сувенир и этничность (опыт Ямала и Таймыра) // Кунсткамера. 2021. 4 (14). С. 249–261.
8. Акинфеева И. И., Железняк О. Е. Сувенир как феномен культуры: специфика и классификационные признаки // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2015. № 5 (100). С. 305–313.
9. Быстрова Т. Ю. Необходимые характеристики образа в дизайне сувенирной продукции // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2015. № 1. С. 91–97.
10. Кузнецова Н. Ф. Производство сувениров как ресурс для повышения туристской привлекательности региона // Азимут научных исследований: экономика, управление. 2018. Т. 7. № 3 (24). С. 143–148.
11. Владимировна Е. И., Береговая О. В. «Туристический сувенир»: функции и типология на примере сувенирной продукции Урала // Новые идеи нового века: материалы международной научной конференции ФАД ТОГУ. 2018. С. 38–42.
12. Леонов И. В., Соловьева В. Л. Этно-традиционный сувенир в пространстве массовой культуры // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2019. № 1 (38). С. 93–98.
13. Бодрова О. А., Разумова И. А. О современных технологиях репрезентации и сохранении этнической культуры кольских саамов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 1 (52). С. 172–178.
14. Бертош А. А. Арктический туризм: концептуальные черты и особенности // Труды КНЦ РАН. 2019. Т. 10. № 7–17. С. 169–180.
15. Бертош А. А. Материальное историко-культурное наследие в развитии туристской индустрии Арктической зоны РФ (на примере Мурманской области): общая постановка проблемы // Труды КНЦ РАН. 2018. Т. 9, № 11–15. С. 145–153.
16. Митнева Е. Д. Репрезентация и конструирование идентичности коренных народов в онлайн и офлайн медиа, развлекательной индустрии и туризме на примере саамов // История и культура Русского Севера и Арктики. Архангельск, 2018. С. 97–102.

References

1. Golovnev A. V. Novaya etnografiya Severa [New ethnography of the North]. *Etnografiya* [Ethnography], 2021, no. 1 (11), pp. 6–24. (In Russ.).
2. Surtaev B. M. Etnograficheskij turizm kak sposob sohraneniya i vrozozhdeniya etnokul'turnogo naslediya [Ethnographic tourism as a way to preserve and revive the ethno-cultural heritage]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2012, 1 (8), pp. 178–182. (In Russ.).
3. Bodrova O. A. Etnokul'turnaya specifika Kol'skogo Severa v internet-diskurse [Ethno-cultural specifics of the Kola North in the Internet discours]. *Trudy KNC RAN* [Transactions of KSC RAS], 2014, no. 6 (25), pp. 64–76. (In Russ.).
4. Bodrova O. A. Etnicheskaya simvolika v kontekste regional'nogo brendinga (na primere Murmanskoj oblasti) [Ethnic symbols in the context of regional branding (on the example of the Murmansk region)]. *Trudy Fersmanovskoj nauchnoj sessii GI KNC RAN* [Transactions of the Fersman scientific session of GI KSC RAS], 2017, no. 14, pp. 19–22. (In Russ.).

5. Kazakova K. S. Shkol'naya obrazovatel'naya sistema dlya detej korennoho naseleniya Kol'skogo Severa: modeli social'nogo vzaimodejstviya [School educational system for children of the indigenous population of the Kola North: models of social interaction]. *Sibirskij sbornik — 4: Grani social'nogo: Antropologicheskie perspektivy issledovaniya social'nyh otnoshenij i kul'tury: Pamyati rossijskogo etnografa-tungusoveda N. V. Ermolaevoj* [Siberian Collection — 4: Facets of the Social: Anthropological Perspectives on the Study of Social Relations and Culture: In Memory of the Russian Tungus Ethnographer N. V. Ermolaeva]. Saint Petersburg, MAE RAN, 2014, pp. 523–530. (In Russ.).
6. Sulejmanova O. A., Paciya E. Ya. Povsednevno-bytovye aspekty adaptacii saamov k gorodskomu obrazu zhizni [Everyday life aspects of Saami adaptation to the urban lifestyle]. *Trudy KNC RAN* [Transactions of KSC RAS], 2016, no. 8–10 (42), pp. 89–106. (In Russ.).
7. Perevalova E. V., Kisser T. S., Kon'kova Yu. S. Suvenir i etnichnost' (opyt YAmala i Tajmyra) [Souvenir and ethnicity (the experience of Yamal and Taimyr)]. *Kunstkamera* [Kunstkamera], 2021, 4 (14), pp. 249–261. (In Russ.).
8. Akinfeeva I. I., Zheleznyak O. E. Suvenir kak fenomen kul'tury: specifika i klassifikacionnye priznaki [Souvenir as a phenomenon of culture: specificity and classification features]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of the Irkutsk State Technical University], 2015, no. 5 (100), pp. 305–313. (In Russ.).
9. Bystrova T. Yu. Neobhodimye harakteristiki obraza v dizajne suvenirnoj produkcii [Necessary characteristics of the image in the design of souvenirs]. *Akademicheskij vestnik UralNIIproekt RAASN* [Academic Bulletin of UralNIIproekt RAASN], 2015, no. 1, pp. 91–97. (In Russ.).
10. Kuznecova N. F. Proizvodstvo suvenirov kak resurs dlya povysheniya turistskoj privlekatel'nosti regiona [Production of souvenirs as a resource for increasing the tourist attractiveness of the region]. *Azimuth nauchnyh issledovanij: ekonomika, upravleni* [Azimuth of Scientific Research: Economics, Management], 2018, vol. 7, no. 3 (24), pp. 143–148. (In Russ.).
11. Vladimirova E. I., Beregovaya O. V. “Turisticheskij suvenir”: funkcii i tipologiya na primere suvenirnoj produkcii Urala [“Tourist souvenir”: functions and typology on the example of Ural souvenirs]. *Novye idei novogo veka: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii FAD TOGU* [New ideas of the new century: materials of the international scientific conference FAD PNU], 2018, vol. 3, pp. 38–42. (In Russ.).
12. Leonov I. V., Solov'eva V. L. Etno-tradicionnyj suvenir v prostranstve massovoj kul'tury [Ethno-traditional souvenir in the space of mass culture]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* [Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture], 2019, no. 1 (38), pp. 93–98. (In Russ.).
13. Bodrova O. A., Razumova I. A. O sovremennyh tekhnologiyah reprezentacii i sohraneniya etnicheskoi kul'tury kol'skih saamov [On modern technologies of representation and preservation of the ethnic culture of the Kola Saami]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography], 2021, no. 1 (52), pp. 172–178. (In Russ.).
14. Bertosh A. A. Arkticheskij turizm: konceptual'nye cherty i osobennosti [Arctic tourism: conceptual features and features]. *Trudy KNC RAN* [Transactions of KSC RAS], 2019, vol. 10, no. 7–17, pp. 169–180. (In Russ.).

15. Bertosh A. A. Material'noe istoriko-kul'turnoe nasledie v razvitii turistskoj industrii Arkticheskoy zony RF (na primere Murmanskoy oblasti): obshchaya postanovka problemy [Material historical and cultural heritage in the development of the tourism industry in the Arctic zone of the Russian Federation (on the example of the Murmansk region): a general statement of the problem]. *Trudy KNC RAN* [Transactions of KSC RAS], 2018, vol. 9, no. 11–15, pp. 145–153. (In Russ.).
16. Mitneva E. D. Reprezentaciya i konstruirovaniye identichnosti korennykh narodov v onlajn i offlajn media, razvlekatel'noj industrii i turizme na primere saamov [Representation and construction of the identity of indigenous peoples in online and offline media, entertainment industry and tourism on the example of the Saami]. *Istoriya i kul'tura Russkogo Severa i Arktiki: sbornik nauchnykh statej* [History and Culture of the Russian North and the Arctic: collection of scientific articles]. Arhangel'sk, 2018, pp. 97–102. (In Russ.).

Информация об авторе

О. А. Сулейманова — кандидат исторических наук, научный сотрудник.

Information about the author

O. A. Suleymanova — PhD (History), Research Fellow.

Статья поступила в редакцию 31.03.2022; одобрена после рецензирования 05.04.2022; принята к публикации 19.04.2022.

The article was submitted 31.03.2022; approved after reviewing 05.04.2022; accepted for publication 19.04.2022.

Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 22. 2022. Т. 13, № 2. С. 32–48.
Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Humanitarian Studies. Series 22. 2022. Vol. 13, no. 2. P. 32–48.

Научная статья
УДК 82.09 : 929 + 55
doi:10.37614/2307-5252.2022.2.13.22.003

ЖАНРОВО-ВИДОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ КНИГИ ВОСПОМИНАНИЙ Е. Б. ХАЛЕЗОВОЙ. ЧАСТЬ 1. АВТОБИОГРАФИЯ

Ирина Алексеевна Разумова¹, Антонина Григорьевна Саморукова²

^{1, 2}Центр гуманитарных проблем Баренц региона Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук», Апатиты, Россия

¹irinazarumova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5960-9772>

²antonina.samorukowa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1306-3567>

Аннотация

Книга «Дорога длиною в жизнь» (2020) написана геологом, кандидатом наук Е. Б. Халезовой (1924–1921), дочерью И. Д. Борнеман-Старынкевич (1891–1988), видного ученого-химика и минералога. Статья представляет первую часть комплексного исследования этого текста как произведения фактуальной литературы и исторического источника. Цель статьи — определение жанровой природы текста фактуальной литературы как совокупности свойств. Доминирующий признак произведения — автобиографичность. Он определяет общий смысл, содержание, построение. Нарративная конструкция соответствует специфической биографической модели полевого исследователя, жизненный мир которого разделен надвое в пространственно-временном, событийном и прочих отношениях. В литературной реальности и в рассматриваемом случае автобиографичность устойчиво сочетается с признаками мемуаров и семейной истории. Сюжетопорождающие возможности семейной и профессиональной траекторий реализуются на уровне дискретных единиц кумулятивного сюжета. Биографическая модель согласуется с рядом признаков травелога. Произведение обладает свойствами художественности благодаря красочным описаниям, включению стихов в повествование и другим приемам. В целом оно может служить образцом фактуальной литературы с выраженной художественной функцией.

Ключевые слова:

фактуальная литература, автобиография, травелог, жанр, текст, хронотоп, жизнеописание ученого-геолога, литературоведение, антропология

Благодарности:

статья выполнена при поддержке федерального бюджета по теме государственного задания Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра Российской академии наук № FMEZ-2022-0028.

Для цитирования: Разумова И. А., Саморукова А. Г. Жанрово-видовые особенности книги воспоминаний Е. Б. Халезовой. Часть 1. Автобиография // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 22. 2022. Т. 13, № 2. С. 32–48. doi:10.37614/2307-5252.2022.2.13.22.003

© Разумова И. А., Саморукова А. Г., 2022

GENRE AND SPECIFIC FEATURES OF THE BOOK OF MEMOIRS BY E. B. KHALEZOVA. PART 1. AUTOBIOGRAPHY

*Irina A. Razumova*¹, *Antonina G. Samorukova*²

^{1, 2}*Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Apatity, Russia*

¹*irinazarumova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5960-9772>*

²*antonina.samorukowa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1306-3567>*

Abstract

The book "The Road of a Lifetime" (2020) was written by a geologist, candidate of sciences E. B. Khalezova (1924–1921), daughter of I. D. Borneman-Starynkevich (1891–1988), prominent chemist and mineralogist. The article presents the first part of a comprehensive study of this text as a work of factual literature and a historical source. The purpose of the article is to determine the genre nature of the text of factual literature as a set of properties. Autobiography is the dominant feature of the work. It defines the general meaning, content and construction. The narrative construction corresponds to a specific biographical model of a field researcher, whose life world is divided into two halves in terms of space, time, events and other aspects. In the literary reality and in the case under consideration, autobiography is consistently combined with signs of memoirs and family history. The plot-generating possibilities of family and professional trajectories are realized at the level of discrete units of a cumulative plot. The biographical model is consistent with a number of features of the travelogue. The work has the properties of artistry due to colorful descriptions, the inclusion of poems in the narrative and other techniques. In general, it can serve as an example of factual literature with an enhanced artistic function.

Keywords:

factual literature, autobiography, travelogue, genre, text, chronotope, biography of a geologist, literary criticism, anthropology

Acknowledgments:

the study was funded from the federal budget as part of the state project No. FMEZ-2022-0028 assigned to the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Razumova I. A., Samorukova A. G. Genre and specific features of the book of memoirs by E. B. Khalezova. Part 1. Autobiography // Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Humanitarian Studies. Series 22. 2022. Vol. 13, no. 2. P. 32–48. doi:10.37614/2307-5252.2022.2.13.22.003

Введение

Фактуальная литература в последние десятилетия заняла одно из главных мест в авторских и читательских предпочтениях, а потому и в литературоведческих исследованиях. Со своей стороны, историки с полным правом обращаются к ней как к источнику, что требует более углубленного понимания ее природы и специфики, нежели просто признания высокого уровня субъективности в передаче событий и фактов. Эта область литературы характеризуется установкой на достоверность и реалистическую фактографию, подкрепленную документами, а также ослабленной художественной функцией в сравнении с беллетристикой. «Особое качество документальной литературы в той установке на подлинность, ощущение которой не покидает читателя, но которая далеко не всегда равна фактической точности» [1]. Мемуарист, биограф, автобиограф, как и историк, «прокладывает дорогу от факта к его значению» (Л. Гинзбург), поскольку и историческое мышление, и повседневные действия, и моделирование художественных миров основываются на символизации действительности.

В работах Е. Г. Местергази была аргументирована концепция, согласно которой «всякое произведение, в котором факт выполняет не столько служебную, сколько самостоятельную эстетическую функцию, есть произведение, принадлежащее художественной реальности; “документальная литература” может быть выделена в отдельный вид художественной литературы с присущей ему спецификой художественной образности; жанровое своеобразие литературы с главенствующим документальным началом позволяет выделить в ней чистые (первичные) и сложные (вторичные) жанры, функционирующие на нескольких уровнях. При этом именно развитие таких жанров, как “невывымышленный рассказ”, “документальная повесть”, “документальный роман” накладывает особый отпечаток на литературу XX в.» [2 : 5].

Анализ приемов повествования применим к текстам как художественным, так и документальным. По утверждению Ж. Женетта, при их разграничении «важен только официальный статус текста и горизонт его прочтения». На фикциональность или фактуальность могут указывать тематические, стилистические признаки, способы включения прямой речи и некоторые другие характеристики текста, но следует признать, что «не существует ни чистого вымысла, ни настолько строго исторического повествования, чтобы в нем не оказалось никакого “оформления интриги” и никаких романических приемов; что оба режима, таким образом, отстоят друг от друга вовсе не так далеко, и каждый из них, со своей стороны, отнюдь не так однороден, как может показаться на расстоянии» [3 : 405–406].

Авторы и художественной, и документальной литературы, как большей частью и читатели, мыслят в определенных, привычных жанровых категориях, которые определяются на основе литературной реальности. Что касается исследовательских задач, то проблемы идентификации и номенклатуры жанров разных видов литературы являются остро дискуссионными и в литературоведении, и в историческом источниковедении. Во-первых, потому, что границы полей художественной и фактуальной письменной словесности весьма условны. Во-вторых, категория жанра, несмотря на традицию ее теоретической разработки, требует постоянного переосмысления вследствие естественного развития литературного процесса. Тем более это касается мемуаров, биографий, автобиографий, хроник, записок, писем, дневников и ряда других литературных форм, которые принято относить к документальным или эгодокументальным. Академик С. С. Аверинцев, анализируя развитие жанров в истории литературы, отмечал, что «так называемые низовые жанры (например, «необработанная» проза некоторых мемуарных текстов <...>), с нашей, современной точки зрения представляющие собой подчас весьма интересную и высококачественную литературу, но не осознававшиеся или неотчетливо осознававшиеся как литература, объективно оказались за некоей чертой» [4 : 113], а между тем изучение таких полупризнанных («младших», «гибридных») жанров «очень важно для истории литературы, потому что эти жанры особенно пластичны и подвижны; в них закладываются основы более поздних жанровых явлений», и реалистический подход к литературному процессу, к литературе как процессу без их учета немислим» [5 : 20].

Разные жанры объединяются, когда они воплощают некий общий принцип, который находится за пределами собственно жанра. Для обозначения этого процесса литературовед В. А. Луков предложил понятие жанровой генерализации. К генерализующим принципам (установкам) относятся, в частности, биографизм,

документализм, историзм и другие. Рассматривая проблему в историческом ключе, В. А. Луков отнес появление этой тенденции к рубежу XIX–XX вв. и связал ее с тотальным разрушением жанровых границ [6]. Соответственно, «литература с главенствующим документальным началом» (рабочий термин, предложенный Е. Г. Местергази [2 : 16]), объединяет массив разножанровых текстов.

Современные финляндские исследователи подчеркивают, что жанры — это научная абстракция, и они определяются на основе общих свойств, которые создают устойчивые сочетания (кластеры), порождающие сходство текстов [7]. Именно эти свойства, в первую очередь, интересны для анализа. Есть произведения, демонстрирующие некоторые характеристики жанра, но не принадлежащие к какому-либо жанру в целом, и гибридизация жанровых характеристик является обычным приемом повествования в литературе [7 : 92]. Если для практических классификаторских целей (например, при архивации текстов, составлении баз данных) возможна и полезна жанровая таксономия, то при анализе конкретных произведений эвристическую ценность представляют, прежде всего, отдельные признаки и их комбинаторика — как устойчивая, так и специфическая (культурно обусловленная) или уникальная авторская. Мы исходим из того, что «мемуары», «биография», «автобиография» не являются жанрами в строгом значении понятия, а представляют определенные установки авторов и свойства текстов, которые могут доминировать или отступать на периферию, образовывать более или менее устойчивые сочетания с другими генерализующими принципами и свойствами произведений. Авторы как художественных, так и фактуальных повествований обозначают свои произведения, используя устоявшиеся («хроника жизни», «автобиографическая повесть») или менее привычные, изобретенные (например, «стоп-кадры» у Р. А. Кравченко-Бережного¹) идентификаторы. Жанровые обозначения устанавливают диалог с читателем, определяя рамки авторского видения реальности, способов ее понимания и представления.

При дифференцирующем эмпирическом подходе можно заметить, насколько разнообразно и уникально могут сочетаться генерализующие (видовые) основания, жанровые свойства и конкретные способы их реализации в конкретных произведениях. В каждом случае их комбинирование определяется авторским замыслом, который нацелен на некую аудиторию, обеспечивает смысловое единство текста и соответствующее ему оформление, а также зависит от ряда контекстуальных факторов. К ним относится, в частности, уровень литературной компетентности пишущего. Насколько она связана с писательством как профессией — вопрос открытый. В любом случае эта связь не прямая, особенно когда авторами являются, с одной стороны, не собственно литераторы, искушенные в создании разного рода текстов, с другой стороны, отнюдь не наивные сочинители. По крайней мере «тексты, написанные “для семейного употребления” в интеллигентной среде, будут вполне соответствовать литературным нормам; играет свою роль и степень личной талантливости автора» [8 : 5]. С этих позиций обратимся к книге Е. Б. Халезовой «Дорога длиною в жизнь» [9]².

Об авторе

Евгения Борисовна Халезова (1924–2011) — минералог, кандидат геолого-минералогических наук. Более сорока лет она проработала в Институте минералогии, геохимии и кристаллохимии редких элементов (ИМГРЭ), изучая цирконосиликаты щелочных массивов, в том числе Кольского полуострова. О себе писала так:

«Геолог, дочь геологов, жена геолога — всю жизнь с ранней юности провела “в поле”». Е. Б. Халезова родилась 21 января 1924 г. в семье Ирины Дмитриевны Борнеман-Старынкевич (1891–1988), химика и минералога, и Бориса Андреевича Борнемана (1897–1943), геолога, погибшего в годы Великой Отечественной войны. Родители расстались еще до рождения дочери, но контакты с отцом не прекращались прежде всего за счет тесных родственно-свойственных связей. Мать Евгении Борисовны происходила из дворянского рода, представители которого служили государству на административном, военном, научном поприщах. Прадед, Сократ Иванович Старынкевич, в 1875–1892 гг. состоял в должности президента Варшавы. В разные периоды в дружеский круг Старынкевичей входили семьи научной интеллигенции — Вернадские, Ольденбурги и другие. И. Д. Борнеман-Старынкевич считала своим учителем в науке академика В. И. Вернадского, была коллегой и соратницей академика А. Е. Ферсмана. По его приглашению она приехала на Кольский полуостров, не побоявшись взять с собой двух маленьких детей, и стала первым химиком-аналитиком Хибинской исследовательской горной станции «Тиетта» Кольской базы Академии наук СССР.

Детские годы Евгении Борисовны прошли в Хибинах (с 1932 по 1935 гг.), позже, в 1948–1950 гг. и в 1976 г., она приезжала на Кольский полуостров в экспедиции. К началу Великой Отечественной войны Женя закончила девятый класс в Москве, куда семья переехала из Ленинграда. Эвакуировались они в Башкирию, в Уфу, вместе с институтом, в котором работала И. Д. Борнеман-Старынкевич, а многие родственники оставались в Ленинграде (некоторые из них погибли в блокаду). Школьное образование пришлось продолжать в вечерней форме, причем урывками, поскольку надо было обеспечивать голодающую семью с больным ребенком (братом). Женя работала в геологической экспедиции коллектором, это был физически тяжелый труд, с постоянными отъездами. В Уфу был эвакуирован Московский нефтяной институт имени академика И. М. Губкина, куда и удалось поступить на учебу, так как это было возможно даже без аттестата. Через некоторое время после возвращения в Москву Евгения Борисовна перевелась на геологический факультет Московского государственного университета (МГУ). После окончания МГУ в 1949 г. ее направили работать в Институт геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии Российской академии наук (ИГЕМ, после реорганизаций с 1956 г. — ИМГРЭ). Е. Б. Халезова окончила заочную аспирантуру на геологическом факультете МГУ, в 1968 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Циркон щелочного комплекса Урала». За годы работы, начиная с середины 1940-х гг. до 1991 г., с отдельными перерывами Евгения Борисовна участвовала в продолжительных экспедициях в разные области, края и республики СССР: на Кольский полуостров, в Карелию, на Урал, Дальний Восток (Приморье), Алтай, в Закарпатье, Якутию, Среднюю Азию. Она дважды была замужем, воспитала сына. А еще писала стихи, многие из которых вошли в книгу ее воспоминаний.

Автобиографическая модель

Доминирующее начало, которое определяет общий смысл, содержательное наполнение, построение книги Е. Б. Халезовой — автобиографичность. С современной литературоведческой точки зрения автобиография — «это своего рода программа по конструированию единства жизни на протяжении некоторого времени. Извне кажется, что это единство создается причинно-следственной цепочкой событий,

но на самом деле структурирующая роль принадлежит неким общим сквозным мотивам, темам, схемам, благодаря которым в автобиографии воссоздается и начинает функционировать особое “жизненное поле”, “пейзаж души”, “государство души”» [10 : 248]. Автобиография — средство самопознания и способ самопредставления автора. Такие произведения пишут с высоты определенного возраста и жизненного опыта, при этом, в отличие от биографии, у них открытый финал. Написание автобиографии — попытка противостоять уходящему времени, заново пережить свою жизнь, придав ей смысловую цельность. «Если взглянуть на жизнь, как на канву, не вглядываясь в подробности узора, вышитого на ней ковра, то она кажется очень короткой, — писала Е. Б. Халезова. — Только недавно было детство в Ленинграде, много родных, большая квартира, вечера, заполненные музыкой, чтением... Где всё это? Куда так быстро ушло? Но если вглядеться в прошлое подробнее, то, боже мой, какая же она длинная, разнообразная, заполненная и счастьем, и горем, и страданием эта наша жизнь. Но всё уходит, уходит... И остаются лишь воспоминания. Но ведь это тоже богатство, да ещё какое богатство! Когда погружаешься в них, то проживаешь заново всю свою жизнь. Это так интересно!» (с. 65).

Организующие смыслы определяются по паратекстовым компонентам произведения³, которые создают условия его понимания читателем, свидетельствуют об авторских установках. Жизнеописания в самом распространенном варианте обозначаются как «путь», «дорога», «тропа» и т. п. Когда речь идет о «человеке путешествующем», как в случае Е. Б. Халезовой, стертая метафора приобретает дополнительное основание, обновляющее ее семантику. На идею «жизненного пути», применимую к самым разным биографиям, накладывается смысл жизни человека, который по основному роду занятий и призванию не только физически много времени находится в дороге, но, главное, не может без этого реализоваться ни в профессиональном отношении, ни в целом как личность.

С философско-антропологической точки зрения, как пишет философ С. А. Смирнов, автобиография осуществляет «антропологическую навигацию», то есть реконструирует жизненную траекторию, маршрут. Пытаясь «обрести, нащупать и обрамить своё незаменимое никем место в этой жизни», автор «всякий раз это место как точку фиксирует и увязывает с иной точкой», «выстраивая ломаную линию», на которой отмечены моменты больших и малых изменений; и «тогда в его слове начинает дышать время, неуловимое само по себе вне этих точек событийности» [11 : 78]. Такая разметка дороги жизни, во-первых, воплощается в структуре автобиографического повествования, во-вторых, соответствует его хронологу.

Способ пространственно-временной организации жизненного материала фиксирует оглавление. Основная часть книги Е. Б. Халезовой, озаглавленная так же, как и вся книга, состоит из 26 глав (большинство из них имеют внутреннюю структуру в виде подглав). Их названия содержат пространственно-географические, временные (в том числе возрастные) и событийные показатели с явным преобладанием первых. Содержание начальных глав относится к детству и ранней юности: «Раннее детство», «Хибины — сказочная страна моего детства», «Школьные годы». Далее — главы, маркированные историческим временем-событием: «Перед войной», «Война», «Эвакуация». Они вместили период национальной трагедии, сопряженный со сменой образа жизни, кризисным

переездом и жизнью в эвакуации, с утратой близких (включая отца Е. Б. Халезовой, младшего брата, родственников в блокадном Ленинграде), непомерными физическими тяготами. В Москву семья в составе И. Д. Борнеман-Старынкевич, дочери Евгении, двух ее младших двоюродных сестер (дочерей пропавшей в блокаду сестры Бориса Андреевича Борнемана) и няни возвратилась в ноябре 1943 г. Война продолжалась, от Б. А. Борнемана не было известий, квартира в столице пропала. Однако жизнь при всех бытовых неурядицах и беспокойстве о родных влилась в относительно привычное русло работы и учебы (глава «В Москве»). Летом 1944 г. Евгения уже участвовала в экспедиции на Дальний Восток, в Приморский край, для изучения магматизма и рудных месторождений. Ход экспедиции, ее участники, природа, процесс работы, происшествия описаны поэтапно, живо и подробно в главе «Приморье». Она разделена на подглавы «В дороге», «Под землей», «В погоне за садящимся в море солнцем», «В глубь Уссурийской тайги», «Подарок судьбы» (о том, как чудом удалось избежать гибели при транспортировке на вагонетке), «Маршрут через водораздел к Японскому морю», «"Непроходы"» (о преодолении на маршруте участков скал, обрывающихся к морю), «На вершину без дороги», «Степан» (об одном из участников экспедиции, с которым «ни в военную, ни в геологическую» разведку «ходить не стоит»), «В обратный путь». В отличие от этой главы, предыдущая и последующая («Зима 1944–1945 годов»), посвященные московской жизни, очень кратки, не более двух страниц печатного текста каждая. Описано впечатление от праздничного салюта в День Победы: «Забывать его невозможно. Для нашего поколения это самый великий праздник» (с. 251). Далее — глава о следующей экспедиции «Поездка на Алтай в 1945 году», тоже разделенная на рассказы о маршрутах, видах работы, впечатлениях от общения с коллегами и местным населением и т. д.

Концентрация событийности и жизненных впечатлений в периоды и в местах экспедиций хорошо осознается всеми полевыми исследователями. Е. Б. Халезова пишет: «Особенно ярко запоминаются только летние сезоны, потому что они связаны с экспедициями, с новыми местами, с новыми людьми и в связи с этим с новыми впечатлениями. Зимы все более или менее одинаковы и от них остаются в памяти лишь отдельные события» (с. 291). Глава «Переход в МГУ», обозначенная по важному для молодого геолога биографическому событию, в большей части посвящена рассказу о крымской практике летом 1946 г. В 1947 г. главным событием стала экспедиция в Ловозерские тундры (здесь и далее авторское написание. — *Ред.*), а «Московские события» ограничились свадьбой подруги и болезнью сестренки, о чем рассказывается на одной страничке книги. Этапы мобильности и оседлости чередуются, причем первые главным образом развивают автобиографический сюжет и формируют его хронотоп. В границах времени жизни советского геолога размещается вся страна СССР: от крайних точек юго-запада (Закарпатье) и востока (Приморья), от северных фронтиров (Кольского полуострова, Якутии) до самой южной территории (Таджикистана). При этом события, которые антропологически ассоциированы с жизненным циклом человека, в синопсисе книги, или схематизированном содержании, о котором можно судить, в частности, по оглавлению, занимают весьма скромное место внутри значимых жизненных этапов. Основное содержание главы «Кольский полуостров — песня моей юности» связано с экспедициями на полуостров в 1948 и 1950 гг. Автор

рассказывает о Ловозерском щелочном массиве, о лагере геологов у истока речки Ильмаюк, обстоятельствах передвижений, о маршрутах на Вавнбед, Сейдозеро, Пайкуньявр, о приключениях и опасностях, оставивших травмы или чудом избегнутых (описан случай, когда геологи попали под камнепад) и т. д. События, касающиеся профессионально-статусных изменений («Защита диплома», «Распределение») и семейной жизни («Замужество»), присутствуют в повествовании, скорее, в качестве интерлюдий; названия этих подглав не включены в основное содержание. Вместе с тем рождение сына в феврале 1952 г. стало важнейшей вехой, оно изменило жизненный ритм. Рассказом об этом событии, включившем обстоятельства рождения, выбор имени, первую игрушку, страх за здоровье ребенка, первое общение малыша с животным, помощь матери, которая стала бабушкой, отселение молодой мамы с сыном в отдельное жилье, завершается глава. Следующая — «Вишневогорские сезоны» — посвящена возобновившимся после двухлетнего перерыва экспедициям, на этот раз на Урал. Симптоматично, что начинается рассказ об уральских экспедициях с семейного происшествия, когда по возвращении Евгении Борисовны из рекогносцировочной трехнедельной поездки сын ее не узнал. Этот мотив характерен для семейных рассказов (устных и письменных) о работающих матерях, имеющих маленьких детей, особенно когда их деятельность связана с отлучками. С уральских экспедиций начала 1950-х гг. в повествование включается новый мотив — испытания разлукой с ребенком. Лейтмотивом он не становится, но звучит вполне ясно: «Я шла на станцию и роняла слезы. Для меня эта разлука тоже была тяжелой. Но работа есть работа. Или надо было менять свою специальность и становиться лабораторным работником, или уезжать в экспедицию» (с. 353). Основную часть забот о внуке Саше принимала на себя И. Д. Борнеман-Старынкевич, которая работала в Москве. К «уральскому» периоду относится второе замужество Е. Б. Халезовой в 1958 г. преимущественно по тому основанию, что избранник «совершенно покорило Сашино сердце» (с. 364). Супруги прожили вместе десять лет и расстались перед самой защитой кандидатской диссертации Евгении Борисовны: «Вопреки ожиданиям, защищая диссертацию, я почти не волновалась, потому что мои личные дела в то время давали повод к гораздо большему волнению» (с. 394).

Единственная глава основной части книги, заполненная в основном семейными историями, приходится на период стационарной работы Е. Б. Халезовой: «Двенадцать лет оседлой жизни (1960–1971 годы)». Переход к оседлости произошел потому, что сын пошел в школу: «Кончилось у моего маленького сына беззаботное детство» (с. 368). В летний лагерь детей принимали только на одну смену, и не стало возможности уезжать на все лето в поле. Главу об оседлой жизни за немногими исключениями составляют рассказы о рекреационных поездках членов семьи в разном составе или с другими родственниками, друзьями: на Рижское взморье, в Теберду, Молдавию, на Селигер, в Подмосковье, на дачу или в школьный лагерь. Одно из путешествий Евгении Борисовны с матерью и сыном было на пароходе в преобразившуюся за послевоенные годы Уфу, где не удалось найти могилу умершего в войну брата. После описания одной из отпускных поездок Е. Б. Халезова грустно заметила: «Кончилось лето. Наступила осень, потом зима, и потянулись однообразные дни: подъем, завтрак, работа, магазины, готовка,

стирка, уборка и никакого просвета среди этих будней. Разве что Новый год и день рождения мамы под старый Новый год» (с. 398). Событием в семейной жизни «оттепельного» времени стало обретение родственников, которые жили во Франции, с ними наладились контакты. Период оседлости включил подготовку и защиту Евгенией Борисовной диссертации, а также постепенное взросление сына: прохождение по школьным ступеням, поступление в МГУ и скорую женитьбу. Сложилась благоприятная ситуация для возобновления полевой работы.

Объемная глава «1972–1976 годы» в тематическом отношении наиболее разнообразна. Эти годы вместили в себя несколько экспедиций: в Киргизию с заездом в Узбекистан, в Белгородскую область для изучения Курской магнитной аномалии, в Закарпатье. Семейная тема получила развитие с рождением внучки (подглава «Анечка»). Кроме того, в повествование вплетаются лирико-романтические мотивы, связанные с воспоминаниями о давнем друге и встречами с ним, а также с особыми отношениями духовного взаимопонимания, которые установились с одним молодым участником закарпатской экспедиции. В этой главе много стихов автора, и в целом по мере развития повествования в него включается все больше поэтических текстов.

Последующие восемь глав вновь означены как экспедиционные: «Вблизи Баренцева моря», «По Белоруссии и Карелии», «Средняя Азия», «По Кавказу», «Донбасс», «Таджикистан», «Якутия», «Летние сезоны 1984–1987 годов». Самой разнообразной была экспедиция 1979 года, длившаяся с середины августа почти до ноября. За это время участники, состав которых менялся, проехали по нескольким среднеазиатским республикам, далее — на Кавказ (через Азербайджан и Грузию) и Донбасс. В Якутию в 1983 г. Е. Б. Халезова поехала поварихой, воспользовавшись тем, что заблаговременно подготовила отчет по теме и была свободна. Эту экспедицию она назвала «злосчастной», поскольку состав оказался неудачным, включая начальника и напарницу, которые вели себя как «господа на отдыхе», так что «в воспоминаниях об этом лете остались бесконечные примеры их самодурства, бесцеремонности и эгоизма» (с. 535). В 1984–1986 гг. полевые сезоны проходили в Узбекистане и Таджикистане, от них в памяти остались «только некоторые эпизоды». Несмотря на пенсионный возраст, Евгения Борисовна «была еще полна сил и не представляла своего существования без работы». Тем не менее, узнав «тревожные вести» о сокращении штатов в институте за счет пенсионеров, она не стала дожидаться, когда ей предложат написать заявление об уходе, и по возвращении с полевых работ в 1986 г. подала его сама. «Но трудиться не перестала. Два месяца в году пенсионеры имели право работать. Кроме того, летом можно было оформиться в экспедицию на рабочую должность и продолжать работать по своей прежней тематике» (с. 545), что она и сделала. 1987 год ознаменовался, во-первых, рождением внука во втором браке сына, во-вторых, экспедицией в Ловозерские тундры (Ревда, Сейдозеро) в качестве минералога.

В 1988 г. не стало Ирины Дмитриевны Борнеман-Старынкевич. Под этим годом Е. Б. Халезова поместила главу — биографический очерк «О маме», извинившись перед читателем за возможные повторы. В него она включила шуточные стихи, написанные самой И. Д. Борнеман-Старынкевич и сочиненные к ее юбилеям. Завершается глава рассказом о людях, которые помогли Евгении Борисовне пережить тяжелое горе: о подруге, семье двоюродного брата в Киеве и случайном знакомом, оказавшемся экстрасенсом.

Последние три полевых сезона Е. Б. Халезовой прошли в Таджикистане, в районе месторождения Кончоч (Скальное). Рассказ о них крайне лаконичен и представляет, скорее, сообщение (с. 376). Самая маленькая глава «Последние годы моей работы» содержит, помимо этой информации, краткие рассказы о событиях семейной жизни — встрече сына с отцом, ушедшим из семьи еще до его рождения (подглава «Андрей»), а также о драматических исторических обстоятельствах, в которых завершились и сезон 1991 г., и полевые работы в целом (подглава «Переворот»).

С одной стороны, автобиография как собственное жизнеописание предполагает незавершенность, открытость финала. С другой стороны, в качестве и опыта осмысления жизни, и текста она обладает цельностью. Название последней главы книги — «Работа кончилась, а жизнь продолжается» — отражает это сущностное противоречие. Если учесть устойчивость культурной модели противопоставления частного (семейного) общественному (профессиональному), самое вероятное продолжение жизни по завершении профессионального пути предсказуемо связано с линией семейного времени и семейным пространством, с потомками, жизнь которых после выхода на пенсию помещается в центр интересов. Рассказ о правнучке, общении с ним по существу завершает повествование Е. Б. Халезовой (подглава «Кирюша»). Однако в книге есть еще один, заключительный абзац, имеющий собственное название и статус итоговой подглавы — «Мой друг — компьютер». Он переключает с семейного на личное, на смысл индивидуальной жизни: «у меня появилось новое интересное дело». Новым делом жизни стало написание книги. Именно ее читатель держит в руках, но в текстовой (художественной, виртуальной) реальности она представляется незавершенной, написание — действие настоящего времени («пишу эти строки»). Цельность и ценность жизни определяются индивидуально пережитым опытом: «Я благодарна своей памяти за то, что в минуты невзгод и неприятностей могу отрешиться от всего и уйти в далёкое прошлое, воспоминание о котором, как по мановению волшебной палочки, переносит меня в прекрасные места, к интересным событиям, к моим дорогим друзьям, с которыми мы понимали друг друга с полуслова» (с. 590).

Литературные свойства

Определять жанровую принадлежность книги «Дорога длиною в жизнь» возможно, прежде всего, на основании одного из самых устойчивых для фактуальной литературы сочетаний признаков: автобиографичности и мемуарности (свидетельствовании об исторической реальности)⁴.

Устойчивым надо признать также сочетание автобиографии с семейной историей или — в более упорядоченном структурно-композиционном варианте — с семейной хроникой. Конкретные формы этих комбинаций достаточно разнообразны. В книге Е. Б. Халезовой семейно-исторический сюжет присутствует в двух ракурсах. Во-первых, семейно-генеалогическое знание сообщается в предыстории авторского жизнеописания. Автобиография относится к типу текстов с незавершенным финалом, но с акцентированным началом [12]. Имеет значение не просто рождение как факт, но рождение как происхождение. Первая часть книги, по смыслу и расположению предшествующая началу «дороги», состоит из трех глав и сформирована по традиционному генеалогическому патронимическому принципу: «Прадед — Сократ Иванович

Старынкевич», «Дед — Дмитрий Сократович Старынкевич и его семья», «Папа — Борис Андреевич Борнеман». Однако принцип этот строго не выдержан, поскольку знание автора о родословии отца не просто ограничивалось его родителями, но было весьма скудным, по крайней мере по сравнению со знанием о предках со стороны И. Д. Борнеман-Старынкевич.

Во-вторых, в любую автобиографию неизбежно вплетается семейный сюжет, если семья имела хоть какое-то значение в жизни автора. Жизнь Е. Б. Халезовой объективно проходила в кругу семьи — домочадцев, с которыми она жила и с которыми даже в периоды долгих разлук была связана мыслями и перепиской. Ближайший круг составляли мать, в разное время мужа, сын, а затем семьи сына, его дети и внуки, а расширенный круг включал других близких родственников и няню. При этом о личной жизни — супружестве и, возможно, романах — Евгения Борисовна пишет крайне сдержанно, с недоговоренностями, романические мотивы намечены пунктирно и требуют от читателя известного воображения. Характерной чертой произведения является параллелизм двух линий жизни — оседлой, семейной, и кочевой, профессиональной. Они четко распределяются по подглавам в составе каждой главы. Ближе к концу повествования эта структурная особенность текста становится особенно отчетливой.

Автобиографиям путешествующих профессионалов присущи черты травелога, который литературоведы нередко ассоциируют с жанрами путевого дневника и записок. Исследования, посвященные литературе путешествий, поэтике конкретных произведений и самой жанровой дефиниции, убеждают в том, что обозначение «травелог» применимо не к конкретному жанру, а к метажанровому образованию [12–18]. Одним из оснований жанрообразования фактуальной литературы путешествий служит типология реальных практик странствований. Они создают смысловое поле, формируют сюжет и фонд мотивов, хронотоп и т. д. «Дорога длиною в жизнь», в которой описана практика маятниковых передвижений с научными целями, может быть рассмотрена и в таком аспекте. Жизнеописание геолога — это серия путешествий, разделенных во времени и пространстве. Они составляют единый сюжет кумулятивного типа, который «строится на “нанизывании”, пространственном сближении, присоединении структурно самостоятельных единиц» и представляет одну из «элементарных и в то же время фундаментальных эстетических интуиций» [19 : 60]. В отличие от собственно романного сюжета, в нем нет ключевой коллизии, что не исключает ее наличие в отдельных микросюжетах — дискретных единицах единого повествования⁵.

Вместе с тем и в своей цельности сюжет «Дороги длиною в жизнь» является кумулятивным, с двумя ведущими сюжетными линиями. Обе соотносятся с нормальным и типическим ходом жизни и одновременно повинуются ее реальной драматургии. Основной событийный план составляют, во-первых, нарушающие обыденность происшествия на маршрутах, связанные с опасностью передвижения и пребывания в дикой природе; во-вторых, кризисные моменты семейного цикла (браки, разводы, смерти, болезни, рождение и важные моменты взросления детей), в-третьих, конфликтные ситуации межличностных взаимоотношений, например, глубокий внутренний конфликт Е. Б. Халезовой с участниками якутской экспедиции, который испортил ей полевой сезон и не получил внешнего выражения только благодаря ее выдержке; в-четвертых (а с точки зрения литературности, может быть, и во-первых), это

события внутренней жизни автора: моменты глубоких душевных переживаний, подъемов и спадов, переосмысления отношения к людям и миру. Отчасти они связаны с романтическими отношениями, но не только. Их описания, а чаще упоминания, добавляют произведению свойство психологизма, усиливая «литературность» текста. Лаконичность в описании чувств компенсируется стихами автора. Они включаются в текст в тех местах, когда события требуют эмоциональной реакции. В такие периоды, как признается автор, стихи «пела моя душа, и я вынуждена была записывать их, так как иначе не могла заснуть. Рука не поспевала за слагающимися рифмами. Когда я пишу стихи, то мне кажется, что я здесь ни при чем, а что кто-то свыше диктует, и руке остается только успеть их записать» (с. 421).

Художественность тексту придают описания, в целом характерные для литературы путешествий и относящиеся преимущественно к «полевым» главам. Поэтические способности, склонность Е. Б. Халезовой к стихотворчеству сказались на образном языке описаний природы, ландшафтов. Например, так описано первое впечатление по прибытии в поселок Усть-Нера в Якутии: «Кругом горы, а на хребтиках торчат скалы, как зубцы от гребенки. Одна из них особенно интересна — ее спускающийся в долину хребет напоминает спину доисторического чудовища, так как по кромке хребта, как зубцы динозавра, торчат отдельные острые скалы. На вершинках и в ложбинках по склонам лежит снег, но не холодно. Здесь растет карликовая березка и лиственница. Воздух в горах ароматный от клейких листьев стелющейся по камням черной смородины» и т. д. (с. 530). Картины природы наполнены цветовыми оттенками, звуками и запахами, населены растениями и животными, как в описании южной ночи в Таджикистане: «В голову приходят сюжеты из волшебных сказок. Особенно ночью в полнолуние, когда снег на горах голубеет, горы становятся синими, а долины, в которые падает тень от гор, — темными <...>. Тишину нарушает лишь слабый шум протекающей внизу реки и журчание маленьких водопадов где-то высоко в горах. Вдруг среди этой тихой ночной сказки раздается протяжный волчий вой, и тотчас же нарушается весь покой ночи. Кричат испуганные ишаки в кишлаке, находящемся на противоположной от нас террасе долины реки Сары-Таг, лают собаки, пасущие стада овец. И долго еще не стихает этот ночной переполох. Наконец опять воцаряется тишина» (с. 493). Словесной живописи сопутствует передача нюансов настроения человека, который воспринимает меняющийся окружающий мир. Как-то в поездке на высокогорье Евгения Борисовна с напарниками «встали очень рано, чтобы успеть до начала рабочего дня залезть на самую вершину и посмотреть на восход солнца <...>. При свете фонарей шли медленно, так как под ногами были крупные осыпи. Над головами висел серп луны и, переливаясь, дрожали звезды. Через полчаса, пока еще не рассвело, мы достигли вершины. Далеко внизу сверкали огни большого города. Это было так неожиданно и сказочно красиво, что мы в один голос воскликнули: “Что это?!” — “Это Самарканд”, — ответил наш спутник. Приближался рассвет. Пропали звезды, побледнел месяц, небо на востоке стало голубеть, потом розоветь, становиться все ярче и ярче, и, наконец, показалась над горизонтом горбушка солнца, а вот и все оно целиком выкатилось в небо. Поблекли огни Самарканда, и ночная сказка пропала» (с. 543).

В произведении и в мироощущении автора жизненный мир разделен на домашний (неподвижный, однообразный, городской), с одной стороны, и полевой (движущийся, разнообразный, природный), с другой стороны.

Они противопоставлены сюжетно, композиционно и отчасти стилистически, а также образно — в поэтической символике:

Ночная красота
Мне не дает уснуть...
И яркая звезда,
И бледный Млечный Путь <...>
И белые снега
Сверкающих вершин,
На небе облака
И темнота долин.
Весь спящий сонный мир
Приносит мне покой.
Кончоч, ты мой кумир.
Я не хочу домой
(с. 494–495, стихотворение «Ночь»).

Отдельного разбора заслуживали бы описания характеров, внешности, поведения персонажей. В произведении их немало: родные, друзья и подруги, напарники по экспедициям, даже встреченные в поездках люди, знакомство с которыми было мимолетным, но запомнившимся. Помимо фотографий членов семьи и предков, в книгу помещены фотопортреты друзей, подруг, коллег, не говоря уже о любительских экспедиционных снимках. Социальный мир автобиографа не просто плотно населен — он и «звучащий». Обилие прямой речи, диалогов сближает фактуальное повествование с романным, художественным. О персонажах не только рассказывается, они показаны, что придает действующим лицам свойство художественных образов. Это не означает, что произведение относится к фикциональной литературе, оно не перестает быть «литературой факта» по базовым принципам, но обретает литературные качества, благодаря которым является не только документом, но и книгой для чтения. Художница Татьяна Холина-Джемардьян после прочтения электронной версии воспоминаний Е. Б. Халезовой в 2007 г. написала на своей странице в Живом Журнале: «Много букв: мастерски и любовно, со старомодной обстоятельностью сплетённых в текст. Конечно, такие вещи надо читать с бумаги»⁶.

Заключение

Смысловая цельность книги Е. Б. Халезовой «Дорога длиною в жизнь» воплощается в представлении собственной жизни как серии геологических маршрутов, чередующихся с периодами домашнего стабильного и обыденного существования. Повествовательная конструкция соответствует специфической биографической модели профессионала — полевого исследователя, жизненный мир которого разделен надвое в пространственно-временном, событийном, эмоционально-психологическом и иных отношениях. Доминирующий признак произведения — автобиографичность. В литературной реальности, как и в рассматриваемом случае, он устойчиво сочетается с признаками мемуаров и семейной истории. Семейная и профессиональная темы обладают сюжетопорождающими возможностями, которые здесь реализуются на уровне дискретных единиц кумулятивного сюжета. Конкретная биографическая модель согласуется с рядом признаков травелога (в значении не жанра, а области литературы), который, в свою очередь, предполагает описательность. Сочинение

обладает свойствами художественности благодаря литературному дару автора, описаниям природы и персонажей, использованию прямой речи, включению стихов в повествование. В целом, произведение, если осмысливать его в рамках видовых и жанровых категорий в качестве совокупности определенных свойств, может служить образцом фактуальной литературы с усиленной по отношению к главным задачам этой области словесности художественной функцией.

Примечания

¹ Кравченко-Бережной Р. А. Между белым и красным: Стоп-кадры моего XX века. СПб.: «Гамас», 2008. 423 с.

² Далее в статье ссылки на страницы книги приводятся после цитат в круглых скобках по этому изданию. Первое издание: Халезова Е. Б. Дорога длиною в жизнь. М.: Аэродром, 2017. 608 с.

³ Паратекст — совокупность компонентов, сопровождающих и обрамляющих письменный текст. Паратекстовые составляющие являются смыслообразующими и структурообразующими единицами художественного текста, которые полностью не принадлежат основному тексту в качестве его частей, но образуют с ним единое целое и оказывают влияние на читательское восприятие. К ним относятся заглавие, подзаголовок, посвящение, эпиграф, предисловие и послесловие, оглавление и др.

⁴ Под мемуарностью (мемуарным началом) мы понимаем метажанровый принцип фактуальной литературы: признание воспоминаний о реальных событиях, обстоятельствах, личностях, основывающихся на осознании «себя в потоке истории» в качестве исторического свидетельства. Подробнее вопрос об историчности и мемуарном начале книги мы предполагаем рассмотреть во второй части статьи.

⁵ «Выделение событий — дискретных единиц сюжета — и наделение их определенным смыслом, с одной стороны, а также определенной временной, причинно-следственной или какой-либо иной упорядоченностью, с другой, составляет сущность сюжета» (Лотман Ю. М. Происхождение сюжета в типологическом освещении // Лотман Ю. М. Избранные статьи. В 3 т. Т. I. Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллинн: «Александра», 1992. С. 242).

⁶ Дорога длиною в жизнь: воспоминания Евгении Халезовой. URL: <https://t-holina.livejournal.com/91609.html> (дата обращения: 21.03.2022).

Список сокращений

ИГЕМ — Институт геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии Российской академии наук

ИМГРЭ — Институт минералогии, геохимии и кристаллохимии редких элементов

ИМЛИ — Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук

МГУ — Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Список источников

1. Гинзбург Л. Я. О документальной литературе и принципах построения характера // Вопросы литературы. 1970. № 7. С. 62–91. URL: <https://voplit.ru/article//o-dokumentalnoj-literature-i-printsipah-postroeniya-haraktera/> (дата обращения: 25.03.2022).
2. Местергази Е. Г. Художественная словесность и реальность: документальное начало в отечественной литературе XX в.: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2008. 49 с.

3. Женетт Ж. Фигуры: в 2 т. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. 472 с.
4. Аверинцев С. С. Историческая подвижность категории жанра: опыт периодизации // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. М.: Наука, 1986. С. 104–116.
5. Аверинцев С. С. Жанры как абстракция и жанры как реальность: диалектика замкнутости и разомкнутости // Взаимосвязь и взаимовлияние жанров в развитии античной литературы. М.: Наука, 1989. С. 3–25.
6. Луков В. А. Жанры и жанровые генерализации // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 1. С. 141–148.
7. Kokkonen T., Koskinen I. Genres as Real Kinds and Projections // Genre — Text — Interpretation Multidisciplinary Perspectives on Folklore and Beyond / Edited by Kaarina Koski and Frog with Ulla Savolainen. Finnish Literature Society; SKS. Helsinki: Studia fennica folkloristica, 22, 2016. P. 89–109.
8. Неклюдов С. Ю. От составителя // «Наивная литература»: Исследования и тексты. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. С. 4–21. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/publications.htm> (дата обращения: 21.03.2022).
9. Халезова Е. Б. Дорога длиною в жизнь. М.: Наука, 2020. 607 с.
10. Болдырева Е. М. Автобиографизм и автобиография: самоконструирование и семиотизация субъекта // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 4. С. 242–251.
11. Смирнов С. А. Апология автобиографии. Часть 1. Автобиография: проблема метода // Человек.RU. 2018. № 13. С. 66–103.
12. Лотман Ю. М. О моделирующем значении понятий «конца» и «начала» в художественных текстах // Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. С. 427–430.
13. Travel Writing / ed. by P. Hulme, T. Youngs. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 356 p. (The Cambridge Companion).
14. Русский травелог XVIII–XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы: коллективная монография / под ред. Т. И. Печерской, Н. В. Константиновой; Минобрнауки РФ, Новосибир. гос. пед. ун-т. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2016. 462 с.
15. Гуминский В. М. Русская литература путешествий в мировом историко-культурном контексте. М.: ИМЛИ РАН, 2017. 605 с.
16. Аксенова М. В. Травелог: путешествие жанра и жанр путешествий // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2018. № 3 (31). С. 170–176. DOI: 10.29025/2079–6021-2018-3(31)-170-176
17. Пономарев Е. Р. Травелог vs. путевой очерк: постколониализм российского извода // Новое литературное обозрение. 2020. № 6 (166). С. 562–580.
18. Соловьев А. Ю. Русская литература путешествий в исследованиях последних лет // Русская литература. 2021. № 3. С. 254–262. DOI: 10.31860/0131-6095-2021-3-254-262
19. Бройтман С. Н. Историческая поэтика. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 368 с.

References

1. Ginzburg L. Ya. O dokumental'noj literature i principah postroeniya haraktera [On Documentary Literature and Principles of Character Building]. *Voprosy literatury* [Questions of Literature], 1970, no. 7, pp. 62–91. (In Russ.). Available at: <https://voplit.ru/article//o-dokumentalnoj-literature-i-printsipah-postroeniya-harakter/> (accessed 25.03.2022).
2. Mestergazi E. G. *Hudozhestvennaya slovesnost' i real'nost': dokumental'noe nachalo v otechestvennoj literature XX veka. Avtoreferat diss. d-ra. filolog. nauk* [Fiction and Reality: Documentary Origins in Russian Literature of the 20th Century. Dr. Sci. (Philology) diss. abstract]. Moscow, 2008, 49 p. (In Russ.).
3. Zhenett Zh. *Figury* [Figures]. Moscow, Sabashnikov Publishing House, 1998, 472 p. (In Russ.).
4. Averincev S. S. Istoricheskaya podvizhnost' kategorii zhanra: opyt periodizacii [Historical mobility of the genre category: the experience of periodization]. *Istoricheskaya poetika. Itogi i perspektivy izucheniya* [Historical poetics. Results and prospects of the study]. Moscow, Nauka, 1986, pp. 104–116. (In Russ.).
5. Averincev S. S. Zhanry kak abstrakciya i zhanry kak real'nost': dialektika zamknutosti i razomknutosti [Genres as abstraction and genres as reality: the dialectic of closedness and openness]. *Vzaimosvyaz' i vzaimovliyanie zhanrov v razvitii antichnoj literatury* [Relationship and mutual influence of genres in the development of ancient literature]. Moscow, Nauka, 1989, pp. 3–25. (In Russ.).
6. Lukov V. A. Zhanry i zhanrovye generalizacii [Genres and genre generalizations]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2006, no. 1, pp. 141–148. (In Russ.).
7. Kokkonen T., Koskinen I. Genres as Real Kinds and Projections. *Genre — Text — Interpretation Multidisciplinary Perspectives on Folklore and Beyond*. Ed. by Kaarina Koski and Frog with Ulla Savolainen. Finnish Literature Society. SKS. Helsinki, *Studia fennica folkloristica*, 22, 2016, pp. 89–109.
8. Neklyudov S. Yu. Ot sostavitelya [From the compiler]. “*Naivnaya literatura*”: *Issledovaniya i teksty* [“Naive literature”: Research and texts]. Moscow, Moskovskij obshchestvennyj nauchnyj fond, 2001, pp. 4–21. (In Russ.). Available at: <http://www.ruthenia.ru/folklore/publications.htm> (accessed 21.03.2022).
9. Halezova E. B. *Doroga dlinoyu v zhizn'* [The road of a lifetime]. Moscow, Nauka, 2020, 607 p. (In Russ.).
10. Boldyreva E. M. Avtobiografizm i avtobiografiya: samokonstruirovaniye i semiotizaciya sub"ekta [Autobiographism and autobiography: self-construction and semiotization of the subject]. *Yaroslavskij pedagogicheskij byulleten'* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2017, no. 4, pp. 242–251. (In Russ.).
11. Smirnov S. A. Apologiya avtobiografii. Chast' 1. Avtobiografiya: problema metoda [Apologia for autobiography. Part 1. Autobiography: the problem of the method]. *Chelovek.RU* [Human.RU], 2018, no. 13, pp. 66–103. (In Russ.).
12. Lotman Yu. M. O modeliruyushchem znachenii ponyatij “konca” i “nachala” v hudozhestvennykh tekstah [On the modeling meaning of the concepts of “end” and “beginning” in literary texts]. *Semiosfera* [Semiosphere]. Saint Petersburg, Iskusstvo–SPB, 2000, pp. 427–430. (In Russ.).
13. Hulme P., Youngs T. (eds.) *Travel Writing*. Cambridge, Cambridge University Press, 2002, 356 p. (The Cambridge Companion).

14. Pecherskaya T. I., Konstantinova N. V. (eds.). *Russkij travelog XVIII–XX vekov: marshruty, toposy, zhanry i narrativy: kollektivnaya monografiya* [Russian travelogue of the 18th–20th centuries: routes, topoi, genres and narratives: collective monograph]. Novosibirsk, Izdatel'stvo Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Publishing House of the Novosibirsk State Pedagogical University], 2016, 462 p. (In Russ.).
15. Guminskij V. M. *Russkaya literatura puteshestvij v mirovom istoriko-kul'turnom kontekste* [Russian travel literature in the world historical and cultural context]. Moscow, Institut mirovoj literatury Rossijskoj Akademii nauk [Institute of World Literature RAS], 2017, 605 p. (In Russ.).
16. Aksenova M. V. Travelog: puteshestvie zhanra i zhanr puteshestvij [Travelogue: Journey of the Genre and the Genre of Travel]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Actual Problems of Philology and Pedagogical Linguistics], 2018, no. 3 (31), pp. 170–176. (In Russ.). DOI: 10.29025/2079–6021-2018-3(31)-170-176
17. Ponomarev E. R. Travelog vs. putevoj ocherk: postkolonializm rossijskogo izvoda [Travelogue vs. travel essay: post-colonialism of the Russian edition]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 2020, no. 6 (166), pp. 562–580. (In Russ.).
18. Solov'ev A. Yu. Russkaya literatura puteshestvij v issledovaniyah poslednih let [Russian Travel Literature in Recent Studies]. *Russkaya literatura* [Russian Literature], 2021, no. 3, pp. 254–262. (In Russ.). DOI: 10.31860/0131-6095-2021-3-254–262
19. Brojtman S. N. *Istoricheskaya poetika* [Historical poetics]. Moscow, Izdatel'skij centr “Akademiya” [Publishing Center “Academy”], 2004, 368 p. (In Russ.).

Информация об авторах

И. А. Разумова — доктор исторических наук, главный научный сотрудник;
А. Г. Саморукова — научный сотрудник.

Information about the authors

I. A. Razumova — Doctor of Sciences (History), Chief Research Fellow;
A. G. Samorukova — Research Fellow.

Статья поступила в редакцию 15.03.2022; одобрена после рецензирования 01.04.2022;
 принята к публикации 19.04.2022.

The article was submitted 15.03.2022; approved after reviewing 01.04.2022; accepted
 for publication 19.04.2022.

Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 22. 2022. Т. 13, № 2. С. 49–61.

Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Humanitarian Studies. Series 22. 2022. Vol. 13, no. 2. P. 49–61.

Научная статья

УДК 314.745"1930-1940"(=112/2/511/1)

doi:10.37614/2307-5252.2022.2.13.22.004

РАССКАЗЫ О ПЕРЕЕЗДАХ 1930–1940-Х ГОДОВ ПО ВОСПОМИНАНИЯМ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СЕМЕЙ С ФИНСКИМИ И НЕМЕЦКИМИ КОРНЯМИ (ИЗ ПОЛЕВЫХ МАТЕРИАЛОВ)

Елена Владиславовна Бусырева

Центр гуманитарных проблем Баренц региона Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук», Апатиты, Россия, ebusyreva@mail.ru, orcid.org/0000-0002-2054-2910

Аннотация

Статья посвящена воспоминаниям о переездах в 1930–1940-х гг. семей с финскими и немецкими корнями, представители которых проживают на территории Мурманской области. Материалами послужили как устные рассказы информантов, так и письменные мемуары членов семьи. Рассказы и мемуары содержат интересные исторические сведения. В результате проведенного анализа были выявлены общие черты в сюжетах о переездах. Выявлено, что и для финнов, и для немцев наиболее значимым событием в нарративах о переездах была депортация по национальному признаку. Совпадали и детали в описании дороги. Чаще всего упоминались бомбежки. Воспоминания носят субъективный характер, проявляющийся в отборе информации, оценке и интерпретации событий. Они ценны, во-первых, тем, что содержат исторические детали повседневной жизни, не отраженные в официальных источниках, воспроизводят атмосферу конкретной эпохи, во-вторых, позволяют выявить ретроспективные оценки исторических процессов, знания и представления о них на уровне семейной памяти.

Ключевые слова:

семейная память, нарратив, раскулачивание, депортация, эвакуация, переселенцы

Благодарности:

статья выполнена при поддержке федерального бюджета по теме государственного задания Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра Российской академии наук № FMEZ-2022-0028.

Для цитирования: Бусырева Е. В. Рассказы о переездах 1930–1940-х годов по воспоминаниям представителей семей с финскими и немецкими корнями (из полевых материалов) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 22. 2022. Т. 13, № 2. С. 49–61. doi:10.37614/2307-5252.2022.2.13.22.004

Original article

STORIES ABOUT MOVING IN THE 1930S–1940S BASED ON THE MEMORIES OF FAMILIES WITH FINNISH AND GERMAN ROOTS (FROM FIELD MATERIALS)

Elena V. Busyreva

Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Apatity, Russia, ebusyreva@mail.ru, orcid.org/0000-0002-2054-2910

© Бусырева Е. В., 2022

Abstract

The article is devoted to the memories about moving in the 1930s–1940s of families with Finnish and German roots, whose representatives live in the Murmansk region. The oral history materials, as well as memoirs of relatives were used in the article. The stories contain interesting historical information. As a result of the analysis, common features were identified in stories about moving. It was revealed that for Finns and Germans the most significant event in the stories about moving was deportation on a national basis. The details in the description of the road also coincided. The bombings were most often mentioned. Although the memoirs are subjective in assessing events, they are valuable in that they not only contain historical details of everyday life that are not reflected in official sources, but also help to immerse into the atmosphere of a certain era.

Keywords:

family memory, narrative, dispossession, deportation, evacuation, settlers

Acknowledgments:

the study was funded from the federal budget as part of the state project No. FMEZ-2022-0028 assigned to the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Busyreva E. V. Stories about moving in the 1930s–1940s based on the memories of families with Finnish and German roots (from field materials) // Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Humanitarian Studies. Series 22. 2022. Vol. 13, no. 2. P. 49–61. doi:10.37614/2307-5252.2022.2.13.22.004

Введение

В последнее время устные свидетельства очевидцев миграций финских и немецких семей в 1930–1940-е гг. все чаще привлекают внимание исследователей. В основу статьи легли записанные автором воспоминания жителей Мурманской области, идентифицирующих себя с финскими или немецкими семейно-родственными общностями, о переселении в период коллективизации и в годы войны. Среди информантов есть свидетели тех далеких событий. Сведения, полученные от них, наиболее ценны именно потому, что они непосредственно участвовали в процессах коллективизации, депортации и т. д. Некоторых информантов уже нет в живых. Основное же их количество составили потомки финнов и немцев, воспроизводящие рассказы своих родителей. Возраст информантов варьируется начиная с 1922 до 1975 г. рождения. Интервью были записаны в период с 2009 по 2021 гг.

Семейная память, носителями которой являются члены семьи (рода), тесно переплетается с исторической памятью, поскольку история семьи связана с отечественной, этнической, локальной и т. д. историей. Субъектом исторической памяти может быть общность любого уровня, социальный институт (наука, школа и т. п.), социальная группа [1 : 49]. Историческая память (или социальная память) накапливает, хранит и транслирует от одного поколения общности к другому значимую для социума информацию [2 : 119–120].

Социальная память этноса отражает драматические события в истории народа [2 : 119]. Таким событием для российских финнов и немцев была депортация по национальному признаку. Семейная память, так же как и социальная память, сохраняет и передает значимые для семьи события прошлого. «Чем больше масштаб исторического события или процесса, тем больше шансов, что это окажется отражено и в семейной памяти, и не только как «фон», но и как непосредственный биографический фактор» [1 : 49]. К таким наиболее важным историческим событиям, которые сохранила семейная память, относятся период коллективизации и годы войны.

Социальная (и семейная) память сохраняется благодаря устной традиции, мемуарам [2 : 121]. В данной статье представлены цитаты из интервью 22 информантов, выдержки из опубликованных мемуаров отца информанта Г. Л.¹

и неопубликованных мемуаров отца информанта В. А. Помимо этого, семейная память может передаваться не только вербально, но и через семейные фотографии и реликвии [3 : 26]. Со временем мемуары, документы, семейные реликвии начинают выполнять функцию исторического источника.

Переезды в 1930-е гг.

Причины переездов в 1930-е гг. были различными. К основным можно отнести, во-первых, раскулачивание и выселение в отдаленные районы с целью освоения территорий, богатых природными ресурсами; во-вторых, строительство военно-морских баз Северного флота на месте финских колоний; в-третьих, спасение от возможных репрессий, а также поиск работы. Самой распространенной в рассказах о переездах в 1930-х гг. была тема о выселении раскулаченных семей. Как подтвердили интервью, лишение родного дома и последующее за этим выселение становится травмирующим событием для всей семьи [4 : 8]. Из интервью информанта Э. Л., 1931 г. р.: *«В тридцать пятом нас раскулачили. У отца был домик-пятистенка. Помогали мамыны сестры строить. Прожили мы в нем год или нет. Приехали ночью — всё! Погрузили нас, восемь человек. Отец-инвалид был одноглазый, мама беременная. А мне что — четырех лет не было. Ну что мы могли взять с собой. Только то, что одето, да, может, какие-то узелочки с собой. Им нужен был дом наш».* Переезд спецпереселенцев осуществлялся в экстремальных обстоятельствах, что сказалось на количестве перевозимого имущества, поскольку со стороны властных структур осуществлялась конфискация практически всего нажитого [3 : 80]. Информант А. Х., 1958 г. р. поделилась воспоминаниями своей матери: *«Семью выгнали из дома, под дулами винтовок посадили на телегу и под конвоем повезли на станцию. Младшая дочь в это время болела, ее хотели завернуть в одеяло, но одеяло для больного ребенка взять не разрешили, сказав, что это все уже не принадлежит семье. Но матери все-таки удалось умолить конвоиров, и одеяло позволили взять. На станции членов семьи посадили в товарный вагон и долго куда-то везли. Привезли их в «чисто поле» — ни домов, ни барачков. Поставили палатку и жили в ней».* Переселение происходило в соответствии с инструкциями, разработанными властными структурами. По этой причине рассказы о переселении раскулаченных содержат совпадение деталей в описаниях выселения, транспортировки и т. д. [5 : 104].

Воспоминания об утрате налаженного быта и семейных реликвий встречаются не только в рассказах раскулаченных, но и в интервью американских финнов, приехавших в Советский Союз по призыву. Из рассказа информанта Л. М., 1956 г. р.: *«Бабушка с дедушкой приехали в тридцать первом году в поисках работы. Бабушка рассказывала, что, когда они уезжали из Комсомольска-на-Амуре, у них большой сундук был. Когда с Америки приехали, одежды очень много было. И фотографии в этом же сундуке были. Пришлось его оставить почему-то. Не смогли увезти, прямо на вокзале всё оставили».*

Отдельная история произошла в крестьянской семье из Автономной Республики Немцев Поволжья. Как сообщил информант Г. К., 1953 г. р.: *«Они сами ушли в Казахстан в тридцатых годах, но, в каком точно, не могу сказать. Собрали имотки и всем табором ушли».* Возможно, добровольный отказ от налаженной жизни связан с тем, что в 1932–1933 гг. этот регион Поволжья оказался во власти голода [6 : 3].

Следующая тема переселения связана со строительством военно-морских баз Северного флота [7 : 3]. Было дано указание ликвидировать финские колхозы

и переселить инонационалов с западного побережья Баренцева моря на Терский берег. В число переселенцев попали семьи информантов В. С., Г. К. и С. П. Из интервью информанта Г. К., 1949 г. р.: *«Когда бабушку с дедушкой арестовали, маму, её сестер и других жителей Озерко погрузили на баржу и вывезли на Терский берег. Не тронули только одну тетю, потому что она вышла замуж за русского»*. Из интервью информанта С. П., 1975 г. р.: *«В тридцать шестом году семью выслали из Эйно-губы (Озерковский сельсовет) в Умбу»*. Судя по интонации информантов, вынужденный переезд не вызывал одобрения со стороны переселенцев. Это и понятно, кому понравилось бы бросать скотину, налаженное хозяйство, создаваемое многие годы упорным трудом в нелегких условиях.

Особняком стоят рассказы о вынужденных переездах с целью обезопасить себя от более серьезных проблем. Первый рассказ относится к периоду коллективизации. Из интервью информанта А. Х., 1922 г. р.: *«Когда началась коллективизация, там начались колхозы. Отца поставили кладовщиком в колхоз. Председателем колхоза стал из “Комитета Бедноты” один. Бухгалтером — то же самое, из “Комитета Бедноты”. Те ночью пьянствовали. Те, значит, пьянствовали, а отца поставили кладовщиком. Принесут бумажку “Выдай столько-то водки, выдай хлеба”, еще что-нибудь, масла и так далее. Одни только бумажки. А куда эти бумажки? “Я потом их все подпишу. Выдавай, не возражай!” И, помню, отец матери говорил: “Они меня посадят в конце концов”. И мы услышали тогда, что вербовщик появился в деревне, который вербует в Карелию. Отец пошел, вербовщика этого нашел, и тут же договор с нами заключил. Мы завербовались в Карелию в лесную промышленность. Сначала в Кондопогу переехали»*. Следующие рассказы относятся к более позднему периоду — началу репрессий. Из интервью информанта Т. Р., 1945 г. р.: *«Отец работал в конструкторском бюро. Там проектировали тяжелые самолеты. Сначала арестовали начальника. И в тридцать шестом году отец, опасаясь репрессий, устроился работать на Мурманскую железную дорогу. Когда приехал в Мурманск, то ему предложили жить и работать в Умбе. Мотивировали тем, что там самые красивые места на Кольском Севере»*. В годы Большого террора случалось и так, что на спецпоселение люди ехали добровольно. Среди них оказалась мать информанта А. Ф., 1940 г. р.: *«Мама в тридцатые годы работала прислугой в Питере, в консульстве Германии»*. Чтобы избежать репрессий, она уехала на север к раскулаченной родне, тем более что единство семьи всегда было гарантом выживания в тяжелые времена [8 : 22].

Хотелось бы напомнить и подчеркнуть, что в 1930-е гг. вынужденные переселения носили классовый характер.

Переезды в 1940-е гг.

Воспоминания информантов о переездах в 1940-е гг. начинаются с рассказов о депортации финнов и немцев из Мурманской области летом 1940 г. по этническому признаку. В соответствии с приказом НКВД СССР № 00761 от 26 июня 1940 г. семьи инонационалов были депортированы из Мурманской области в Карелию². Депортация — насильственное переселение народов по национальному признаку, с «зарубежными соплеменниками которых ведется или может вестись война», носит превентивный характер [9 : 30]. В нарративах о депортации и последовавших за ней событиях встречается много общих сюжетов. Все эти рассказы наполнены болью, поэтому многие представители старшего поколения стараются вытеснить из сознания трагические воспоминания [1 : 49]. Но, несмотря на это обстоятельство, удалось получить ряд ценных интервью.

Интересный факт произошел в семье информанта А. Ф., 1940 г. р. Так случилось, что, когда его семью депортировали из Мурманской области, он родился по дороге: *«В сороковом всех немцев отсюда выселили в июле. И получается, что я родился по дороге»*. Другой случай из интервью информанта Г. Л., 1953 г. р.: *«Папу выселили в шестнадцать лет. Папа рассказывал, что тяжелей всего было расставаться с собакой. В сорок первом папа на подступах к Петрозаводску окопы рыл. В сорок втором его в армию призвали, а вместо армии — ГУЛАГ Челябинский»*. Рассказ дочери дополняют воспоминания самого отца: *«Теплушки были переполнены. По нужде ходить было некуда. Лишь в Кандалакше впервые удалось добыть воды. В Карелии их перевезли на тот берег на барже»*. Следующий этап — это выселение финнов подальше от линии фронта, в Архангельскую область и Коми, осенью 1941 г. Из мемуаров С. Локко: *«Баржу тащил буксир. Когда плыли, их обстреляли из самолетов. Среди эвакуированных началась дизентерия, голод. Антисанитарнейшие условия. Уже более трех недель в пути — и им ни разу не выдали продуктов. В Архангельске погрузили в “телячьи” вагоны и довели до разъезда Тарза. Пришли подводы и повезли их на дальний участок лесопункта»* [10 : 380–383]. Антисанитарные условия во время переезда упоминаются во многих интервью, в частности в рассказе информанта А. Р., 1955 г. р.: *«Во время войны семью в составе бабушки с детьми и внуками из колонии “Доброполье” везли в Кустанайскую область около двух месяцев в вагонах для скота в антисанитарных условиях под конвоем до станции Жарколь (Федоровка), затем на лошадях и волах перевезли всех в поселок Березовка Федоровского района»*. Также в Казахстан депортировали семью информанта И. Ф., 1972 г. р.: *«Всю семью в Казахстан отправили. Тетушка, которая осталась в Казахстане, потом, после распада Советского Союза, продала дом за восемь мешков сахара. Они тогда были последним немецким домом на улице. Не было там жизни вообще»*. Очень подробными воспоминаниями о дороге поделилась информант А. Х., 1927 г. р., которая оказалась непосредственным участником депортации: *«Погрузили нас на баржу, и плыли мы, плыли, плыли. Не знаю, куда мы плыли. И очень долго мы плыли. Какой-то буксирчик нас тащил. И, думаете, куда мы приплыли? В Архангельск. А уже Архангельск замёрзший был. И мы когда в Архангельске вышли, было темно. И вот так стояли штабелями высоко от земли, я не знала, что это было, и спросила у папы: “Что это такое?” Он говорит: “Это там умершие” <гробы штабелями>. А когда мы плыли, эта баржа была настолько глубокая, по-моему, два яруса людей. И ещё в самом низу были, но это, по-моему, самые немощные были. Их-то зачем гнать туда? Там умирали эти люди за ночь, потому что никто никому не помогал. А сейчас я скажу обратное. Видимо, какая-то козявка очень быстро выросла. У всех было столько много вшей! Какое-то освещение на барже было. Вот между нашими местами и той было пространство, и мы могли спокойно упасть туда, к старикам, которые за ночь умирали. От чужих вшей мы были как-то ограждены. И если у нас появились вши, то это были уже свои. Даже я помню, как мы все. Чтобы что-то нам давали, я не помню. Ничего не давали. У кого что было, то и ели. Кто что прихватил с собой. И вот такой голодовки в этой барже я не помню. У нас была картошка. А внутреннюю часть баржи как-то подтапливали для тепла. Детвора теперешняя не та, которая была. Мы эту картошку разрезали и на эту железку. И она пеклась. И все, кто был, ели. Но, как только темнота начиналась, нас*

загоняли в трюм. Ну, я послушная и спускалась в трюм. А мальчишки успели увидеть, еще какое-то любопытство, почему нас в трюм загоняли. А оказывается, этих мёртвых собирали и их туда. Вот довели нас до Архангельска, оттуда до Плесецка, а из Плесецка до Глубоковского лесопункта. Как нас везли, стреляйте, я не помню. На чем-то холодном. И когда мы приехали туда, там тоже бараки. И стали нас распределять по комнатам. Как жить, когда тут ещё люди? А стены между этими комнатами — просто доски кривые, вот такие щели. Каждый мог увидеть, что делалось в другой комнате. Это потом, конечно, любопытство разбирало. Тех выселяли куда-то, а нас вселили на их тёплое место. Потом мы узнали, что это выселяли русских немцев». Этот рассказ интересен еще и тем, что отражает особенности восприятия дороги подростком: необычное приготовление еды (запекание картошки), распространение вшей из-за антисанитарных условий, гробы штабелями и т. д. Также обращает на себя внимание высказывание «никто никому не помогал». И это можно понять, поскольку в подобных экстремальных условиях доминирует установка на самосохранение [11 : 8].

Рассказы о голоде во время депортации встречаются во многих интервью. Информант В. С., 1939 г. р., рассказывала: «После Карелии нас выслали в Архангельскую область. По дороге в Архангельскую область оба деда умерли от голода». Информант Г. К., 1949 г. р.: «Мама мне рассказывала, значит, тётю с детьми погрузили на поезд и эвакуировали. Она попала в Коми. По дороге у нее дети все умерли, потому что, наверное, нечем было кормить. И она там умерла». Примечательно, что информанты не употребляют слово «депортация». Данная особенность встречается и в других нарративах.

Другой мотив в рассказах — это закапывание ценных вещей перед отъездом. Со слов информанта Т. Р., 1945 г. р.: «Бабушка перед эвакуацией закопала наиболее ценные вещи, но после войны не нашли». Из интервью Н. Я., 1942 г. р.: «Когда немцы стали подходить, их опять на паромах отправили через Онежское озеро на ту сторону. Дали краткий срок на сборы. Так родители выкопали яму, всё туда покидали, что у них было на случай, если вдруг вернуться. Пока плыли на паромах, их бомбили. Из пяти паромов только один уцелел». Воспоминания о бомбежках во время переездов в военное время очень часто встречаются в рассказах информантов, это один из самых устойчивых мотивов. Так, со слов отца информанта В. Л., 1968 г. р., их «отправляли в Финляндию на баржах, которые бомбили советские летчики, а когда узнали, что на баржах советские граждане, бомбить перестали». Дело в том, что деревня находилась в Ленинградской области и оккупационные власти отправляли ингерманландских жителей этой деревни в Финляндию. Из воспоминаний информанта Э. Л., 1931 г. р.: «Во Вторую мировую войну нас эвакуировали в Тюменскую область. Сначала до Ладоги довели. А Ладогу сильно бомбили перед баржой — нас вернули обратно. Военные боялись, что финны придут, поэтому нас эвакуировали в Тюменскую область. Четыре тети и трое детей. Одна тетя в дороге умерла, в Свердловске. Не хоронили. Прямо штабелями складывали. Заворачивали, обшивали тряпками и складывали штабелями. Остальные три тетки с детьми доехали на поезде до Омска. Там нас погрузили на баржи, чтобы отвезти до Нового Порта. В Новом Порту, как только причалили, умерла самая старшая тетя. А Елена умерла осенью сорок первого». Члены этой финской семьи смогли вернуться в Ленинградскую область из спецпоселения в 1954 г. Среди информантов есть и немецкая семья, которую также депортировали

в Новый Порт, информант Е. Б., 1960 г. р.: *«Их эвакуировали только летом сорок второго года. Дедушку депортировали по национальному признаку, хоть он и был коммунистом ленинского призыва. Бабушка и мама могли не ехать, потому что бабушка была русская. Но, видимо, решили быть вместе. При этом они не знали, куда их везут, были в полном неведении. Потом узнали, что их везут в Новый Порт, в устье Оби».* Информант продолжила: *«Дедушка с бабушкой смогли уехать с севера лишь в пятьдесят восьмом году, только мама смогла вернуться в Ленинград сразу после войны, потому что у нее в паспорте была указана национальность “русская”, как у бабушки».*

Еще один пример рассказа о бомбежках — из интервью информанта Р. К., 1936 г. р.: *«Добиралась до Котласа в теплушках, на нарах. Тетя Айна говорила, что бомбили».* «Телячий» вагон, «теплушки» традиционно упоминаются в рассказах переселенцев. Поездка в таком вагоне в тюремных условиях рассматривается как нечеловеческая [4 : 9]. Следующий рассказ о бомбежке встречаем в интервью информанта Л. К., 1942 г. р.: *«Когда началась война, нас (информант говорит о родне) в Горьковскую область отправили. Сначала на машине ехали, а потом плыли. А потом, когда они плыли на барже, немецкие самолеты летали, бомбили».* Эту семью эвакуировали, а не депортировали по национальному признаку, так как матери информанта удалось скрыть свою принадлежность к финнам, поэтому они оказались в Горьковской области, а не на севере.

Эвакуация населения в военное время — это комплекс мероприятий по организованному вывозу всеми видами имеющегося транспорта и выводу пешим порядком населения из населенных пунктов в безопасные районы. Еще один рассказ о бомбежке во время эвакуации присутствует в воспоминаниях информанта А. Х., 1922 г. р.: *«Десятый класс я окончил в Сортавала, уже перед самой войной. Весь вечер мы, выпускники, гуляли. Потом дней через тридцать, да, примерно так, — эвакуация из Сортавала срочная. Потом, дней через пятнадцать, уже бежать пришлось: женщины с коровами по берегу, мне поручили одного старика семидесятилетнего и лошадь, он показывал, как надо запрягать лошадь, а у него уже сил не хватает. Вот так и поехали. Женщины гнали коров своих, иногда садились на телегу. Причем шли и днем и ночью, потому что канонада уже слышна была. Сначала орудийная, а потом даже ближе пулеметная стрельба слышна была. И мы успели все-таки проскочить. До Олонца ушли. А потом уже в Олонце меня в армию призвали. Я длительное время не знал даже, где мои родители были. Потом, наконец, я нашел их в эвакуации в Горьковской области».* Данный рассказ — пример неорганизованной эвакуации, возникшей по мере приближения фронта. Далее информант продолжает вспоминать о переправе по Ладожскому озеру: *«Нашу часть по Ладожскому переправляли. Мы пешком шли, мы вышли по льду. Там порядочно — километров пятьдесят. Нам повезло, потому что облачно было, и нас не бомбили. Видели отверстия от бомб. Видели, как колеса шли, шли, и прямо туда так и ушла машина. Позже я был мобилизован по состоянию здоровья, у меня после Ленинграда не хватало семнадцати килограммов до нормального веса. И я узнал, где родители, поехал туда, и там меня второй раз через военкомат забрали. Думал, опять на фронт отправят, а меня под вооруженной охраной привезли в Челябинский лагерь. Вот так. Четыре года лагерей. В лагере были мы — ингерманландцы, были венгры, венгров много было, были цыгане почему-то. Немцы, немцы Поволжья, там целая республика,*

поэтому их больше, чем нас было. После лагеря, в сорок седьмом году, я поехал в Ленинград. Меня не прописывали в Ленинграде, и это было бесполезно совершенно, я обращался в милицию. Тогда прописаться необходимо было в течение трёх суток. Мне в милиции сказали: “Чтоб в двадцать четыре часа Вас не было тут”. И пришлось мне уехать. Ну, пришел я к родителям: “Так и так, я уеду”. Нечего мне там делать было. “Куда?” — “Куда глаза глядят”. Денег было у отца с матерью всего сто пятьдесят рублей. У них корова была. Там была школа юнг, и они приходили молоко покупать. Отец дал эти деньги: “Молоко покупать будут, немного денег у нас на хлеб будет, а больше и не надо”. Всё. И я так поехал куда глаза глядят. Пришел в Сортавала на станцию, первый поезд пришел из Питера, в Петрозаводск пошел. Я сел. В Петрозаводске первый поезд пришел на Мурманск. Я сел на него. И в Мурманске оказался». Интересно, что среди наших информантов это не единственный случай переезда по принципу «куда глаза глядят». Из неопубликованных мемуаров отца информанта В. А., 1961 г. р.: «В Новоселках я не находил себе абсолютно никакого занятия и не видел перспективы в будущем, поэтому окончательно и категорически решил уходить из дому куда глаза глядят. Поезда в то время ходили редко, пассажиров была тьма тьмуцкая, да вдобавок ко всему прочему у нас не было ни копейки денег, а запасы скудные продовольствия тоже иссякли. Попасть на пассажирский поезд оказалось невозможным. Несколько дней мы с товарищем бродили по станции в надежде хоть как-нибудь уехать, но тщетно. Но вот однажды на станцию прибыл воинский эшелон, куда-то перебазировалась воинская часть. Мы подошли к эшелону, разговорились с красноармейцами, угостили их махоркой (к нашему счастью, у нас имелся довольно большой запас ее) и попросили, чтобы они нас взяли с собой». Конечно, желание уехать «куда глаза глядят» может возникнуть только от безысходности у молодых людей.

Дорога во время войны — это исключительно кризисное пространство и время. Приходилось неоднократно сталкиваться с рассказами о пропаже родственников, краже вещей, утрате семейных реликвий. Информант А. Х., 1922 г. р., вспоминал: «Хильда, дочь родного брата отца, когда их везли в эвакуацию в Городец на речном судне, на стоянке в одном городке пошла прогуляться. И она или не успела прийти, или заблудилась, и судно ушло. И несколько лет она не знала, где родня, она попала в детский дом в Горьковской области. Потом она сумела найти нас. Мы тоже искали, искали, подавали в розыск, но безрезультатно». Из интервью информанта Л. К., 1942 г. р.: «Во время эвакуации Лиду, младшую мамину сестру, двадцать шестого года рождения, оставили на вокзале с чемоданами, а она уснула, и у нее все эти узлы из-под головы вытащили со всеми фотографиями». Не удивительно, что среди сутолоки и большого скопления народа на вокзалах воровство процветало.

Мотивы возвращения из эвакуации встречаются в рассказах редко. Однако для информанта В. С., 1939 г. р., дорога из Архангельской области в Мурманск осталась ярким воспоминанием: «Папа после войны нас забрал и привез в Мурманск. Чтобы нас забрать, он засушил два мешка сухарей, мед у него был и растительное масло. И мы по дороге пили чай с этими сухарями. И вот я помню, нас везли на телеге, потом на бортовой машине, потом какая-то река была, потом вагон. И мы все четверо ехали на третьем этаже. Вагоны были битком набиты. Вот это я помню». Скорее всего, информант

запомнила обратную поездку и ее детали, потому что депортация происходила, когда ей был всего один год, а возвращение домой произошло уже в сознательном возрасте.

В послевоенные годы мытарства российских финнов и немцев не закончились. Информант И. П., 1947 г. р., рассказывала: *«В мае сорок пятого обещали, что их отвезут домой в Ленинградскую область, а увезли в закрытых вагонах в деревню Овчиноково Калининской области, в бедный колхоз. Оттуда они сбежали. В сорок шестом году они уехали в Эстонию, в совхоз “Сумерлинге”. Там мои родители поженились. Мама, двадцатого года рождения, тоже финка. Она тоже была переселенкой из деревни Кемпеле Ленинградской области. В сорок седьмом их заставили уехать из Эстонии. Сказали “уезжайте куда угодно, кроме промышленных центров”. Забрали все документы и отправили в Челябинскую область. Там я и родилась в совхозе “Митрофановский”. Проработали один месяц, их не прописывают. Дали двадцать четыре часа, чтобы уехали. Всё гнали и гнали. Меня так в чемодане и возили по Сибири».* Лишь в 1950 г. семье удалось осесть в Карелии. Переезду ингерманландцев в Карелию поспособствовало обращение в 1948 г. первого секретаря Центрального комитета Коммунистической партии Карело-Финской Советской Социалистической Республики Г. Н. Куприянова к И. В. Сталину с просьбой дать разрешение на организацию переселения в Карелию ингерманландцев, репатриированных согласно советско-финляндскому договору 1944 г. из Финляндии в Советский Союз и оказавшихся в отдаленных районах Сибири [12 : 23]. После этого, в 1949 г., финнов, рассеянных по стране, разрешили привлекать в качестве рабочих лесозаготовительной промышленности в Карело-Финской Советской Социалистической Республике [13 : 87].

Многие информанты в своих рассказах о переездах упоминали о взятых с собой вещах. Особенно высоко, как уже неоднократно отмечалось исследователями, имеющими дело с устно-историческими материалами, ценилась швейная машинка, поэтому ее старались взять с собой. По свидетельству информантов, машинка помогала выжить в тяжелые времена: во-первых, она «одевала» членов семьи; во-вторых, давала женщинам возможность заработать шитьем; наконец, ее можно было продать, так как спрос на этот предмет был велик [14 : 28]. Еще один пример тому воспоминания информанта А. Ф., 1940 г. р., о переезде из Змеиногорска, куда семью депортировали по национальному признаку в 1940 г.: *«Выслали нас на Алтай, в Змеиногорск. Там такая глушь. И мама решила нас увезти оттуда в Кемеровскую область, в Анжеро-Судженск. Мы поехали к сестре отца. Это было уже после войны, в сорок восьмом. Мне тогда восемь лет было. Я был самый старший. Она нас собрала. Это было что-то страшное. Я эту дорогу помню. Вот мама уходит за кипятком, а мы остаемся. Когда мы выехали из Змеиногорска, она везла с собой машинку швейную зингеровскую. Станок этот литой тяжеленный! Вот она всё шила, обшивала нас. Перину везла! Всё везла. Какое-то там дедушкино-прадедушкино пальто, там ткань такая хорошая была и меховая подкладка. Подушки везла. Это что-то ужасное, ужасное. Вот она посадит нас на эти вещи, а сама ушла куда-то. Это что-то страшное. У меня уже сознание такое было, что могут прийти и забрать».* Рассказ информанта отличался повышенной эмоциональностью. Фраза *«это было что-то страшное»* повторялась несколько раз. Информант — старший из троих детей. Он осознавал происходящее и испытывал страх от того, что вещи могут украсть или, что еще трагичнее, если мама не вернется, он останется один с младшими братом и сестрой, еще и с вещами.

Таким образом, благодаря семейной памяти, мы имеем возможность воссоздать историю семьи и отдельных ее членов в экстремальных условиях дороги. Историческая память (в нашем случае это социальная память этнических групп российских финнов и немцев) сохранила события о переселении этих народов.

В любой период переселения носили как добровольный, так и вынужденный характер. Однако анализ полученной информации показал, что чаще всего переезды в 1930–1940-х гг. осуществлялись вынужденно и были организованы властями. Это касается выселения раскулаченных семей и депортации по национальному признаку. Эвакуация в годы войны осуществлялась как организованно, так и стихийно по мере приближения фронта.

Безусловно, наибольший интерес представляют воспоминания информантов самого старшего поколения, поскольку им лично пришлось испытать все тяготы того времени. Многие интервью изобилуют трагическими сюжетами: бомбежки, смерть от голода во время пути, потеря родственников, «телячьи» вагоны, кража вещей и т. д. Ярче всего в памяти сохраняются и передаются негативно окрашенные события, которые имели значительные последствия. Во многих интервью информанты по собственной инициативе затрагивали тему о несправедливости по отношению к финскому народу. Информанты с немецкой родословной данную тему замалчивали. В этом наблюдается отличие в нарративах информантов с финскими и немецкими корнями. По интервью легко заметить, что общим драматическим событием и для финнов, и для немцев была депортация по национальному признаку. Различие заключается в том, что финнов, как правило (исключение составляет семья информанта Э. Л., 1931 г. р.), направляли в Архангельскую область и Коми АССР, а немцев в более отдалённые восточные районы — в Сибирь и Казахстан.

В целом рассказы о том, как проходило выселение раскулаченных семей, депортация по национальному признаку, эвакуация в годы войны не только расширяют круг знаний об этом периоде и событии, о процессах организованных и неорганизованных переселений, но и помогают реконструировать отдельные детали переездов и действий власти по переселению. Они также дают возможность увидеть общее культурно-специфическое и семейно-уникальное в опыте экстремального переезда и его ретроспективных оценках. Все это позволяет отнести полученные интервью к богатейшим источникам по истории «кризисной повседневности» финских и немецких семей в 1930–1940-е гг.

Список информантов

- А. Х., м., 1922 г. р., из моноэтнической ингерманландской семьи, ПМА 2011 г.³
- А. Х., ж., 1927 г. р., из моноэтнической ингерманландской семьи, ПМА 2009 г.
- Э. Л., ж., 1931 г. р., из моноэтнической ингерманландской семьи, ПМА 2013 г.
- Р. К., ж., 1936 г. р., из моноэтнической ингерманландской семьи, ПМА 2009 г.
- В. С., ж., 1939 г. р., из моноэтнической семьи финских колонистов, ПМА 2014 г.
- А. Ф., м., 1940 г. р., из моноэтнической немецкой семьи из пригорода Санкт-Петербурга, ПМА 2019 г.
- Л. К., ж., 1942 г. р., из финно-карельской семьи, потомок американских и южных финнов, ПМА 2018 г.
- Н. Я., ж., 1943 г. р., из полиэтнической семьи, потомок ингерманландцев, ПМА 2010 г.
- Т. Р., ж., 1945 г. р., из полиэтнической семьи, потомок ингерманландцев, ПМА 2009 г.
- И. П., ж., 1948 г. р., из моноэтнической ингерманландской семьи, ПМА 2010 г.
- Г. К., ж., 1949 г. р., из финно-ижорской семьи, потомок финских колонистов, ПМА 2015 г.

Э. В., ж., 1951 г. р., из моноэтнической немецкой семьи из Закарпатья, ПМА 2018 г.
Г. Л., ж., 1953 г. р., из полиэтничной семьи, потомок финских колонистов, ПМА 2013 г.
Г. К., м., 1953 г. р., из моноэтнической семьи, потомок немцев Поволжья, ПМА 2021 г.
А. Р., м., 1955 г. р., из полиэтничной семьи, потомок немцев из Украины, ПМА 2021 г.
Л. М., ж., 1956 г. р., из финно-карельской семьи, потомок американских финнов, ПМА 2011 г.
А. Х., ж., 1958 г. р., из полиэтничной семьи, потомок ингерманландцев, ПМА 2010 г.
Е. В., ж., 1960 г. р., из полиэтничной семьи, потомок немцев из Латвии и Санкт-Петербурга, ПМА 2017 г.
В. А., м., 1961 г. р., из полиэтничной семьи, потомок немцев из Латвии, ПМА 2019 г.⁴
В. Л., м., 1968 г. р., из полиэтничной семьи, потомок ингерманландцев, ПМА 2015 г.
И. Ф., ж., 1972 г. р., из полиэтничной семьи, потомок немцев Поволжья, ПМА 2019 г.
С. П., ж., 1975 г. р., из полиэтничной семьи, потомок финских колонистов, ПМА 2021 г.

Примечания

¹ Для обозначения информантов используются инициалы (см. Список информантов).

² Секретный приказ наркома внутренних дел СССР № 00761 «О переселении из г. Мурманска и Мурманской области граждан инонациональностей» от 23 июня 1940 года // «По решению правительства Союза ССР...» / сост. Н. Ф. Бугай, А. М. Гонов. Нальчик: Эль-Фа, 2003. С. 170.

³ Указан год получения интервью.

⁴ Использованы также неопубликованные мемуары отца информанта В. А. из семейного архива: А. Э. К. Краткий автобиографический очерк. 56 с.

Список сокращений

АССР — Автономная Советская Социалистическая Республика
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел

Список источников

1. Алексеев А. Н. Память семейная и историческая: точки пересечения и разрывы (гипотеза о влиянии семейной памяти на мировосприятие) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 5. С. 49–50.
2. Рафиков А. М. Социальная память и механизмы ее воспроизводства // Вестник Башкирского университета. 2006. № 2. С. 119–121.
3. Сулейманова О. А. Мигранты и вещи: опыт переезда и материально-бытовая адаптация городских семей Кольского севера. М.: Наука, 2021. 191 с.
4. Змеева О. В., Разумова И. А. Спецпереселенцы Хибинского края: динамика идентичностей // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2017. № 7 (168). С. 7–14.
5. Разумова И. А. Создание и реконструкция общности: случай спецпереселенцев // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 8 (185). С. 102–110.
6. Зеленин И. Е. О некоторых «белых пятнах» завершающего этапа сплошной коллективизации // История СССР. 1989. № 2. С. 3–19.
7. Киселев А. А. Финны на Мурмане // Полярная правда. 1989. № 57. 11 марта. С. 3.

8. Разумова И. А. Семейный фактор интеграции исторической общности спецпереселенцев // Труды КНЦ РАН. Гуманитарные исследования. 2018. Вып. 14. С. 14–28.
9. Полян П. М. Не по своей воле. История и география принудительных миграций в СССР. М.: Объединенное гуманитарное издательство, 2001. 327 с.
10. Локко С. П. Финны на Мурмане. Мурманск: Фонд культуры, 1993. 409 с.
11. Разумова И. А. Тема эвакуации в биографических рассказах старожилов Петрозаводска // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2012. № 3 (124). С. 7–12.
12. Юсупова Л. Н. Этническая ситуация в Карелии в XX — начале XXI в.: итоги и перспективы её изучения // Молодежь Карелии в пространстве этнического самоопределения и межэтнической коммуникации: сб. ст. Петрозаводск: КГПУ, 2007. С. 6–27.
13. Муллонен И. А. Адаптация ингерманландских финнов к новым условиям жизни в Карелии во второй половине XX века // Российские финны: вчера, сегодня, завтра: сб. ст., посвящен. 20-летию Ингерманландского союза финнов Карелии / науч. ред. Е. И. Клементьев. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2010. С. 86–93.
14. Сулейманова О. А. Багаж переселенцев (к вопросу о жизни вещей в культуре) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2011. № 7. С. 27–30.

References

1. Alekseev A. N. Pamyat' semejnyaya i istoricheskaya: tochki presecheniya i razryvu (gipoteza o vliyaniy semejnoy pamyati na mirovospriyatie) [Family and historical memory: intersection points and gaps (a hypothesis about the influence of family memory on worldview)]. *Teleskop: zhurnal sociologicheskikh i marketingovykh issledovaniy* [Telescope: a journal of sociological and marketing research], 2008, no. 5, pp. 49–50. (In Russ.).
2. Rafikov A. M. Social'naya pamyat' i mekhanizmy ee vosproizvodstva [Social memory and mechanisms of its reproduction]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of the Bashkir University], 2006, no. 2, pp. 119–121. (In Russ.).
3. Sulejmanova O. A. *Migranty i veshchi: opyt perezda i material'no-bytovaya adaptatsiya gorodskih semej Kol'skogo severa* [Migrants and things: the experience of moving and the material and everyday adaptation of urban families in the Kola North]. Moscow, Nauka, 2021, 191 p. (In Russ.).
4. Zmeeva O. V., Razumova I. A. Specpereselency Hibirnogorska: dinamika identichnostej [Special Settlers of Khibinogorsk: Dynamics of Identities]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University], 2017, no. 7 (168), pp. 7–14. (In Russ.).
5. Razumova I. A. Sozdanie i rekonstrukciya obshchnosti: sluchaj specpereselencev [Creation and reconstruction of community: the case of special settlers]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University], 2019, no. 8 (185), pp. 102–110. (In Russ.).
6. Zelenin I. E. O nekotoryh “belyh pyatnah” zavershayushchego etapa sploshnoj kollektivizatsii [About some “blank spots” of the final stage of continuous collectivization]. *Istoriya SSSR* [History of the USSR], 1989, no. 2, pp. 3–19. (In Russ.).
7. Kiselev A. A. Finny na Murmane [Finns on Murman]. *Polyarnaya Pravda* [Polar Truth], 1989, no. 57, 11.03. (In Russ.).

8. Razumova I. A. Semejnij faktor integracii istoricheskoy obshchnosti specpereselencev [The family factor of integration of the historical community of special settlers]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo centra RAN, Gumanitarnye issledovaniya* [Proceedings of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Humanitarian Studies], 2018, issue 14, pp. 14–28. (In Russ.).
9. Polyan P. M. Ne po svoej vole. Istoriya i geografiya prinuditel'nyh migracij v SSSR [Unwillingly. History and geography of forced migrations in the USSR], Moscow, Ob"edinennoe gumanitarnoe izdatel'stvo, 2001, 327 p. (In Russ.).
10. Lokko S. P. Finny na Murmane [Finns on Murman]. Murmansk, Fond kul'tury, 1993, 409 p. (In Russ.).
11. Razumova I. A. Tema evakuacii v biograficheskikh rasskazah starozhilov Petrozavodska [The theme of evacuation in the biographical stories of the old-timers of Petrozavodsk]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University], 2012, no. 3 (124), pp. 7–12. (In Russ.).
12. Yusupova L. N. Etnicheskaya situaciya v Karelii v XX — nachale XXI v.: itogi i perspektivy eyo izucheniya [Ethnic Situation in Karelia in the 20th — early 21st centuries: results and prospects of its study]. *Molodezh' Karelii v prostranstve etnicheskogo samoopredeleniya i mezhetnicheskoy kommunikacii* [Youth of Karelia in the space of ethnic self-determination and interethnic communication]. Petrozavodsk, Karel'skij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 2007, pp. 6–27. (In Russ.).
13. Mullanen I. A. Adaptaciya ingermanlandskih finnov k novym usloviyam zhizni v Karelii vo vtoroj polovine XX veka [Adaptation of the Ingrian Finns to the new living conditions in Karelia in the second half of the 20th century]. *Rossijskie finny: vchera, segodnya, zavtra: sbornik statej, posvyashchennyh 20-letiyu Ingermanlandskogo soyuza finnov Karelii* [Russian Finns: yesterday, today, tomorrow: a collection of articles dedicated to the 20th anniversary of the Ingrian Union of Finns in Karelia]. Petrozavodsk, Karel'skij nauchnyj centr RAN, 2010, pp. 86–93. (In Russ.).
14. Sulejmanova O. A. Bagazh pereselencev (k voprosu o zhizni veshchej v kul'ture) [Settlers' baggage (to the question of the life of things in culture)]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University], 2011, no. 7, pp. 27–30. (In Russ.).

Информация об авторе

Е. В. Бусырева — кандидат исторических наук, научный сотрудник.

Information about the author

E. V. Busyreva — PhD (History), Research Fellow.

Статья поступила в редакцию 15.03.2022; одобрена после рецензирования 01.04.2022; принята к публикации 19.04.2022.

The article was submitted 15.03.2022; approved after reviewing 01.04.2022; accepted for publication 19.04.2022.

Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 22. 2022. Т. 13, № 2. С. 62–75.
Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Humanitarian Studies. Series 22. 2022. Vol. 13, no. 2. P. 62–75.

Научная статья
УДК 301.18(924.14/16)
doi:10.37614/2307-5252.2022.2.13.22.005

СИСТЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ СООБЩЕСТВЕ СТРОИТЕЛЕЙ МУРМАНСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ

Ольга Васильевна Змеева

Центр гуманитарных проблем Баренц региона Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук», Апатиты, Россия, zmejeva@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3909-1582>

Аннотация

Цель статьи — на материале архивных документов и на основе концепции социального действия М. Вебера и Т. Парсонса выявить повторяющиеся типы взаимодействий участников строительства Мурманской железной дороги в 1915–1916 гг. Объект исследования — социальные группы, члены которых идентифицировались другими действующими субъектами как представители этнической общности. В качестве основных участников взаимодействия рассматриваются, с одной стороны, представители службы охраны, преимущественно стражники-«кавказцы», с другой стороны — находившиеся в прямой зависимости от них военнопленные и разнорабочие-китайцы. Представители этих групп — потенциально участники конфликтных ситуаций. Сделан вывод, что конфликтные и соперничающие формы интеракции можно представить как выстраиваемую общностями адаптационную систему, которая базировалась на реализации культурных моделей, привнесенных этническими группами в социальную структуру Мурманской железной дороги. Социальные взаимодействия, опирающиеся на ранее усвоенные культурные нормы и представления, адаптировались к новым обстоятельствам и способствовали реализации социального порядка, фактически основанного на коллективной социальной справедливости.

Ключевые слова:

социальная система, структура, социальное действие, интеракция, конфликт, актор, этносоциальные группы, стражники, военнопленные, кавказцы, китайцы

Благодарности:

статья выполнена по теме государственного задания Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра Российской академии наук № FMEZ-2022-0028.

Для цитирования: Змеева О. В. Система взаимодействий в полиэтническом сообществе строителей Мурманской железной дороги // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 22. 2022. Т. 13, № 2. С. 62–75. doi:10.37614/2307-5252.2022.2.13.22.005

Original article

THE SYSTEM OF INTERACTIONS IN THE MULTI-ETHNIC COMMUNITY OF BUILDERS OF THE MURMANSK RAILWAY

Olga V. Zmeeva

Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Apatity, Russia, zmejeva@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3909-1582>

© Змеева О. В., 2022

Abstract

The purpose of the article is to identify repetitive types of interactions among the participants in the construction of the Murmansk Railway in 1915–1916 based on the material of archival documents and on the basis of the social action concept of M. Weber and T. Parsons. The object of the study is social groups whose members were identified by other actors as representatives of an ethnic community. The main participants in the interaction are, on the one hand, representatives of the security service, mainly guards — “Caucasians”, on the other hand, prisoners of war and laborers — Chinese who were directly dependent on them. Representatives of these groups are potentially participants in conflict situations. It is concluded that conflict and rival forms of interaction can be represented as an adaptive system built by communities, which was based on the implementation of cultural models introduced by ethnic groups into the social structure of the Murmansk Railway. Social interactions based on previously assimilated cultural norms and ideas adapted to new circumstances and contributed to the implementation of a social order that was actually based on collective social justice.

Keywords:

social system, structure, social action, interaction, conflict, actor, ethnosocial groups, guards, prisoners of war, Caucasians, Chinese

Acknowledgments:

the article was supported by the federal budget to carry out the state task of the Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences No. FMEZ-2022-0028.

For citation: Zmeeva O. V. The system of interactions in the multi-ethnic community of builders of the Murmansk Railway // Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Humanitarian Studies. Series 22. 2022. Vol. 13, no. 2. P. 62–75. doi:10.37614/2307-5252.2022.2.13.22.005

Введение

Взаимодействие как философская категория включает целый ряд аспектов, отражающих процессы воздействия двух и более объектов друг на друга, взаимосвязи между ними, включающие компоненты «изменения состояния, взаимоперехода, а также порождение одним объектом другого» [1 : 81]. В структуре разнообразных интерпретаций понятия вычлняются «методологические эффекты» подобных связей, объединенные интегрирующим фактором, носящие объективный и универсальный характер [2 : 60–61]. Вслед за философским пониманием термина социальный аспект подразумевает, что система сложных форм взаимодействия субъектов / объектов может быть включена в структуру понятия общества. Социум, таким образом, в самом простом варианте является «продуктом» взаимодействия людей [1 : 81]. В этой связи особого внимания заслуживают единицы анализа систем социальных взаимодействий.

Основные понятия теории социального действия, родоначальником которой в социологической науке принято считать М. Вебера, остаются связующими элементами как концепций интерпретативной парадигмы (интеракционистской, этнометодологической, феноменологической) (подробнее см.: [3]), так и идей интегративного подхода (прежде всего в трудах П. Сорокина и Т. Парсонса) [4–9].

М. Вебер предложил понятие социального или «общностно ориентированного» действия для обозначения действий индивида, которые «субъективно осмысленно соотносятся с поведением других людей» [10 : 509]. Действия социальные, если они ориентированы на поведение других и имеют осознанный характер. Это значит, что социальное действие связано с ожиданием (или социальными установками) определенного общественного поведения, а также оно непременно направлено на индивида, совокупность индивидов или даже на социально общие структуры (например, государство).

Люди, совершающие социальные действия, называются акторами. Действие актора, которое осуществляется в ответ на действие, ранее совершенное другим актором в отношении действующего, — суть понятия «социальное взаимодействие» или «социальная интеракция». Как вид связи социальное взаимодействие — это и есть система взаимообусловленных действий. Социологическая энциклопедия предлагает такое определение: «Социальное взаимодействие — процесс непосредственного или опосредованного воздействия социальных объектов друг на друга, в котором взаимодействующие стороны связаны циклической причинной зависимостью» [11: 965].

Структурирование понятия «социальное взаимодействие», проведенное О. А. Врублевской, показало ряд особенностей, подчеркивающих его ценностный аспект. Интеракция рассматривается и как разрешение противоречий «в направленности особых интересов индивидов, социальных групп и общностей», и как «форма социальной коммуникации», и как «система взаимообусловленных социальных действий», и как «процесс воздействия субъектов друг на друга». Дефиниции объединены общими условиями: системой регулирования интересов (целей) акторов, взаимным воздействием друг на друга, то есть реализацией социальных действий партнеров, приспособлением действий одного к действиям другого, ожидаемым результатом со стороны другого, обменом действиями и т. п. [2 : 62–64].

Развивая концепцию социального действия, Т. Парсонс считал, что социальная система — это система процессов взаимодействия акторов, а структура социальной системы — это структура отношений между акторами, включенными в процессы взаимодействия [12 : 23]. Для изучения структуры социальной системы, связанной с отдельным актором, необходимо учитывать несколько обстоятельств. Во-первых, обозначить позицию актора в социальной системе относительно других акторов, то есть определить его статус. Во-вторых, необходимо определить, что актор делает по отношению к другим, то есть какие он выполняет (играет) роли. Первый аспект Т. Парсонс называет позиционным, а второй — процессуальным [12 : 24]. Сам актор как единица социальной системы — это «организованная система всех статусов и ролей, относящихся к нему как к социальному объекту и как к автору системы ролевых действий» [12 : 24].

Социальная система, таким образом, это своего рода сеть взаимодействий индивидов. При этом каждый отдельный человек — это одновременно и действующий субъект, преследующий собственные цели, и объект, на которого ориентированы действия другого индивида.

Настоящая статья нацелена на выявление повторяющихся типов интеракций участников строительства Мурманской железной дороги в 1915–1916 гг. Учитывая протяженность магистрали (987 верст)¹ и массовое вовлечение в процесс строительства трудовых мигрантов, допустим, что на всех участках дороги социальная структура была более или менее идентична.

Объектом изучения стали крупные социальные группы, действующие субъекты которых воспринимались другими акторами как представители этнической общности. То есть ключевыми признаками при отборе были, прежде всего, социальный статус и этническая принадлежность работников. Неизменной стороной в ситуациях социальных взаимодействий выступали представители службы охраны, в частности, так называемые стражники-кавказцы. В качестве другой стороны мы рассматриваем социальные группы, которые находились

в непосредственной зависимости от охраны. Такими, очевидно, являлись группы военнопленных. Особого пристрастия со стороны стражников требовали, помимо военнопленных, разнорабочие, а именно группы китайцев. Представители этих групп — потенциально участники конфликтных ситуаций.

В структуре социальных взаимодействий стражников с Кавказа и других участников строительства железнодорожной магистрали наиболее распространенной формой интеракции являлся конфликт. Такой дисбаланс закономерен, поскольку материалы архивных фондов сохранили в большей степени указания на нарушения норм, правил поведения. Документы содержат различного рода переписку, включающую детализированное санкционирование различных форм девиантного поведения. В данной работе представлен анализ документов из фондов Национального архива Республики Карелия (НАРК), посвященных различным аспектам социальных взаимодействий стражников-кавказцев и отдельных групп рабочих (военнопленных, «китайцев») — участников строительства Мурманской железной дороги в 1915–1917 гг.².

Стражники в социальной структуре Мурманской железной дороги

Охрана Мурманской железной дороги состояла из этнически разнообразных команд стражников, которые выполняли функции охраны людей и объектов. Набор в стражники черкесов, ингушей, чеченцев, лезгин, киргизов и представителей некоторых других этнических групп осуществлялся вплоть до окончания строительства в 1916 г. и был решением Управления³. Аргументация выглядела просто: русские не хотят работать стражниками, поэтому комплектация службы охраны осуществляется за счет мотивированных «кавказцев». Олонецкий губернатор М. Зубовский еще до начала земляных работ сообщал, что «вообще не оказалось желающих поступить на службу, так как в настоящее время самый плохой чернорабочий получает за свой труд значительно больше полицейского урядника»⁴. Историк Т. И. Трошина предположила, что для охранных целей на север были отправлены «горские части, предположительно из Владикавказа» [13 : 160].

К январю 1917 г., по данным, полученным от Жандармского Управления, на железнодорожной линии находилось 3220 стражников⁵. Расчет сотрудников, необходимых для службы в охране, в 1915 г. производился, «считая 1 человека стражи на 30 военнопленных»⁶. Позднее правила расчета изменились. В «Справке к докладу Счетного Отдела от 13-го января 1917 г.» мы обнаруживаем другой принцип: один стражник на десять военнопленных, плюс 1 тыс. стражников, необходимых на линии «согласно постановления Особого Комитета, для охраны касс, сопровождения артельщиков»⁷. Охрана делилась на команды и распределялась по участкам пути. У команды стражников была определенная иерархия: взводный, старший стражник, дежурный по команде, стражники. Они имели военное подчинение и несли военно-полицейскую службу, для отражения вооруженного нападения могли использовать как холодное, так и огнестрельное оружие.

Управление, формируя охрану «из кавказских народностей», считало, что создает таким образом «терпимые условия» сосуществования разных этнических групп, а именно подданных Российской империи, китайских граждан, военнопленных австро-венгерского и германского подданств. Формируя «армию» рабочих, в которой к производственным отношениям добавилось смешение «языков, привычек и требований» разных «народностей» мира, руководство пыталось

упорядочить систему взаимодействия в этом искусственно созданном обществе⁸. Действия служб охраны регламентировались нормативно-правовыми документами (например, «Инструкцией стражникам, находящимся на постройке Мурманской железной дороги», «Положением о военнопленных», Уставом гарнизонной службы⁹) (подробнее см.: [14]).

Социальная структура Мурманской железной дороги включала вольнонаемных и военнопленных, начальников и охранников, местных и приезжих. Многочисленные этносоциальные группы были объединены общей целью строительства железной дороги, связывающей столицу империи и Мурманское побережье, обеспечивающей прямой выход в воды Северного Ледовитого океана: «Русские, финны, татары, армяне, черкесы, дагестанцы, чехи, венгры, немцы, китайцы — были собраны для одной цели и требовали особого напряжения организующей воли для согласования их действий...»¹⁰.

Необходимость совместного проживания (а на участках, например, к концу строительного сезона 1915 г. находилось более 60 тыс. человек [15 : 106]) создавала множество проблем. Они были связаны не только с климатической, но и с социально-культурной адаптацией участников строительства. Конечно, стражники не являлись исключением и часто оказывались в проблемных ситуациях. Отношения обострялись как внутри групп охраны, так и во взаимодействиях стражников с другими работниками. Но, поскольку группы охраны были востребованы системой в течение всего периода строительства, стражники в отдельных ситуациях имели возможность самостоятельно принимать решение о восстановлении нарушенного социального порядка [16].

Стражники и военнопленные: социальные взаимодействия

Среди групп — участников строительства Мурманской железной дороги особого внимания требуют те, над которыми осуществлялся постоянный контроль¹¹. Одна из самых многочисленных групп — военнопленные¹². Стражник проводил с военнопленными много времени, его обязанности не ограничивались сопровождением военнопленных до места работы. Они включали «наблюдение за правильностью исполнения военнопленными распоряжений технической администрации дорог и успешностью работ их на участках, наблюдение за порядком среди них, предупреждение и пресечение побегов, а также сопровождение пленных на работы»¹³.

Нормативная система требовала от представителей охраны пресекать все возможные нарушения, которые совершались военнопленными. При этом особым требованием к стражникам при взаимодействии с военнопленными являлась гуманность, что, как правило, не выполнялось стражниками-кавказцами. В функции охраны входил «ближайший надзор» за военнопленными на рабочем месте и в местах отдыха с обязательным контролем их деятельности. При совершении военнопленным серьезных правонарушений стражники имели возможность использовать оружие, например, в случае побега.

Система взаимосвязей стражников с военнопленными была основана, прежде всего, на статусном взаимодействии, соответствующем отношениям «начальник — подчиненный» или «полицейский — задержанный». Помимо того, что участники взаимодействия имели формальное положение, обе группы являлись исполнителями ролей, которые должны были соответствовать занимаемому статусу. Так, военнопленные, будучи захваченными лицами, свобода которых ограничена, выполняли роли неприятеля, противника, врага.

Имеющие власть стражники, не знающие языка военнопленного, в ситуациях непосредственного общения позволяли себе использовать методы принуждения в случае неповиновения или отказа выполнять запланированные работы. Но и военнопленные использовали насильственные методы. Яркий пример взаимного нанесения побоев показан в одном из «Докладов по делу охраны». Ротмистр Бородин свидетельствовал, что за невыход на работу группы военнопленных стражник наказал их, поставив «на стойку на два часа». Стражник Джеватханов расценил отказ одного из военнопленных выполнить распоряжение как «сопротивление» и ударил его «легко прикладом ружья». Реакция пленных на действия охранника была коллективной — «все семь пленных набросились на Джеватханова. Пленный Кудермин отнял у стражника винтовку, коей нанес ему 2 легких удара по левой руке, нанеся ссадину на локте, и повредил ноготь большого пальца»¹⁴.

Среди жалоб военнопленных на представителей охраны наиболее распространенными были указания на жестокость и побои со стороны стражников-кавказцев [17 : 128 ; 18 : 128]. В подобных случаях проявлялась высокая конфликтность взаимодействующих групп, особенно если учесть специфику территорий, на которых велось строительство магистрали, обстоятельства военного времени, а также сформированное отношение к военнопленным как представителям действующего противника. В этой связи можно предположить, что негативный аспект взаимодействия стражников и военнопленных являлся ожидаемым и с одной, и с другой стороны. Так, в телеграмме, направленной в Управление из Чупы в сентябре 1916 г., наблюдатель отмечал: «Крайне недостаточное количество стражников значительно понизило производительность труда военнопленных... чувствующих отсутствие силы, которая могла бы держать их в повиновении»¹⁵.

Создание стражниками и военнопленными конфликтных ситуаций, очевидно, влияло как на взаимодействия с вновь прибывшими участниками строительства, так и на динамику условий, в которых формировалась потенциальная заинтересованность в продолжении отношений. Казалось бы, усилия сторон в таком случае должны быть направлены на поиски решений, позволяющих сгладить текущие разногласия. Для того чтобы избежать побоев, военнопленному необходимо беспрекословно исполнять команды стражников. В итоге был бы реализован стандартный с психолого-социологической точки зрения подход, когда актуализируется «потребность сохранения социального взаимодействия или его организация на новых основаниях / интересах» [19 : 222].

На конфликтном взаимодействии стражников и военнопленных сказывались не только социальные ожидания каждой из групп и стремления реализовать свои интересы. С большой долей вероятности можно говорить о следовании привычным культурным моделям одной или обеими сторонами. В таком случае можно пренебречь вопросом о статусах участников взаимодействия и остановиться на исполнении ролей. Так, охрана пленных немцев, венгров и австрийцев в представлении стражников-горцев, не владеющих «европейским языком», могла осуществляться должным образом только путем невербального взаимодействия. Предположим, что когда стражники, исполнявшие во взаимодействии с военнопленными роль «воспитателей», использовали при наказании символические этнические предметы [14 : 65], они демонстрировали таким образом представителю другой этнокультуры «приемлемое» в данных обстоятельствах поведение. Руководство требовало

от подчиненных соблюдения порядка, сглаживания и разрешения конфликтов, а те, в свою очередь, пользовались универсальным языком силы по отношению к военнопленным. В таких ситуациях реализовывались и субъект-объектные отношения. Стражники, используя нагайку как необходимую меру наказания и вызывая тем самым «озлобленность пленных»¹⁶, показывали, что военнопленный на Мурманской железной дороге — это всего лишь объект, который должен выполнять необходимые действия.

Кроме форм конфликтного взаимодействия, отношения стражников и военнопленных имели и формы сотрудничества. Такие случаи квалифицировались как нарушения нормативной системы.

Учащению случаев побега военнопленных «способствовали не только суровые условия труда на стройке, но также принудительный и несправедливый характер организации работы» [18 : 76–77]. Как известно, решение Управления привлечь к несению службы охраны представителей Средней Азии и Кавказа не только не разрешило, но и усугубило уже существующую проблему. В отдельных случаях стражники кооперировались с военнопленными и другими рабочими, занимая единую с ними позицию в отношении несоответствия ожидаемых и предложенных условий работы. К. М. Агамирзоев приводит примеры ситуаций взаимодействия стражников-кавказцев и военнопленных, в которых обе группы вместе «отказывались выходить на работы, протестуя против подневольного труда и невыносимых бытовых условий» [20 : 35]. Объединение представителей охраны и военнопленных также способствовало своего рода стиранию статусных различий между ними: «стражники получали мизерное содержание, соответствующее содержанию самих военнопленных» [20 : 35]. Непонимание стражниками поставленных перед ними задач приводило к оставлению места службы, сговору с военнопленными, участию в торговых, игровых и других ненормативных способах взаимодействия с ними. Начальник работ на одном из участков сделал вывод о неподдающихся «инструктированию» кавказских инородцах и, соответственно, о невозможности поддержания ими порядка военно-полицейской службы ввиду систематического самовольного оставления постов¹⁷. Формами девиантного поведения, которые практиковали стражники-кавказцы, являлись отъем имущества (или денег) у других рабочих, игры в карты, торговля в бараках и другие.

Более того, стражники-кавказцы демонстрировали традиционные поведенческие модели и при взаимодействии с вышестоящим начальством. Например, они предпочитали использовать «домашнюю», привезенную с собой одежду, отказываясь «переодеваться в форму стражников» [20 : 35]. Некоторые не считали нужным подчиняться вышестоящему начальству, оставляли военнопленных без охраны, способствовали побегам военнопленных. Проконтролировать стражников не представлялось возможным — отсутствие транспортных путей и большие расстояния оставляли целые участки дороги под контролем только стражников. Заведующий жандармским надзором села Кандалакша, имевший опыт работы со стражниками-«черкасами», в рапорте заключал: «Служба таких людей стражниками принесет особенно мало пользы, так как при отсутствии способов передвижения я решительно не имею возможности объезжать район отделения»¹⁸. Оставаясь старшими, пусть и на время, стражники распоряжались подчиненными, предметами и другими окружающими их объектами, что способствовало ситуативному достижению поставленных перед ними целей.

Стражники и китайцы: социальные взаимодействия

Внутри социальной системы Мурманской железной дороги, которая была структурирована по этносоциальному признаку [21], выделялись группы, склонные к конфликтам. Одной из наиболее крупных конфликтогенных общностей являлись китайские рабочие.

Китайцы рассматривались руководством как группа, к которой требовалось особое внимание. В отличие от военнопленных, за которыми был предписан постоянный надзор, китайские рабочие, казалось бы, такого контроля не требовали. Не имевшие профессионального образования китайцы в основном использовались как чернорабочие. При этом трудовые мигранты «составляли артели от 100 до 200 человек» [22 : 36].

Размещение рабочих в бараках по принципу, учитывающему статусную и этническую принадлежность участников, способствовало возникновению форм группового взаимодействия, которые включали девиантное поведение. Отдельные бараки для стражников-кавказцев, китайских рабочих, немцев, финнов и т. д. способствовали реализации известной миграционной стратегии — анклавизации. Естественно, отделение и объединение крупных этнических групп рабочих провоцировали конфликтующие стороны к затягиванию споров, а также создавали условия для формирования этнических субколлективов, которые чаще демонстрируют традиционные или аффективные социальные действия.

Являясь этническим рабочим коллективом, китайцы регулярно становились участниками бунтов или протестов, устраивали беспорядки [20 : 36]. За ними прочно закрепился стереотип конфликтной этнической группы. Нанятые и привезенные на работу в Россию китайцы и корейцы отказывались покидать страну, когда были закончены контракты. Они брались за любую работу, вызывая недовольство местных рабочих, которые требовали «вывести весь желтый труд» [23].

Самоорганизация и активное коллективное противостояние одной этнической группы другой провоцировали конфликтные взаимодействия. Они были связаны с условиями бытового содержания, с реализацией продовольствия и сроками выплаты жалованья. Приведем только один пример противостояния стражника китайским погромщикам: «...Во время обеда в барак № 3, что в Соломбала, в помещение кухни ворвались рабочие китайцы толпой человек до 200, которые произвели скандал: требуя белого хлеба вместо черного /белого хлеба не было/. Для удаления из кухни китайцев был позван стражник Султан Умалатов, который требовал, чтобы китайцы не скандалили и удалились из кухни. Однако китайцы не слушались стражника, а набросились на него: одни с палками, другие вынули ножи и бритвы, а один топор. Одному из служащих удалось топор вырвать у китайца, но в это время другие китайцы схватили сзади стражника за руки, а их соучастники выхватили из ножны шашку. К этому моменту явились другие стражники, и тогда китайцы поспешили разбежаться. Те, кои взяли шашку у стражника, выбежали на улицу, где, встретившись с городовым, бросили шашку, а сами убежали»¹⁹.

В данном случае предметом недовольства китайцев стало отсутствие определенного типа продукта. Появление стражника, требующего прекратить беспорядок, привело к вооруженному нападению на представителя охраны. Если подобный бунт рассматривать как отрицание социальных норм, то в данном случае группы китайских рабочих могут быть вполне сравнимы со стражниками-кавказцами, которые отвергают часть правил, например, во взаимодействиях с военнопленными. В ситуации коллективного мятежа стражник или стражники,

оказавшись в меньшинстве по сравнению с организованным коллективом китайских рабочих, вынуждены временно забыть о статусе надзирателя. В коллективном противостоянии и в ситуации необходимости поддерживать порядок стражники, по существу, меняются ролями с китайцами, играя роль потерпевших. Возможно, взаимодействие стражников и китайцев было построено на конкурентном принципе ситуативного удержания власти. Конфликт в таком случае может рассматриваться как элемент развития и становления структуры социальной системы.

Взаимодействия китайцев и стражников на строительстве Мурманской железной дороги предстают в достаточно жестокое противостоянии, включавшем использование оружия, нарушения телесной неприкосновенности человека. Обе противоборствующие группы для разрешения конфликта предпочитали использовать традиционные модели поведения, такие как месть за причиненный вред и оскорбления, непременно возвращение захваченного имущества и т. д.

Заключение

Казалось бы, формы взаимодействия стражников с представителями «охраняемых» групп на отдельных уровнях власти — подчинения сопряжены исключительно с девиантным и / или конфликтным поведением участников. Действительно, группы стражников-кавказцев регулярно создавали коммуникативные, бытовые и профессиональные проблемы. Именно поэтому начальники участков видели один из способов разрешения сложившейся ситуации в полной замене стражников-кавказцев русскими стражниками [14 : 66]. Быстро изменить положение дел не представлялось возможным из-за недостаточной численности охраны и трудной доступности отдельных участков, поэтому активно использовались формальные санкции: стражников самих подвергали дисциплинарным наказаниям, включая ограничение свободы.

Если рассматривать социальные взаимодействия между стражниками и участниками строительства с точки зрения реализации культурных моделей, привнесенных этническими группами в социальную структуру Мурманской железной дороги, то конфликтные и соперничающие формы интеракции можно представить как выстраиваемую общностями адаптационную систему. При этом в дальнейшем необходимо изучение традиционных систем представлений о нормах поведения, реального и ожидаемого, а также о принятых формах поощрения и наказания. Таким образом, социальные взаимодействия, опирающиеся на ранее усвоенные культурные нормы и представления, меняясь и адаптируясь к новым обстоятельствам, приводят к реализации акторами социального порядка, фактически основанного на коллективной социальной справедливости.

Мурманская железная дорога построена менее чем за полтора года: «Первая лопата земли была взята в начале июня 1916 года, а укладка сквозного рельсового пути от Петрозаводска до Северного Ледовитого океана была закончена 3 ноября 1916 года»²⁰. Сам факт возведения крупного объекта за такой короткий срок подтверждает мысль о том, что созданная структура социальной системы функционировала как живой организм. Разнообразие форм социальных взаимодействий, которое существовало на рассматриваемом этапе, не было устойчивым, повторяемость их ограничивалась социальной средой. Постепенное выстраивание интеракций, потенциально-нормативное поведение способствовали формированию определенных типов отношений, стимулированных традиционными нормами, представлениями, ожиданиями.

Примечания

¹ Мурманская железная дорога. Краткий очерк постройки железной дороги на Мурман с описанием ее района. Пг.: Издание Управления по постройке Мурманской железной дороги, 1916. С. 7.

² Автор работала с материалами фондов № 20, 320, 777, 784 Национального архива Республики Карелия (НАРК).

³ Строительное управление Мурманской железной дороги (Управление по постройке Мурманской железной дороги).

⁴ НАРК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 4/25. Л. 4.

⁵ НАРК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 45/362. Л. 156.

⁶ НАРК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 4/28. Л. 16–16 об.

⁷ НАРК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 45/362. Л. 156.

⁸ Мурманская железная дорога. Краткий очерк постройки железной дороги на Мурман с описанием ее района. Пг.: Издание Управления по постройке Мурманской железной дороги, 1916. С. 71.

⁹ НАРК Ф. 320. Оп. 3. Д. 45/362. Л. 180–190 об., то же: Ф. 320. Оп. 3. Д. 7/43. Л. 14–24; Положение о военнопленных / Военные уставы и наставления. Пг., 1914. 9 с.

¹⁰ Мурманская железная дорога. Краткий очерк постройки железной дороги на Мурман с описанием ее района. Пг.: Издание Управления по постройке Мурманской железной дороги, 1916. С. 72.

¹¹ Наиболее крупные группы иностранных рабочих: военнопленные австро-венгерского и немецкого подданств, китайцы, канадцы. В «Справке к докладу Счетного Отдела от 13-го января 1917 г.» со ссылкой на сведения, полученные от Жандармского Управления, приведена конкретная цифра — 24 635 военнопленных (НАРК Ф. 320. Оп. 3. Д. 45/362. Л. 156), китайцев — около 10 тыс. чел., канадцев — около 500 чел. (Мурманская железная дорога, 1916. С. 69–70).

¹² Сведения о работавших на линии военнопленных различны. В официальном отчете о строительстве Мурманской железной дороги речь идет о приблизительной цифре — до 25 тыс. чел. к 1 сентября 1916 г. (Мурманская железная дорога, 1916. С. 69). По подсчетам А. А. Голубева — около 35 тыс. чел. на 1 февраля 1917 г. [17 : 119]. Р. Нахтигаль приводит данные о наибольшей концентрации военнопленных на линии к осени 1916 г. — 40 тыс. чел. [18 : 119]. В «Справке к докладу Счетного Отдела от 13-го января 1917 г.» — 24 635 военнопленных (НАРК Ф. 320. Оп. 3. Д. 45/362. Л. 156).

¹³ НАРК Ф. 320. Оп. 3. Д. 45/362. Л. 185.

¹⁴ НАРК Ф. 320. Оп. 3. Д. 5/36. Лл. 27–28.

¹⁵ НАРК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 45/362. Л. 69.

¹⁶ НАРК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 117/914. Л. 191.

¹⁷ НАРК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 68/531. Л. 24–25.

¹⁸ НАРК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 45/362. Л. 62 об.

¹⁹ НАРК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 104/813. Л. 3–4.

²⁰ Мурманская железная дорога. Краткий очерк постройки железной дороги на Мурман с описанием ее района. Пг.: Издание Управления по постройке Мурманской железной дороги, 1916. С. 23.

Список источников

1. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 81.
2. Врублевская О. А. О сущности понятия «социальное взаимодействие» в научных исследованиях // Сибирский журнал науки и технологий. 2006. № 5 (12). С. 60–65.
3. Кравченко Е. И. Теория социального действия: от Макса Вебера к феноменологам // Социологический журнал. 2001. № 3. С. 121–141.
4. Сорокин П. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет / Ин-т социологии. М.: Наука, 1994. 560 с.
5. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006. 1176 с.
6. Parsons T. The system of modern societies. Englewood Cliffs (N. J.): Prentice-Hall, 1971. 152 p.
7. Парсонс Т. Система современных обществ / пер. с англ. Л. А. Седова и А. Д. Ковалева; под ред. М. С. Ковалевой. М.: Аспект-Пресс, 1998. 270 с.
8. Parsons T. The Structure of Social Action, New York: McGraw-Hill, 1949. 818 p.
9. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2018. 435 с.
10. Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 495–546.
11. Социальное взаимодействие // Социология. Энциклопедия. Минск: Книжный дом, 2003. С. 965.
12. Парсонс Т. Социальная система. М.: Академический проект, 2018. 530 с.
13. Трошина Т. И. Горцы на Европейском Севере России в годы «длинной войны» 1914–1920 гг. // Казаки и горцы в годы Первой мировой войны: материалы всерос. науч. конф. с междунар. участием (Ростов-на-Дону, 18–19 сентября 2014 г.) / отв. ред. акад. Г. Г. Матишов. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. С. 160–164.
14. Змеева О. В. Стражники Мурманской железной дороги: регулирование отношений и формирование этносоциального порядка (1915–1916 гг.) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 16. 2019. № 2 (10). С. 53–67.
15. Дубровская Е. Ю., Кораблев Н. А. Карелия в годы Первой мировой войны: 1914–1918. СПб.: Нестор-История, 2017. 432 с.
16. Змеева О. В. Мурманская железная дорога: установление и трансформация социального порядка // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 6 (183). С. 107–113.
17. Голубев А. А. Мурманская железная дорога. История строительства (1894–1917 гг.). СПб.: Петербургский гос. ун-т путей сообщения, 2011. 205 с.
18. Нахтигаль Р. Мурманская железная дорога (1915–1919 гг.): военная необходимость и экономические соображения: СПб.: Нестор-История, 2011. 320 с.
19. Пустовалова Е. В. Социальное взаимодействие в конфликте // Вестник НГУЭУ. 2020. № 1. С. 219–226.
20. Агамирзоев К. М. Путь на Север: исторический очерк. Петрозаводск: Скандинавия, 2008. 154 с.

21. Змеева О. В. Социальный порядок на Мурманстройке. Часть 1. Этнические группы — акторы социальной системы // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 8. С. 70–78.
22. Ярмолич Ф. К. Китайская диаспора на Кольском Севере в 20-е годы XX века: демографические характеристики // Живущие на Севере: вызов экстремальной среде. Мурманск, 2005. С. 36–39.
23. Трошина Т. И. «Желтый труд» на Европейском севере. Привлечение китайских рабочих на строительство Мурманской железной дороги и порта // Мурманск в истории Российской государственности: сб. докл. междунар. науч.-практич. конф. Екатеринбург: Сократ, 2016. С. 156–161.

References

1. Vzaimodejstvie [Interaction]. *Filosofskij enciklopedicheskij slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya enciklopediya, 1983, p. 81. (In Russ.).
2. Vrublevskaya O. A. O sushchnosti ponyatiya “social'noe vzaimodejstvie” v nauchnyh issledovaniyah [On the essence of the concept of “social interaction” in scientific research]. *Sibirskij zhurnal nauki i tekhnologii* [Siberian Journal of Science and Technology], 2006, no. 5 (12), pp. 60–65. (In Russ.).
3. Kravchenko E. I. Teoriya social'nogo dejstviya: ot Maksa Vebera k fenomenologam [Theory of social action: from Max Weber to phenomenologists]. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological Journal], 2001, no. 3, pp. 121–141. (In Russ.).
4. Sorokin P. *Obshchedostupnyj uchebnyk sociologii. Stat'i raznyh let* [Public textbook of sociology. Articles of different years]. Moscow, Nauka, 1994, 560 p. (In Russ.).
5. Sorokin P. A. *Social'naya i kul'turnaya dinamika* [Social and cultural dynamics]. Moscow, Astrel, 2006, 1176 p. (In Russ.).
6. Parsons T. *The system of modern societies*. Englewood Cliffs (N. J.), Prentice-Hall, 1971, 152 p.
7. Parsons T. *Sistema sovremennyh obshchestv* [The system of modern societies]. Moscow, Aspect-Press, 1998, 270 p. (In Russ.).
8. Parsons T. *The Structure of Social Action*. New York, McGraw-Hill, 1949, 818 p.
9. Parsons T. *O strukture social'nogo dejstviya* [On the structure of social action]. Moscow, Academic project, 2018, 435 p. (In Russ.).
10. Weber M. *O nekotoryh kategoriyah ponimayushchej sociologii* [About some categories of understanding sociology]. *Veber M. Izbrannye proizvedeniya* [M. Weber. Selected works]. Moscow, Progress, 1990, pp. 495–546. (In Russ.).
11. Social'noe vzaimodejstvie [Social interaction]. *Sociologiya. Enciklopediya* [Sociology. Encyclopedia]. Minsk, Book House, 2003, p. 965. (In Russ.).
12. Parsons T. *Social'naya sistema* [The Social System]. Moscow, Academic project, 2018, 530 p. (In Russ.).
13. Troshina T. I. Gorcy na Evropejskom Severe Rossii v gody “dlinnoj vojny” 1914–1920 gg. [Mountaineers in the European North of Russia during the “long war” of 1914–1920]. *Kazaki i gorcy v gody Pervoj mirovoj vojny: materialy vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem (Rostov-na-Donu, 18–19 sentyabrya 2014 g.)* [Proceedings of the All-Russian Scientific Conference with International Participation “Cossacks and Mountaineers during the First World War]. Rostov-on-Don, Publishing House of the YUNTS RAS, 2014, pp. 160–164. (In Russ.).

14. Zmeeva O. V. Strazhniki Murmanskoy zheleznoj dorogi: regulirovanie otnoshenij i formirovanie etnosocial'nogo poryadka (1915–1916 gg.) [Guards of the Murmansk Railway: regulation of relations and formation of the ethno-social order (1915–1916)]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo centra RAN. Gumanitarnye issledovaniya* [Transactions of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Humanitarian Studies], Issue 16, 2019, no. 2 (10), pp. 53–67. (In Russ.).
15. Dubrovskaya E. Yu., Korablev N. A. *Kareliya v gody Pervoj mirovoj vojny: 1914–1918* [Karelia during the First World War: 1914–1918]. Saint Petersburg, Nestor-History, 2017, 432 p. (In Russ.).
16. Zmeeva O. V. Murmanskaya zheleznaya doroga: ustanovlenie i transformaciya social'nogo poryadka [Murmansk Railway: establishment and transformation of social order]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes of Petrozavodsk State University], 2019, no. 6 (183), pp. 107–113. (In Russ.).
17. Golubev A. A. *Murmanskaya zheleznaya doroga. Istorija stroitel'stva (1894–1917 gg.)* [Murmansk Railway. History of construction (1894–1917)]. Saint Petersburg, Saint Petersburg State University of Railways, 2011, 205 p. (In Russ.).
18. Nachtigal R. *Murmanskaya zheleznaya doroga (1915–1919 gg.): voennaya neobhodimost' i ekonomicheskie soobrazheniya* [Murmansk Railway (1915–1919): military necessity and economic considerations]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya, 2011, 320 p. (In Russ.).
19. Pustovalova E. V. Social'noe vzaimodejstvie v konflikte [Social interaction in conflict]. *Vestnik NGUEU* [Herald of Novosibirsk State University of Economics and Management], 2020, no. 1, pp. 219–226. (In Russ.).
20. Agamirzoev K. M. *Put' na Sever: istoricheskij ocherk* [The Way to the North: a historical essay]. Petrozavodsk, Scandinavia, 2008, 154 p. (In Russ.).
21. Zmeeva O. V. Social'nyj poryadok na Murmanstrojke. Chast' 1. Etnicheskie gruppy — aktory social'noj sistemy [Social order in the Murmansk region. Part 1. Ethnic groups — actors of the social system]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes of Petrozavodsk State University], 2021, vol. 43, no. 8, pp. 70–78. (In Russ.).
22. Yarmolich F. K. Kitajskaya diaspora na Kol'skom Severe v 20-e gody XX veka: demograficheskie harakteristiki [The Chinese diaspora in the Kola North in the 20's of the twentieth century: demographic characteristics]. *Zhivushchie na Severe: vyzov ekstremal'noj sredy* [Living in the North: challenging an extreme environment]. Murmansk, 2005, pp. 36–39. (In Russ.).
23. Troshina T. I. “Zheltyj trud” na Evropejskom severe. Privlechenie kitajskih rabochih na stroitel'stvo Murmanskoy zheleznoj dorogi i porta [“Yellow labor” in the European North. Attracting Chinese workers to the construction of the Murmansk railway and port]. *Murmansk v istorii Rossijskoj gosudarstvennosti: sb. dokl. mezhdunar. nauch.-praktich. konf.* [Collection of the Reports of the International Scientific and Practical Conference “Murmansk and History of Russian State System”]. Yekaterinburg, Socrates, 2016, pp. 156–161. (In Russ.).

Информация об авторе

О. В. Змеева — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.

Information about the author

O. V. Zmeeva — PhD (History), Senior Research Fellow.

Статья поступила в редакцию 31.03.2022; одобрена после рецензирования 14.04.2022;
принята к публикации 19.04.2022.

The article was submitted 31.03.2022; approved after reviewing 14.04.2022; accepted
for publication 19.04.2022.

Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 22. 2022. Т. 13, № 2. С. 76–95.
Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Humanitarian Studies. Series 22. 2022. Vol. 13, no. 2. P. 76–95.

ИСТОРИЯ

Научная статья
УДК 94 (470. 22)“1917/1991”
doi:10.37614/2307-5252.2022.2.13.22.006

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ВОИНСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛЕ КАРЕЛИИ)

Елена Юрьевна Дубровская

Карельский научный центр Российской академии наук, Институт языка, литературы и истории, Петрозаводск, Россия, ldubrovskaya@inbox.ru, orcid.org/0000-0003-1893-7873

Аннотация

Статья подготовлена на материалах по истории воинских частей, дислоцированных в Олонецкой губернии и Кемском уезде Архангельской губернии во время Гражданской войны в Карелии и сразу после ее окончания. Автор показывает, как армейские и флотские политико-просветительные органы справлялись с задачей “перевоспитания” вчерашних крестьян, из которых в подавляющем большинстве состояли РККА и новый Красный флот. В результате формировалась новая социальная идентичность военнослужащих. В культурном контексте раннесоветского периода российской истории идея воспитания «нового человека» была одной из самых значительных. Идеологическим фоном такого воспитания оставалась милитаризация 1920-х гг., во многом предопределившая превращение этой плодотворной идеи в разновидность авторитарного вмешательства государства во все стороны жизни армии и общества в целом.

Ключевые слова:

Российская Карелия, Гражданская война, раннесоветский период, красноармейцы, краснофлотцы, социальная идентичность

Благодарности:

исследование выполнено в рамках государственного задания Карельского научного центра Российской академии наук (тема FMEN-2021-0009 «Карелия в условиях общественных трансформаций XVII–XXI вв.: новые подходы и интерпретации»).

Для цитирования: Дубровская Е. Ю. Формирование новой идентичности в условиях воинской повседневности Гражданской войны (на материале Карелии) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 22. 2022. Т. 13, № 2. С. 76–95. doi:10.37614/2307-5252.2022.2.13.22.006

HISTORY

Original article

FORMATION OF A NEW IDENTITY IN THE CONDITIONS OF THE MILITARY EVERYDAY LIFE OF THE CIVIL WAR (BY THE MATERIAL OF KARELIA)

Elena Yu. Dubrovskaya

Institute of Language, Literature and History of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russia, ldubrovskaya@inbox.ru, orcid.org/0000-0003-1893-7873

© Дубровская Е. Ю., 2022

Abstract

The article was prepared on the basis of materials on the history of military units stationed in the Olonets province and the Kemska district of the Arkhangelsk province during the Civil War in Karelia and immediately after it. The author shows how the army and navy political and educational bodies coped with the task of “re-educating” yesterday's peasants, of whom the Workers' and Peasants' Red Army and the new Red Fleet were in the overwhelming majority. As a result, a new social identity of servicemen was formed. In the cultural context of the early Soviet period of Russian history, the idea of educating the “new man” was one of the most significant. The ideological background of such education was the militarization of the 1920s, which largely predetermined the transformation of this fruitful idea into a kind of authoritarian state intervention in all aspects of the life of the army and society as a whole.

Keywords:

Russian Karelia, Civil War, early Soviet period, Red Army men, Red Navy men, social identity

Acknowledgments:

the study was carried out as part of the state task of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (subject FMEN-2021-0009 “Karelia in the context of social transformations in the 17th–21st centuries: new approaches and interpretations”).

For citation: Dubrovskaya E. Yu. Formation of a new identity in the conditions of the military everyday life of the Civil War (by the material of Karelia) // Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Humanitarian Studies. Series 22. 2022. Vol. 13, no. 2. P. 76–95. doi:10.37614/2307-5252.2022.2.13.22.006

Исследование влияния «военного фактора» на жизнь гражданского населения открывает перспективы для изучения истории повседневности военнослужащих Красной армии в экстремальных обстоятельствах [1, 2]¹. При этом необходимо учитывать сложность и дискуссионность вопросов о структуре и содержании понятия «повседневность», которое предполагает аналитический подход к истории меняющегося человека в его обыденных заботах [3 : 35]. Перспективным видится исследование проблемы формирования «нового человека» и новых ценностей в армейской среде. В результате целенаправленной политико-идеологической работы в воинских подразделениях и условиях новой повседневности происходило формирование новой социальной идентичности выходцев из крестьянской среды.

Сюжеты, связанные с военными действиями в Карелии в 1918–1922 гг., долгое время оставались традиционной, если не ведущей, отраслью советской историографии в республике [4]. Отдельные исследования были посвящены вопросам формирования первых красноармейских частей в 1918 г., мобилизационной политике и партийно-политической работе среди красноармейцев и командиров, а также влиянию решаемых задач обороны страны на развитие народного просвещения².

Однако объективное освещение настроений в частях и подразделениях, дислоцированных в Карелии, выявление психоментальных изменений в армейской среде в военное и послевоенное время долго оставались вне поля зрения авторов многочисленных публикаций, написанных в официальном ключе.

Необычайную остроту политической и экономической обстановки в регионе удалось показать рано ушедшему из жизни петрозаводскому историку С. М. Титову, занимавшемуся историей Красной, Белой и союзнической военных флотилий Онежского озера [5]. Впервые введенный в научный оборот документальный материал, а также широкое привлечение мемуарной и исследовательской литературы позволили ученому показать яркую картину

боевых действий и прояснить запутанные обстоятельства столкновений сторон в 1919 г., проследить судьбы кораблей и военных моряков, прежде всего их командиров, в недавнем прошлом — кадровых офицеров императорского Балтийского флота³.

Помимо документальных материалов, отложившихся в Национальном архиве Республики Карелия (НАРК) и Российском государственном архиве Военно-морского флота (РГА ВМФ) в Санкт-Петербурге несомненный источниковедческий интерес представляют вышедшие в разные годы сборники очерков и воспоминаний⁴.

В 1918–1920 гг., наряду с коммунизацией деревни, усилением внеэкономического принуждения в сельском хозяйстве и промышленности, утверждением приоритета идеологии в сфере хозяйства, наследие военного коммунизма сказалось и на духовной сфере, не миновав, разумеется, и армейскую среду [6 : 54–74].

Поскольку Красная армия была одной из первых организаций, созданных советским правительством, опыт, накопленный политической элитой при построении военного аппарата, послужил моделью для государственного строительства также и в других сферах. Неслучайно партийное руководство и послевоенные советы, особенно в деревне, несли на себе отпечаток времен Гражданской войны. Политика и практика военно-коммунистического руководства деревней, исходившая из центра, порой приобретала в карельской глубинке специфические проявления. Во многом они были обусловлены геополитическим положением Карелии и национальным составом населения северо-западных уездов Олонецкой и Кемского уезда Архангельской губерний.

Однако повсюду военный коммунизм был неотделим от характерного для всего общества особого психологического состояния. Как и везде в местах расположения частей Красной армии на территории Олонецкой и Архангельской губерний, в пунктах базирования кораблей Онежской озерно-речной флотилии (Петрозаводск, Медвежья Гора, Вознесенье, Новая Ладога), в Карелии создавались чрезвычайные комиссии, революционные трибуналы в целях борьбы с саботажем и контрреволюцией. С началом Гражданской войны произошло свертывание демократических форм общественной жизни, возникших на волне революционных перемен 1917 г., и стало явственно прослеживаться зарождение тоталитарной системы. В эти годы обстановка и обстоятельства военной службы армейских кадров — от командного корпуса до солдат, так же как и их последующие связи с армией и государством после демобилизации, формировали взгляды и поведение, которые составили основу военизированного социализма как компонента советской политической культуры середины 1930-х гг. [7] (рис. 1).

Именно с периода Гражданской войны советские лидеры, неизменно одетые в полувоенные френчи, стали особенно широко использовать военный лексикон и военную символику, на долгие годы закрепившуюся в лексемах и метафорах «культурный фронт», «битва за урожай», «пионерский десант» и т. п. Чрезвычайные меры в отношении населения начали восприниматься как норма [8], хотя уже в условиях Первой мировой войны значительное влияние на все стороны жизни оказывали социальные аспекты военных действий и существование военных институтов (рис. 2).

Рис. 1. Коммунистический полк на первомайской демонстрации в Петрозаводске — губернском центре Олонецкого края. НА КарНЦ РАН. Коллекция фотоматериалов

Рис. 2. Регулярные части Красной армии на митинге 7 ноября 1918 г. в честь первой годовщины Октябрьской революции. Площадь 25 октября в Петрозаводске [9 : 340]

К началу 1920-х гг. произошло изменение социокультурного стереотипа России, отмеченное появлением новой пролетарской элиты, порыванием общественных групп, которые составляли крестьянство и интеллигенцию и были представлены в армейской среде на должностях всех уровней — от рядовых до военных чиновников, красных комиссаров и командиров. Общество в целом характеризовалось упадком нравов, распространением ригористических настроений, носители которых разделяли мир на красных и белых, вульгаризацией языка, культивированием представлений о советской стране как об осажденной врагами социалистической крепости, что порождало своеобразную армейскую психологию населения [10].

С. Оликов, автор одного из исследований по истории Красной армии, написанного в конце 1920-х гг., на основании собственного опыта работы в Центральной комиссии по борьбе с дезертирством, подчеркивал, что «армейскому руководству не нужно было изыскивать способов и путей примирения разных слоев и течений в армии и в тылу, наоборот, все было направлено к углублению, обострению классово-войсковой борьбы в городе и деревне». По словам автора, успех борьбы с дезертирством предопределяло то обстоятельство, что Красная армия строилась по классовому принципу и тем самым «была освобождена от чуждых революции элементов» [11 : 8].

Крестьяне-солдаты, составлявшие в годы Гражданской войны более восьмидесяти процентов вооруженных сил Советской республики, испытывали некоторое ограничение дееспособности, как и крестьяне в целом, например, неравные избирательные права на выборах в Советы. В результате центральные власти стали рассматривать солдат как своего рода компромисс между большинством в основном ненадежных крестьян и предполагаемо надежным пролетариатом [12 : 55].

Объясняя конфликт, произошедший в конце 1919 г. между Береговой командой и комиссаром Онежской флотилии, тот заявлял, что «команда с деревни, с под [из-под. — Е. Д.] сохи, и её нужно перевоспитать, они отказываются от всяческих работ из-за [плохого] обмундирования». Примечательно пояснение сотрудника политотдела флотилии М. Иванова об этом инциденте, очень характерном для обстановки, сложившейся после введения в армии и на флоте института военных комиссаров, как декларировалось, для контроля над считавшимися ненадежными старыми военными специалистами: «Моя поправка такова, что вновь прибывающая команда отлично революционно воспитана тем, что она уже закалена в боях. Команда с фронтов, и настроения этой команды комиссар флота не знает, потому что он никогда не посещает собрания и дичится команды»⁵.

В апрельских политсводках о состоянии расквартированных весной 1919 г. в Петрозаводске и на станции Медвежья Гора частей 1-й бригады 19-го стрелкового дивизиона заведующий политотделом Алексеев докладывал, что дезертиров в частях практически нет. Согласно документу, товарищеские суды, действовавшие в 164-м Финском стрелковом и в 41-м Урусозерском полках «много способствовали укреплению товарищеской дисциплины». Ротный товарищеский суд являлся органом, пользовавшимся правом «в полном объеме применять дисциплинарные взыскания, предусмотренные Уставом РККА». Он рассматривал проступки военнослужащих, не связанные с несением

военной службы, не влекущие за собой ущерба государству и имеющие «бытовой, нравственный или житейский характер». В 171-м стрелковом полку, отмечавшемся, по оценке Алексеева, хорошим настроением и бодрым духом, «есть небольшая часть шкурнического элемента, но за последним существует товарищеский надзор». В 40-м Петрозаводском железнодорожном полку к таковым, как отметил автор политсводки, «принимались самые строгие меры пресечения подобных явлений».

О настроениях в 1-м артиллерийском дивизионе, батареи которого были размещены в Александро-Свирском монастыре и на станции Медвежья Гора, завполитотделом сообщал, что «боевой дух части — на должной высоте, в любую минуту все готовы выступить куда угодно», за исключением присланных на формирование бойцов горной батареи, «которые страшно разнужданы и которых придется переродить». Среди чрезвычайных происшествий, имевших место в полку, Алексей упоминал, что партийным судом из рядов РКП (б) был исключен один из 35 коммунистов за кражу пяти мешков овса, приговорен к расстрелу сочувствующий партийной ячейки 1-й батареи Сергеев за картежную игру и, кроме того, «предан товарищескому батарейному суду как красноармеец»⁶.

О нетерпимом отношении армейского и флотского руководства к участию военнослужащих в карточной игре, считавшейся в первые годы советской власти уголовным преступлением⁷, свидетельствует и факт ареста секретарем политотдела Онежской флотилии А. Орловым комиссара 1-го пограничного полка вместе с его вестовым, а также секретаря, завхоза, военврача полка. Шестеро арестованных, разговор которых во время игры в доме комиссара на улице Пушкинской в Петрозаводске Орлов слышал через окно, были переданы в Олонецкую губЧК. В качестве дополнительного разъяснения по факту ареста сообщалось, что у одного из уличенных в игре «брат перешел к белым», а у врача при обыске были отобраны «три винтовки, масса патронов, нитка телеграфного провода, граната, порох, дробь, коробка капсулей»⁸.

Борьба за дисциплину сопровождалась поисками разных форм удерживания военнослужащих от дурных поступков — оставления службы (дезертирства), неисполнения приказов, озорства, мошенничества и т. д. Л. Д. Троцкий, возглавлявший наркомат по военным делам с марта 1918 г. до начала 1925 г., настаивал на реставрации традиционных дисциплинарных мер для укрепления строившейся Красной армии. По сравнению с революционной армией, где в 1917 г. — начале 1918 г. практиковалась выборность командиров, а их избрание находилось в прямой зависимости от терпимости начальников к случаям нарушения порядка подчиненными, с весны 1918 г. введение строжайшей дисциплины становилось новой нормой армейской и флотской жизни (рис. 3).

Тревогу руководства Олонецкой губернии вызывала обстановка в войсках, дислоцированных в Петрограде. Так, в 12-м (3-м) стрелковом запасном полку, размещавшемся здесь в начале 1920 г., инспекторская проверка Петроградского губвоенкомата выявила следующее. Из 4930 красноармейцев полка по списочному составу, служивших под началом всего лишь 20 офицеров (18 «бывших» и 2 «красных»), проверка выявила «налицо» только 2292 бойца, остальные находились «в расходе»: в командировках 2043 чел., в госпиталях 384 чел., в отпусках 74 чел., в самовольных отлучках 74 чел., арестованных 52 чел.⁹

Рис. 3. Моряки-балтийцы линейных кораблей «Полтава» и «Гангут», служившие в Финляндии во время Первой мировой войны. Справа — петрозаводчанин В. А. Дубинкин, в 1918 г. — народный судья, член Петрозаводского городского совета и городского комитета партии большевиков [9 : 261]

Причиной большинства арестов являлись воровство и самовольные отлучки. По приказанию командира полка одновременно с арестом дело передавалось в суд, где ожидало своей очереди. Пребывание штрафников под арестом далеко не всегда способствовало изживанию наказанными наклонностей к совершению проступков, а иногда и создавало условия для рецидива. Как заявил командир штрафной роты, уже продолжительное время его роту посылали на разгрузку «складов, где имеется масса драгоценных вещей, чисто художественных и редких», их «воруют и потом продают, таким образом, развращаются». Он настоятельно просил инспектировавшего снять штрафников с этих работ, общим же пожеланием красноармейцев было «ввести некоторый порядок в эксплуатации военных частей в качестве рабочей силы и установить какой-либо максимум рабочего времени и минимум отдыха», особенно это относилось к работе бойцов на лесозаготовках в Парголово¹⁰.

Ещё только приступая к созданию новой армии, лидеры большевиков предупреждали против чрезмерной опоры на бывших царских солдат, вопреки значительному усилению их влияния и веса. Власти опасались крестьянской сущности солдат и матросов и настаивали на том, что только пролетарии будут верно служить новому режиму [13 : 270] В 1918 г. первоначально каждому солдату Красной армии определялось жалование в 50 руб. и полное государственное довольствие, Декретом Совнаркома от 17 июня 1918 г. жалование семейным солдатам было повышено до 250 руб., а одиноким — до 150 руб. в месяц¹¹. Неодинаковое отношение большевистской власти к красноармейцам и солдатам Первой мировой войны выражалось, в частности, в определении размера пенсий их семьям и пособий раненым.

В отличие от красноармейцев их именовали «староармейцами»¹². Пособие их семьям было значительно ниже по сравнению с выплатами семьям красноармейцев, хотя и последние далеко не всегда получали их вовремя. Крестьянин деревни Канзанаволок Водлозерской волости Пудожского уезда Олонецкой губернии, инвалид войны Ф. С. Фокин, получивший на фронте ранение в ногу в октябре 1915 г. и «на 40–45 %» потерявший трудоспособность, должен был, согласно правилам, периодически проходить переосвидетельствование в уездном по воинской повинности присутствии для получения пенсии в 60 руб. в год¹³.

Право на пожизненную пенсию с апреля 1918 г. за ним признали лишь осенью 1917 г., а до этого срока семье бывшего фронтовика, состоявшей из жены, троих детей и престарелого отца, выплачивалось казенное пособие в размере пяти паев по 30 руб.¹⁴. Сохранилось свидетельство, датированное декабрем 1918 г., о том, что с апреля дальнейшая выдача пособия семье не производилась¹⁵. Переписка с органами соцобеспечения о назначении и выплате пенсии от казны «военно-увечному» крестьянину Фокину продолжалась еще в течение трех лет [9 : 339].

Раненые красноармейцы, которых к середине 1920 г. насчитывалось в Олонецкой губернии 7048 чел., ежемесячно получали от 160 до 2050 руб. в зависимости от степени инвалидности. Размер пособия родным красноармейцев колебался в пределах 250–1500 руб. в месяц с учетом количества членов семей, на них распространялось право пользоваться дополнительными продуктами по карточкам «Красная звезда». Олонецкий губернский отдел труда и социального обеспечения неоднократно ходатайствовал об увеличении пособия семьям староармейцев, составлявшего всего 60 руб. в месяц на человека, а также о предоставлении их семьям права получения продовольственных карточек «Красная звезда». По заявлению заведующего губотделом пленуму Олонецкого губсовета профсоюзов «эта просьба всегда центром отклонялась»¹⁶.

Военных моряков Онежской флотилии, как и бойцов РККА, служивших в частях на территории Олонецкой и Архангельской губерний, не обошло влияние официальной пропаганды, культивировавшей в целях унификации общественных структур социальную рознь и классовую борьбу, чувство ненависти к богатым (впоследствии оно получит и более конкретную адресность, будет направляться против нэпманов). Новая советская индоктринация включала в себя призывы к искоренению буржуазии, к наступлению на церковь и старую интеллигенцию, предполагала распространение уравнилельных настроений и обещаний построения коммунистической цивилизации во всем мире. Партийное и государственное руководство страны стало рассматривать армию как школу строителей социализма. Значительные расходы на политработу оно

мотивировало российской отсталостью, отсутствием сети общественных организаций, особенно в деревне, и большими задачами советского строительства, которые стояли перед обществом.

На армейские и флотские политико-просветительные органы была возложена задача «перевоспитания» вчерашних крестьян, из которых в подавляющем большинстве состояла новая Красная армия. Военные реформы М. В. Фрунзе, которые были призваны после кратковременной демилитаризации общества в период НЭПа восстановить утраченный высокий статус Красной армии и ее боеспособность в целом [14], положили начало военизации гражданского населения страны. Предпосылки для этого были созданы работой широко развернутой в годы Гражданской войны системы всеобща — всеобщего обучения населения основам военного дела¹⁷ (рис. 4).

Рис. 4. Красноармейские отряды и горожане у праздничной арки, украшавшей Петрозаводск в первую годовщину Октября (1918 г.) [15 : 49]

В середине 1920-х гг. не только срочная служба в армии, но и школьная система стала рассматриваться лидерами партии и государства как важное средство внедрения военных и патриотических ценностей в среду молодежи [16]. «Школа готовит гражданина Советской республики, находящейся в капиталистическом окружении, — писал один из идеологов нового вида военизации общества. — Советская школа преследует не отвлеченные педагогические цели и еще не может ставить своей задачей подготовку “гармонически развитой личности”, это дело будущего. Школа ставит своей задачей не только подготовку строителя нового общества, но, прежде всего, борца за него... Наши школы мы превратим не только в очаги строителей советского государства, но в очаги борцов за освобождение трудящихся всего мира, способных встать в наши стальные ряды для победоносной вооруженной борьбы с мировым капиталом, и в деле грядущих побед Красной армии над мировой буржуазией народный учитель внесет свою посильную лепту»¹⁸.

Однако результаты начавшегося в годы Гражданской войны воспитания «нового человека» на основе уравнилельных идей не сводятся к появлению безоговорочно принимающего идейный диктат конформиста. Армия сыграла в обществе реальную просветительную и воспитательную роль, повлияв на его складывавшуюся культуру и в положительном смысле. Материалы политико-просветительных органов, действовавших в красноармейских частях в Карелии и на кораблях Онежской военной флотилии, свидетельствуют о том, что армия и флот стали гигантской школой ликвидации безграмотности (ликбеза). Тысячи рядовых проходили в красноармейских частях школу грамотности, политграмоты, санитарной грамотности и просвещения¹⁹.

В информационной сводке Карельского областного отдела ГПУ в обком партии о политическом и экономическом положении республики за октябрь 1923 г. отмечалось хорошее настроение красноармейских частей: «Отношение к существующему строю и Советской власти дружелюбно, а к проводимой политработе красноармейцы относятся сочувственно». Среди частей, располагавшихся в Петрозаводске, эта работа велась регулярно, чего нельзя было сказать о пограничных отрядах «ввиду разбросанности по границе». Повышение политического образования пограничников сдерживалось, в частности, таким прозаическим обстоятельством, как отсутствие на заставах света в буквальном смысле слова: «Наступление темных осенних ночей ещё более затрудняет не только ведение политработы, но и несение пограничной службы. На всех кордонах нет освещения, и красноармейцам керосин приходится покупать на свои деньги (где есть таковой), а если нет, то приходится пользоваться освещением лучины»²⁰.

О бытовых трудностях такого рода говорили участники проходившего в январе 1925 г. 3-го делегатского партийного собрания Ухтинского погранотряда: «Большим местом в работе является отсутствие освещения, жгут пайковое масло». На 5-м делегатском партсобрании отряда, состоявшемся год спустя, сообщалось, что «с канцелярскими принадлежностями тянем еле-еле до самой зимы..., нормы, отпускаемые на освещение, недостаточны», хотя «лампы дали, керосин есть»²¹. В качестве «тормоза» при проведении внешкольной работы в погранчастях упоминалось недостаточное оборудование «Ленинских уголков» (отсутствие классных досок), несмотря на то что «богатая ленинская литература есть на каждой заставе, и по изучению истории дооктябрьского периода в кружках»²².

Послевоенная разруха в стране сказывалась на комплектовании частей и их оснащении: не хватало оборудованных помещений, оборудования, вооружения и снаряжения. Прослушав доклады с мест о состоянии Ухтинского погранотряда, делегаты 3-го отрядного партсобрания пришли к заключению, что «материальное положение на заставах скверное... Нет бачков или [есть] один, варить не в чем, также и воду носить», «нет пилы, топоров, даже ложки, приходится за крупу пользоваться пилой от крестьян», «на заставах нет весов, прием и выдача продовольствия происходит на глаз, на совесть, так что используется вместо весов крестьянский безмен», из-за чего могли возникать недостачи²³.

Отношения красноармейцев с местными жителями, многие из которых как карельские беженцы вернулись из Финляндии по амнистии советского правительства 1923 г., осложнялись недоразумениями имущественного характера: «С инвентарем не все благополучно, возвратившиеся хозяева

претендуют на свою собственность, а мы с неохотой возвращать должны и столы, и кровати, и т. д.»²⁴. Говоря о материальной помощи, полученной от шефов, один из делегатов докладывал, что на эти средства были куплены часы для застав, заказаны классные доски, приобретены предметы хозяйственного обихода.

Неудивительно, что в таких условиях политработникам приходилось корректировать задания центральных и областных политорганов по «воспитанию бойцов в революционном духе». Делегат 2-й комендатуры Ухтинского погранотряда М. Ф. Журкин сообщил, что из-за некомплекта половины личного состава красноармейцев часто на опасных «в смысле контрабанды пунктах» оставалось лишь по два бойца. «Нагрузка пограничников слишком велика, поэтому читать им политчас, когда они прибыли с границы, не приходится, нужен отдых»; «Трудны выезды на участок, и после ночевки на участке не совсем бывает уместной работа политчаса». Напряженный график исполнения красноармейцами своих служебных обязанностей вынуждал политработников объединять по 2–3 занятия политчаса в свободные дни. По оценке, прозвучавшей в выступлении Журкина, «усвоение политчаса слабо, ибо думают только о деревне»²⁵.

В системе политической учебы красноармейцев с октября 1924 г. вместо прежнего политчаса были введены ежедневные двухчасовые политзанятия, проводившиеся по четко разработанной Политуправлением РККА (ПУР) двухлетней программе. Составители программы ставили целью добиться усвоения личным составом необходимого объема общественно-политических знаний, получения ими представлений об армии нового типа, о её задачах, о военной истории, а также до конца ликвидировать неграмотность [17 : 37].

Для подготовки всесторонне подкованных граждан в области общественных знаний проводилась и справочная работа, то есть разъяснение вопросов, которые поступали от рядовых в столы справок и из солдатских писем. Руководство отряда настаивало на том, чтобы столы справок действовали при комендатурах, соответствовавших среднему звену в структуре погранвойск, а не на заставах как низовых ступеньках структурного аппарата и чтобы круг разъясняемых вопросов ограничивался продналогом, проблемами домашнего быта и т. д. На местах велись книги справок, не только много дававшие для пополнения знаний, но и позволявшие выявить настроения красноармейцев, в частности демобилизационные. Справочная работа на заставах «проводилась повседневно, в беседах, в Ленинском уголке и на кровати» перед сном²⁶.

Специфика погранвойск Красной армии, определявшаяся их включенностью в единый аппарат пограничной охраны ОГПУ, проявлялась в руководстве рядовыми военнослужащими не только со стороны комсостава и политсостава, но и со стороны чекистского состава. Отношения внутри руководства отряда иногда отличались «отсутствием спайки». Это выражалось, к примеру, в требованиях «изжить монополию политработников на партийную работу» или в том, что среди кадров комсостава существовало мнение о политработниках как о «советских попах».

На III делегатском партсобрании в Ухте инструктор по политработе погранотряда С. Мотков парировал эти выпады следующим образом: «Пусть считают *совпопами*. Это неверно, что *совпопы*, просто пропагандистская работа требует к ней уважения от самих работников и окружающих партийных товарищей. Без политического воспитания не может быть здорового духа в Красной армии». В прениях по вопросу о партийной активности членов РКП (б)

прозвучала реплика, свидетельствующая о распространенной практике, которая позволяла обеспечивать устойчивый график политзанятий: «В тех случаях, когда не считаются с политбойцами во время занятий политработы, через коменданта можно привлечь и взгреть любого и ликвидировать [препятствие. — *Е. Д.*]²⁷.

Помощник начальника отряда по политической части Станелис подчеркнул необходимость обсуждения вопроса о политработе на совещании кадрового состава, наполовину состоявшего из коммунистов: «Кто не желает работать и подготовиться из кадрового состава, те вылетят из войск и не порадуются». Делом формирования «нового человека» должны были быть охвачены не только рядовые бойцы, но и их начальники²⁸. Станелис говорил и о значении индивидуальной работы с красноармейцами: «Прибыл на заставу один, имеется один товарищ — и занимайся с ним. Не красноармейцы должны читать в Ленинских уголках, а вы им читайте и разъясняйте»²⁹.

О низком уровне самоподготовки рядового красноармейца можно судить уже по тому, что даже считавшиеся более развитыми члены комсомольской организации, которых в отряде в 1926 г. было около 80 чел. из общей численности личного состава приблизительно в 400 пограничников, не могли самостоятельно готовиться по вопросам обязательной программы партпросвещения. Один из участников V делегатского собрания Ухтинского погранотряда с сожалением констатировал, что, хотя имеются программа и расписание индивидуальной подготовки, «а комсомолец если возьмет какую-либо книжку, то или в ней ничего не поймет, или читает, не вникая в самую суть, навык в чтении отсутствует, следовательно, индивидуальная подготовка комсомольца немислима, т. к. проходит впустую».

По результатам проверки партийной подготовки слабое усвоение материала программы показали 70 % коммунистов и 30 % — удовлетворительное, более сложная программа в группе другого уровня была усвоена слабо — 52,6 %, удовлетворительно — 36,8 % и хорошо — 10,6 % занимавшихся³⁰.

Участники V делегатского собрания в селе Ухта обратили внимание на необходимость «военизации всей внешкольной работы» и привлечения к работе с книгой «пополнцев». «Имея в виду, что смысл существования армии заключается в подготовке к войне, а интересы пополнения... будут направлены на получение политических и общеобразовательных знаний, — записано в постановлении собрания. — Всю его внешкольную и партийную работу (кружки, группы, ядра) Ленинских уголков увязать с вопросами военных знаний и службы в погранохране и ОГПУ». Качество военного обучения красноармейцев, как видно из сообщений с мест, оставляло желать много лучшего: «Военные уголки оборудованы плохо»³¹. При объездах застав и проводившихся проверках было выявлено «наиболее слабое усвоение предметов географии, топографии и уставов»³¹.

В годы Гражданской войны строевые занятия с красноармейцами зачастую не проводились по понятным причинам плохого питания, отсутствия обуви, перегруженности личного состава несением нарядов. Однако и во второй половине 1920-х гг. в частях порой не было ни строевых занятий, ни специальной литературы для теоретической подготовки по военному делу на заставах³². В распоряжении пограничников 3-й комендатуры Ухтинского погранотряда, располагавшейся в селе Вокनावолок и объединявшей четыре заставы, находились лишь четыре комплекта настольных игр, включая шашки, красноармейское лото, индийский бой и морской бой³³.

В циркуляре Карельского обкома ВКП (б) и погранохраны Карелии от 20 мая 1925 г. отмечалось, что красноармейцы «под влиянием работы среди местного населения и общей настроенности комячейки на гражданский лад более интересовались политической учебой, нежели военной, и открыто выражают свою неприязнь к военному делу как совершенно не нужному им». Парторганизациям погранохраны предписывалось усилить внимание к вопросам военной учебы и повышению интереса красноармейцев к военным занятиям, поскольку «эта отрасль в воспитании красноармейца должна занять место наравне с политечебой и идти нога в ногу с ней», дополняя друг друга³⁴.

Если кадровый комсостав мог уделять работе с красноармейцами в политкружках лишь по два часа в неделю, то армейские политработники находились в гораздо более тесном контакте с рядовыми военнослужащими, выполняя задачу «увязки политзанятий с делом воспитания красноармейца, не допуская, однако, выхолащивания политических моментов»³⁵. Они отмечали случаи снижения требовательности командиров к собственной дисциплине, что неизбежно сказывалось на дисциплинированности подчиненных. Так, делегаты V делегатского собрания Ухтинского погранотряда говорили о том, что начальник одной из застав «утром после подъема своей койки не убирает, по его примеру красноармейцы делают то же самое. При таком отношении бойца не воспитаешь. Нужно быть, в первую очередь, дисциплинированным кадровому составу».

Тезисы о задачах партийной работы в погранохране ОГПУ ЛВО, датированные 1926 г., предписывали парторганизации, «принимая во внимание случаи упадочного настроения и самоубийства среди начальствующего состава», направить усилия на «улучшение внеслужебного быта начальства». Вся работа с беспартийными должна была иметь целью «создание здорового политикоморального состояния» и содействовать «пресечению явлений его нарушающих: пьянство, разгильдяйство, расхлябанность, самоубийства и т. д. и т. п.». Упоминание о суициде через запятую в перечне теневых сторон армейской повседневности достаточно показательно. «Как всякая система, сросшаяся с институтами идеологического воздействия, — отмечает петербургская исследовательница Н. Б. Лебина, — будь то церковь или её аналог в виде партийных органов, советское государство не могло оставаться безразличным к причинам, толкавшим людей на добровольную смерть, ибо стремилось управлять личностью во всех сферах: производственной, политической и даже интимной» [18 : 33].

По наблюдениям американского исследователя М. Хагена, средством, позволяющим понять цели и методы политического образования, становится выявление тех ценностей, которые с точки зрения политической элиты считаются необходимыми для усвоения военнослужащими [7]. Военная реформа М. В. Фрунзе 1924–1925 гг., призванная после кратковременной демилитаризации общества в период НЭПа восстановить утраченный высокий статус Красной армии и ее боеспособность в целом, положила начало военизации гражданского населения страны [14, 19].

В системе политической учебы красноармейцев с октября 1924 г. Политуправлением РККА (ПУР) были введены вместо прежнего политчаса ежедневные двухчасовые политзанятия, проводившиеся по четко разработанной двухлетней программе. Тремя главными столпами разработанной программы стали «милитаризация, советизация и интернационализация», среди которых первая занимала наиболее важное место [7].

Программа ставила целью добиться усвоения личным составом необходимого объема общественно-политических знаний. Несмотря на упрощения, продиктованные тогдашними общественными, политическими и культурными условиями, программа, по утверждению ее авторов, основывалась на лучших традициях научного марксизма и революционной практики. В течение всего первого года подготовки шло превращение вчерашнего призывника-крестьянина в советского бойца, имеющего ясное представление о Красной армии как «армии нового типа», её задачах, организации и истории. Вопросы политического образования связывались с чисто военной тематикой, а изучение двухгодичной программы подкреплялось милитаризацией всей повседневной деятельности³⁶.

Военные события осени 1921 г. — зимы 1922 г. в Российской Карелии, ставшие частью «малой» Гражданской войны и одним из звеньев в цепи крестьянских восстаний в Советской России 1920–1922 гг., имели особенности, связанные с пограничным положением края и национальным составом населения³⁷. В 1924 г. призыв лиц, достигших призывного возраста (1902 г. р.), в Карелии не производился, за исключением членов РКП (б). И хотя докладная записка республиканского ГПУ в обком партии отмечала «вполне доброжелательное отношение к Красной армии со стороны “туземного населения”»³⁸, участие советских войск в подавлении восстания на севере Карелии на долгое время оставило след в отношении жителей приграничья к красноармейским частям и погранотрядам. В 1920-е гг. их встречали здесь настороженно, а порой и открыто неприязненно³⁹.

18 сентября 1925 г. советское правительство приняло Закон об обязательной военной службе. Однако граждане северных территорий Автономной Карельской ССР (АКССР) — Ухтинского района, Поросозерской, Ребольской, Ругозерской, Кимасозерской волостей Кемского уезда — как экономически слабых волостей, «пострадавших от бандитизма» во время вооруженного конфликта в Карелии зимой 1921–1922 гг., согласно постановлению Президиума карельского обкома от 20 мая 1923 г., были до 1926 г. освобождены «от отбывания воинской повинности» по политическим соображениям. В отношении граждан других территорий республики, освобожденных от призыва на пять лет, члены Президиума республиканского обкома партии А. Нуортева, Э. Гюлинг, И. Ярвисало и З. Денисов пришли к мнению, что «в дальнейшем от военной повинности их освобождать нет никакой необходимости, за исключением Кемского и Ухтинского уездов и нескольких волостей»⁴⁰.

В заключение следует отметить, что демобилизованные солдаты и матросы несли домой, в города и в деревню, в государственные институты губернского уровня, в органы управления на местах как компонент усвоенной ими военной культуры и свое отношение к политической власти, которое было выработано у них за время службы в армии и на флоте [20].

Нельзя не согласиться с исследователем [21 : 158] в том, что служба в армии способствовала повышению общеобразовательного уровня деревенской молодежи, особенно если принять во внимание её возросшую в 1920-е гг. тягу к обучению. Это становилось одним из стимулов к прохождению действительной службы наряду с желанием занять в обществе более высокое положение защитника Страны Советов, улучшить благосостояние собственное и своей семьи, а также получить возможность вступления в правящую партию и подготовки к военной карьере как уважаемой профессии послереволюционного политического строя.

Примечания

¹ Об историографии и источниковой основе нашего исследования см.: Дубровская Е. Ю. Гражданская война и интервенция на Русском Севере: 1918–1920 годы в документах и памяти жителей Карелии // Человек и война в XX веке: мат-лы межвузов. науч.-практич. конф. (Тольятти, 2 июня 2007 г.). М.: РГГУ, 2007. С. 100–105; Дубровская Е. Ю. Повседневность в чрезвычайных обстоятельствах: революция 1917 года, Гражданская война и иностранная интервенция в общей памяти жителей Карелии // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 6. 2014. № 6 (25). С. 131–140.

² См., например: Афанасьева А. И. Великий Октябрь и становление советской культуры в Карелии. Петрозаводск, 1983; Афанасьева А. И. Бои за станцию Сегежа в 1919 г. // Из истории интервенции и гражданской войны в Карелии. Петрозаводск, 1960. С. 24–28; Афанасьева А. И. Организация добровольческих отрядов Красной Армии в Карелии // Там же. С. 13–23; Власова М. Н., Морозов К. А. Видлицкая операция 27 июня 1919 г. (в воспоминаниях) // Там же. С. 29–38; Морозов К. А. Онежская флотилия в годы войны и иностранной интервенции (1918–1920). Петрозаводск, 1961; Шумилов М. И. Партийные мобилизации в Красную Армию в Карелии (1918–1920 гг.) // Из истории интервенции... С. 3–12 и др.

³ Титов С. М. Бои на Онежском озере в 1919 г. (по материалам фондов НМРК) // Вестник Карельского краеведческого музея. Вып. 6. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. С. 80–84; Он же. К истории взаимоотношений командования морских и сухопутных сил Красной Армии в боях на Онежском озере в 1919 г. // Человек в истории: героическое и обыденное: мат-лы междунар. науч.-практич. конф., посвященной Году российской истории (Петрозаводск, 18–20 сентября 2012 г.). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. С. 147–153; Он же. Командиры и комиссары Онежской флотилии (1918–1920) // Кортик: Флот. История. Люди. 2013. № 14. С. 97–105; Он же. Флотилия и дивизия. О боях на Ладожском и Онежском озерах в 1919 г. // Север. 2013. № 9–10. С. 166–176.

⁴ В боях за Советскую Карелию. Очерки и воспоминания. Л., 1932; В борьбе за власть Советов. Воспоминания участников борьбы за установление Советской власти в Карелии. Петрозаводск, 1957; За Советскую Карелию. 1918–1920. Воспоминания о гражданской войне. Петрозаводск, 1963.

⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-124. П. 2. Д. 18. Л. 18–18 об.

⁶ НА РК. Ф. Р. 573. Оп. 1. Д. 25/227. Л. 14–22.

⁷ Чистиков А. Н. Тройка, семерка, туз... // Родина. 1994. № 12. С. 44–48.

⁸ РГА ВМФ, Ф. Р-124. Оп. 2. Д. 18. Л. 8.

⁹ НА РК. Ф. 629. Оп. 1. Д. 4. Л. 53.

¹⁰ Там же. Л. 54–54 об.

¹¹ Сикорский Е. А. «...Некоторые волости готовы на поголовный набор...» // Военно-исторический журнал. 1997. № 3. С. 82.

¹² Карелия в период гражданской войны и иностранной интервенции. 1918–1920: сб. документов и материалов. Петрозаводск: Карельское книжное издательство, 1964. С. 326.

¹³ НА РК. Ф. 382. Оп. 2. Д. 190. Л. 20.

¹⁴ Там же. Л. 26.

¹⁵ Там же. Л. 26 об.

¹⁶ Карелия в период гражданской войны и иностранной интервенции... С. 326.

¹⁷ См., например: Программа, принятая Всероссийским Советом по всеобщему военному обучению. Петрозаводск, 1918.

¹⁸ Дегтярев Л. Оборона страны и народное просвещение // Оборона страны и гражданская школа. М., 1927. С. 101–105.

¹⁹ См., например: Афанасьева А. И. Великий Октябрь... С. 49; Fitzpatrick Sh. The Russian Revolution. Cambridge, 1982. 181 p.; Hagen M. Soldiers in the Proletarian Dictatorship: from defending Revolution to building Socialism // Russia in the Era of NEP: Explorations in Soviet Society and Culture. Indiana, 1991. P. 156–173.

²⁰ Неизвестная Карелия: документы спецорганов о жизни республики, 1921–1940 / под ред. В. Г. Макурова. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1997. С. 45.

²¹ НАРК Ф. Р-1187. Оп. 2. Д. 130. Л. 15; Д. 210. Л. 10.

²² Там же. Д. 210. Л. 9; Д. 130. Л. 21.

²³ Там же. Д. 130. Л. 11.

²⁴ Там же. Д. 210. Л. 10; Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1923. № 39. Ст. 405; Карелия в период гражданской войны и иностранной интервенции... С. 57–58.

²⁵ НАРК Ф. Р-1187. Д. 130. Л. 15.

²⁶ НАРК Ф. Р-1187. Д. 130. Л. 12, 17.

²⁷ Там же.

²⁸ Для командного состава уже с 1924 г. вводился обязательный минимум общеобразовательных и обществоведческих знаний, рассчитанный на три года для среднего комсостава и на два года — для старшего. В постановлении агитационно-пропагандистского отдела ЦК РКП (б), принятом в 1927 г., указывалось, что все стороны жизни РККА должны быть пропитаны идеологией.

²⁹ НАРК Ф. Р-1187. Д. 130. Л. 20.

³⁰ Там же. Д. 120. Л. 5, 7.

³¹ Там же. Д. 210. Л. 9–10.

³² Там же. Д. 130. Л. 18; Ф. П-629. Оп. 1. Д. 4. Л. 28.

³³ НАРК. Ф. П-1187. Оп. 2. Д. 130. Л. 18.

³⁴ Там же. Л. 50.

³⁵ Там же. Д. 206. Л. 36.

³⁶ Партийно-политическая работа в Красной армии: Документы. 1921–1929. М., 1981. С. 315–324.

³⁷ Этническая родственность карелов и финнов и обретение Финляндией независимости в декабре 1917 г. вызывали, с одной стороны, активизацию карельских сепаратистских настроений, а с другой — стремление правящих кругов Финляндии присоединить территорию Восточной (Российской) Карелии. См. об этом: Гусев К. В. К истории Карельского мятежа // Отечественная история. 1996. № 6. С. 77; Йокиппи М. Восточная Карелия в период так называемых «племенных войн» 1918–1922 гг. // Прибалтийско-финские народы. Ювяскюля, 1995. С. 328; Килин Ю. М. Карелия в политике советского государства. 1921–1941 гг. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1999; Неизвестная Карелия: Документы спецорганов о жизни республики 1921–1940. Петрозаводск, 1997. С. 329; Lackman M. Jahvetti Moilanen — läskikapinan johtaja: Poliittinen elämäkerta (1881–1938). Oulu, 1993. S. 41–44.

³⁸ Неизвестная Карелия... С. 55.

³⁹ См., например, сводки политотдела Каррайона и военных частей за январь — май 1922 г.: НАРК. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 63 и май — декабрь 1922 г. Там же. Д. 64. Л. 58, 60–62 и др.

⁴⁰ НАРК. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 216. Л. 76, 131.

Список сокращений

- ГПУ — Государственное политическое управление
губЧК — губернская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем
НА КарНЦ РАН — Научный архив Карельского научного центра Российской академии наук
НАРК — Национальный архив Республики Карелия
ОГПУ ЛВО — Объединенное государственное политическое управление в Ленинградском военном округе
РГА ВМФ — Российский государственный архив Военно-морского флота
РККА — Рабоче-крестьянская Красная армия
РКП (б) — Российская коммунистическая партия большевиков

Список источников

1. Голдин В. И. Север России на пути к Гражданской войне: Попытки реформ. Революции. Международная интервенция. 1900 — лето 1918. Архангельск: САФУ, 2018. 619 с.
2. Голдин В. И. Север России в огне Гражданской войны. Иностранная интервенция и ее последствия. Август — декабрь 1918 г. Архангельск: Дапринт, 2021. 660 с.
3. Пушкарева Н. Л. История повседневности: предмет и методы // Социальная история. Ежегодник 2007. М.: РОССПЭН, 2008. С. 9–54.
4. Филимончик С. Н. Основные направления исторических исследований в Карелии (1917–2000) // Историческое краеведение в Карелии: учеб. пособие. Петрозаводск: Изд-во КГПА, 2012. С. 156–160.
5. Дубровская Е. Ю. Сергей Михайлович Титов (1958–2015) — исследователь военной истории Русского Севера // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 15. 2018. № 11 (9). С. 138–144.
6. Шумилов М. И. Октябрь, интервенция и гражданская война на Европейском Севере России (Историографический очерк). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1992. 95 с.
7. Hagen M. Soldiers in the Proletarian Dictatorship: The Red Army and the Soviet Socialist State: 1917–1930. Ithaca; N. Y.: Cornell University Press, 1990. 369 p.
8. Булдаков В. П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997. 376 с.
9. Дубровская Е. Ю., Кораблев Н. А. Карелия в годы Первой мировой войны: 1914–1918. СПб.: Нестор-История, 2017. 432 с.
10. Булдаков В. П., Леонтьева Т. Г. Война, породившая революцию: Россия, 1914–1917 гг. Тверской гос. ун-т. М.: Новый хронограф, 2015. 720 с.
11. Оликов С. Дезертирство в Красной Армии и борьба с ним. М., 1928. 128 с.
12. Хаген М. Армия и общество в 20-е годы // Военно-исторический журнал. 1990. № 12. С. 53–60.
13. Hagen M. Civil-Military Relations and the Evolution of the Soviet Socialist State // Slavic Review. 1991. Summer. P. 268–279.
14. Бочков Е. А. Когда на армии приходилось экономить... Экономические аспекты военного строительства в СССР в 20-е годы // Военно-исторический журнал. 1998. № 2. С. 2–7.

15. Дубровская Е. Ю. Российская революция 1917 года и Гражданская война в памяти населения Карелии. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016. 110 с.
16. Илюха О. П., Шикалов Ю. Г. Карелия на страницах учебников финского языка 1920–1930-х годов: формирование идентичности советских школьников // Карелия на этнокультурной и политической карте России: мат-лы науч.-практич. конф., посвященной 90-летию Республики Карелия (Петрозаводск, 21 мая 2010 г.). Петрозаводск: Verso, 2010. С. 72–76.
17. Ващенко П. Ф., Рунов В. А. Военная реформа в СССР // Военно-исторический журнал. 1989. № 12. С. 33–40.
18. Лебина Н. Б. Теневые стороны жизни советского города в 1920-х–1930-х гг. // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 33–42.
19. Добровольский В. С., Шпаков Г. Г. Военная подготовка в гражданских вузах в СССР в 1924–1944 гг. // Военно-исторический журнал. 2020. № 3. С. 40–45.
20. Ливенцев Д. В. Культурная жизнь моряков Балтийского флота в 1920–1921 гг. // Военно-исторический журнал. 2018. № 11. С. 64–65.
21. Hagen M. Soldiers in the Proletarian Dictatorship: from defending Revolution to building Socialism // Russia in the Era of NEP: Explorations in Soviet Society and Culture. Indiana, 1991. P. 156–173.

References

1. Goldin V. I. *Sever Rossii na puti k Grazhdanskoj vojne: Popytki reform. Revoljucii. Mezhdunarodnaya intervenciya. 1900 — leto 1918* [North of Russia on the way to the Civil War: Attempts to reform. Revolutions. International intervention. 1900 — summer 1918]. Arhangel'sk, Severnyj (Arkticheskij) federal'nyj universitet, 2018, 619 p. (In Russ.).
2. Goldin V. I. *Sever Rossii v ogne Grazhdanskoj vojny. Inostrannaya intervenciya i ee posledstviya. Avgust — dekabr' 1918 g.* [North of Russia in the fire of the Civil War. Foreign intervention and its consequences. August — December 1918]. Arhangel'sk, Daprint, 2021, 660 p. (In Russ.).
3. Pushkareva N. L. Istorija povsednevnosti: predmet i metody [History of everyday life: subject and methods]. *Social'naya istoriya. Ezhegodnik* [Social History. Yearbook 2007]. Moscow, Politicheskaya enciklopediya, 2008, pp. 9–54. (In Russ.).
4. Filimonchik S. N. Osnovnye napravleniya istoricheskikh issledovanij v Karelii (1917–2000) [The main directions of historical research in Karelia (1917–2000)]. *Istoricheskoe kraevedenie v Karelii* [Historical local history in Karelia]. Petrozavodsk, Karel'skaya gosudarstvennaya pedagogicheskaya akademiya, 2012, pp. 156–160. (In Russ.).
5. Dubrovskaya E. Yu. Sergej Mihajlovich Titov (1958–2015) — issledovatel' voennoj istorii Russkogo Severa [Sergei Mikhailovich Titov (1958–2015) — researcher of the military history of the Russian North]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo centra RAN, Gumanitarnye issledovaniya* [Proceedings of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Humanitarian Research], 2018, issue 15, no. 11 (9), pp. 138–144. (In Russ.).
6. Shumilov M. I. *Oktyabr', intervenciya i grazhdanskaya vojna na Evropejskom Severe Rossii (Istoriograficheskij ocherk)* [October, intervention and Civil War in the European North of Russia (Historiographic essay)]. Petrozavodsk, Petrozavodskij gosudarstvennyj universitet, 1992, 95 p. (In Russ.).
7. Hagen M. *Soldiers in the Proletarian Dictatorship: The Red Army and the Soviet Socialist State: 1917–1930*. Ithaca, N. Y., Cornell University Press, 1990, 369 p.

8. Buldakov V. P. *Krasnaya smuta: Priroda i posledstviya revolyucionnogo nasiliya* [The Red Troubles: The Nature and Consequences of Revolutionary Violence]. Moscow, Politicheskaya enciklopediya, 1997, 376 p. (In Russ.).
9. Dubrovskaya E. Yu., Korablev N. A. *Kareliya v gody Pervoj mirovoj vojny: 1914–1918* [Karelia during the First World War: 1914–1918]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya, 2017, 432 p. (In Russ.).
10. Buldakov V. P., Leont'eva T. G. *Vojna, porodivshaya revolyuciyu: Rossiya, 1914–1917 gg.* [The war that gave rise to revolution: Russia, 1914–1917]. Moscow, Novyj hronograf, 2015, 720 p. (In Russ.).
11. Olikov S. *Dezertirstvo v Krasnoj Armii i bor'ba s nim* [Desertion in the Red Army and the fight against it]. Moscow, 1928, 128 p. (In Russ.).
12. Hagen M. *Armiya i obshchestvo v 20-e gody* [Army and Society in the 1920s]. *Voенно-istoricheskij zhurnal* [Military Historical Journal], 1990, no. 12, pp. 53–60. (In Russ.).
13. Hagen M. *Civil-Military Relations and the Evolution of the Soviet Socialist State*. *Slavic Review*. 1991, Summer, pp. 268–279.
14. Bochkov E. A. *Kogda na armii prihodilos' ekonomit'... Ekonomicheskie aspekty voennogo stroitel'stva v SSSR v 20-e gody* [When you had to save money on the army... Economic aspects of military construction in the USSR in the 20s]. *Voенно-istoricheskij zhurnal* [Military Historical Journal], 1998, no. 2, pp. 2–7. (In Russ.).
15. Dubrovskaya E. Yu. *Rossijskaya revolyuciya 1917 goda i Grazhdanskaya vojna v pamyati naseleniya Karelii* [The Russian Revolution of 1917 and the Civil War in the Memory of the Population of Karelia]. Petrozavodsk, Izd-vo PetrGU, 2016, 110 p. (In Russ.).
16. Ilyuha O. P., Shikalov Yu. G. *Kareliya na stranicah uchebnikov finskogo yazyka 1920–1930-h godov: formirovanie identichnosti sovetskih shkol'nikov* [Karelia on the pages of Finnish language textbooks in the 1920s–1930s: the formation of the identity of Soviet schoolchildren]. *Kareliya na etnokul'turnoj i politicheskoy karte Rossii: materialy nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 90-letiyu Respubliki Kareliya (Petrozavodsk, May 21, 2010)* [Proceedings of the Scientific-Practical conference “Karelia on the Ethno-cultural and Political Map of Russia” dedicated to the 90th anniversary of the Republic of Karelia]. Petrozavodsk, Verso, 2010, pp. 72–76. (In Russ.).
17. Vashchenko P. F., Runov V. A. *Voennaya reforma v SSSR* [Military reform in the USSR]. *Voенно-istoricheskij zhurnal* [Military Historical Journal], 1989, no. 12, pp. 33–40. (In Russ.).
18. Lebina N. B. *Tenevye storony zhizni sovetskogo goroda v 1920-h–1930-h gg.* [Shadow aspects of the life of the Soviet city in the 1920s–1930s.]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 1994, no. 2, pp. 33–42. (In Russ.).
19. Dobrovolskij V. S., Shpakov G. G. *Voennaya podgotovka v grazhdanskih vuzah v SSSR v 1924–1944 gg.* [Military training in civilian universities in the USSR in 1924–1944]. *Voенно-istoricheskij zhurnal* [Military Historical Journal], 2020, no. 3, pp. 40–45. (In Russ.).
20. Livencev D. V. *Kul'turnaya zhizn' moryakov Baltijskogo flota v 1920–1921 gg.* [Cultural life of the sailors of the Baltic Fleet in 1920–1921]. *Voенно-istoricheskij zhurnal* [Military Historical Journal], 2018, no. 11, pp. 64–65. (In Russ.).

21. Hagen M. Soldiers in the Proletarian Dictatorship: from defending Revolution to building Socialism. *Russia in the Era of NEP: Explorations in Soviet Society and Culture*. Indiana, 1991, pp. 156–173.

Информация об авторе

Е. Ю. Дубровская — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.

Information about the author

E. Yu. Dubrovskaya — PhD (History), Senior Researcher.

Статья поступила в редакцию 11.03.2022; одобрена после рецензирования 25.03.2022; принята к публикации 19.04.2022.

The article was submitted 11.03.2022; approved after reviewing 25.03.2022; accepted for publication 19.04.2022.

Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 22. 2022. Т. 13, № 2. С. 96–108.
Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Humanitarian Studies. Series 22. 2022. Vol. 13, no. 2. P. 96–108.

Научная статья
УДК 94 (470) + 27
doi:10.37614/2307-5252.2022.2.13.22.007

КОЛОНИСТЫ МУРМАНА В ДОКУМЕНТАХ ЕВАНГЕЛИЧЕСКО-ЛЮТЕРАНСКОГО ПРИХОДА МУРМАНСКОГО БЕРЕГА

Екатерина Александровна Орехова

*Мурманский областной краеведческий музей, Мурманск, Россия,
orekhova51@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6792-0838>*

Аннотация

В 1860 г. началась официальная колонизация Мурманского берега Кольского полуострова. Этот процесс имел многонациональный и многоконфессиональный характер, что привело к возникновению на Мурмане евангелическо-лютеранской общины. На основе метрических книг реконструируется состав прихода на рубеже XIX–XX вв.

Ключевые слова:

Мурманский берег, колонизация, евангелическо-лютеранский приход

Для цитирования: Орехова Е. А. Колонисты Мурмана в документах евангелическо-лютеранского прихода Мурманского берега // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 22. 2022. Т. 13, № 2. С. 96–108. doi:10.37614/2307-5252.2022.2.13.22.007

Original article

COLONISTS OF MURMAN IN THE DOCUMENTS OF THE EVANGELICAL LUTHERAN PARISH OF THE MURMANSK COAST

Ekaterina A. Orekhova

*Murmansk Museum of Regional Studies, Murmansk, Russia, orekhova51@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0001-6792-0838>*

Abstract

In 1860, the official colonization of the Murmansk coast of the Kola Peninsula began. This process had a multinational and multi-confessional character, which led to the emergence of an Evangelical Lutheran community in Murman. On the basis of parish registers, the composition of the parish at the turn of the 19th-20th centuries is reconstructed.

Keywords:

Murman coast, colonization, Evangelical Lutheran parish

For citation: Orekhova E. A. Colonists of Murman in the documents of the Evangelical Lutheran parish of the Murmansk coast // Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Humanitarian Studies. Series 22. 2022. Vol. 13, no. 2. P. 96–108. doi:10.37614/2307-5252.2022.2.13.22.007

Кольский Север исторически находился под влиянием православия. Однако во второй половине XIX в. здесь возникла евангелическо-лютеранская община, что напрямую было связано с колонизацией Мурманского берега, начавшейся в 1860 г.

© Орехова Е. А., 2022

В качестве источников по истории мурманских лютеран можно указать отчеты пасторов: Й. Ф. Таувона, Г. А. Снеллмана, Й. Шварцберга (Мустакаллио), К. Р. Яухийайнена, К. А. Ханелла, посещавших колонии в 1870–1890-х гг. Некоторые из них были опубликованы в виде отдельных изданий в характерном для того времени жанре путевых заметок¹. Здесь также следует отметить книгу финского журналиста А. Эрвасти, который в 1882 г. путешествовал вместе с пастором Й. Шварцбергом². В 1905 г. отчет о своей деятельности представил постоянный пастор Мурманского евангелическо-лютеранского прихода А. Г. Вуотила³.

В Государственном архиве Мурманской области в коллекции метрических книг приходов и церквей Александровского уезда Архангельской епархии хранятся документы евангелическо-лютеранского прихода Мурманского берега за 1893–1917 гг.:

1. Ф. И-136. Оп. 1. Д. 32. Мурманский берег. 1893–1902 годы:
  - Л. 20. Список рожденных на Мурманском берегу, крещенных летом 1893 года.
  - Л. 21 об. — 32. Список рожденных и крещенных в 1895 году.
  - Л. 33–65. Список родившихся на Мурманском берегу, крещенных летом 1899 года.
  - Л. 66–83. Список родившихся и крещенных в 1900 году.
  - Л. 84–104. Список родившихся и крещенных в 1902 году.
2. Ф. И-136. Оп. 1. Д. 47. Мурманский берег. 1903–1908 годы:
  - Л. 1 а — 17. Список рожденных и крещенных в 1903 году.
  - Л. 17 об. — 35. Список рожденных и крещенных в 1904 году.
  - Л. 35 об. — 50. Список рожденных и крещенных в 1905 году.
  - Л. 50 об. 65. Список рожденных и крещенных в 1906 году.
  - Л. 65 об. — 77. Список рожденных и крещенных в 1907 году.
  - Л. 77 об. 96. Список рожденных и крещенных в 1908 году.
3. Ф. И-136. Оп. 1. Д. 49. Мурманский берег. 1903–1917 годы:
  - Л. 1 а — 8. Умершие в 1903 году.
  - Л. 8 об. — 14. Умершие в 1904 году.
  - Л. 15 — 21. Умершие в 1905 году.
  - Л. 21 об. — 29. Умершие в 1906 году.
  - Л. 29 об. — 37. Умершие в 1907 году.
  - Л. 38 об. — 46. Умершие в 1908 году.
  - Л. 46 об. — 53. Умершие в 1909 году.
  - Л. 53 об. — 60. Умершие в 1910 году.
  - Л. 60 об. — 68. Умершие в 1911 году.
  - Л. 68 об — 73. Умершие в 1912 году.
  - Л. 73 об. — 80. Умершие в 1913 году.
  - Л. 80 об. — 87. Умершие в 1914 году.
  - Л. 87 об. — 93. Умершие в 1915 году.
  - Л. 93 об. — 99 об. Умершие в 1917 году.
  - Л. 100 об. — 101. Конфирмованные в 1903 году.
  - Л. 101 об. — 103. Конфирмованные в 1904 году.
  - Л. 103 об. — 106. Конфирмованные в 1905 году.
  - Л. 106 об. — 108. Конфирмованные в 1906 году.
  - Л. 108 об. — 110. Конфирмованные в 1907 году.
  - Л. 110 об. — 112. Конфирмованные в 1908 году.
  - Л. 112 об. — 114. Конфирмованные в 1909 году.
  - Л. 114 — 116. Конфирмованные в 1910 году.

- Л. 116 — 117. Конфирмованные в 1911 году.
 Л. 117 — 119. Конфирмованные в 1912 году.
 Л. 119 — 120. Конфирмованные в 1913 году.
 Л. 120 об. — 122. Конфирмованные в 1914 году.
 Л. 122 об. — 124. Конфирмованные в 1915 году.
 Л. 124 об. — 126 об. Конфирмованные в 1916–1917 году.
 4. Ф. И-136. Оп. 1. Д. 54. Общий список членов Е.-Лютеранского прихода.
 1905–1917 годы.
 5. Ф. И-136. Оп. 1. Д. 62. Мурманский берег. 1909–1914 годы:
 Л. 1 об. — 16. Список рожденных и крещенных в 1909 году.
 Л. 16 об. — 34. Список рожденных и крещенных в 1910 году.
 Л. 34 об. — 54. Список рожденных и крещенных в 1911 году.
 Л. 54 об. — 68. Список рожденных и крещенных в 1912 году.
 Л. 68 об. — 89. Список рожденных и крещенных в 1913 году.
 Л. 89 об. — 103. Список рожденных и крещенных в 1914 году.
 6. Ф. И-136. Оп. 1. Д. 77. Мурманский берег (Лютеранский приход).
 1915–1917 годы:
 Л. 1 об. — 17. Список рожденных и крещенных в 1915 году.
 Л. 17 об. — 18. Список рожденных и крещенных в 1916 году.
 Л. 18 об. — 51 об. Список рожденных и крещенных в 1917 году.
 Л. 55–55 об. Хронологический список сочетавшихся браком прихода
 Мурманского берега в 1895 году.
 Л. 57–58. Хронологический список сочетавшихся браком на Мурманском
 берегу в 1899 году.
 Л. 59 об. — 60. Список сочетавшихся браком на Мурманском берегу
 в 1900 году.
 Л. 60 а. Список сочетавшихся браком на Мурманском берегу в 1895 году.
 Л. 61 об. Хронологический список сочетавшихся браком. Мурманский
 берег в 1902 году.
 Л. 62–62 об. Умершие в 1893–1902 годах.
 Л. 63–66 об. Умершие в 1893, 1894, 1895 году.
 Л. 68–81. Умершие в 1899 году.
 Л. 82 об. — 87. Умершие в 1897–1899 годах.
 Л. 89–97. Умершие в 1902 году.

Документы предоставляют обширный массив информации, в них указаны населенные пункты, сведения о движении населения, имена пасторов и лиц, проводивших крещение в их отсутствие. Все это делает эти документы ценным историческим источником по истории освоения Кольского Севера. С появлением самостоятельного Мурманского прихода документы за 1893–1903 гг. были скопированы пастором А. Г. Вуотила с подлинников, направлявшихся в Санкт-Петербургскую консисторию. Документы более раннего периода, составлявшиеся финляндскими пасторами, находятся в Национальном архиве Финляндии. Помимо консистории, копии документов направлялись также в волостные правления — Кольско-Лопарское, Мурманско-Колонистское, Териберское — и в полицию.

До начала колонизации Мурманского берега в 1860 г. необходимости в постоянном присутствии евангелическо-лютеранского духовенства здесь не было — лютеранское население Кольского уезда и всей Архангельской губернии было малочисленным. По официальным данным, в 1848 г. в губернии

проживало 615 представителей евангелическо-лютеранского и англиканского вероисповеданий обоого пола, в 1850 г. их было 578⁴. Фактически лютеран было больше за счет временно находившихся на мурманских рыбных промыслах уроженцев Финляндии. По данным декабря 1863 г., в Кемском уезде, включая территорию бывшего Кольского уезда, проживало 130 лютеран обоого пола, из них двое мужчин в заштатном городе Коле⁵. Впрочем, эти цифры явно не учитывали уже появившееся на Мурманском берегу постоянное население — переселенцев из Норвегии и Финляндии. В рапорте пристава 5-го стана Кемского уезда И. А. Поникаровского сообщалось, что в 1865 г. на Мурмане проживало 76 финляндцев и 70 шведско-норвежских подданных⁶.

Участие в религиозной жизни было важно как для самих колонистов, так и для государства. Отдаленность Мурмана и отсутствие там полноценной администрации затрудняло создание действенной системы учета населения. Необходимые обряды — крещения, конфирмации и венчания — колонисты Мурманского берега могли совершать в церквях Норвегии или Финляндии, такая практика сохранялась и в начале XX в. Это исключало их из российского официального документооборота и поля зрения властей. Так, в Сведениях о смерти фильманов лютеранского вероисповедания за 1875 г., направленных в Архангельскую казенную палату, сообщалось, что сведений о дате рождения некоторых из них нет, так как «они лютеранского вероисповедания, браки и крещения совершают в Норвегии, у тамошних пасторов, требовать от которых этих сведений у меня нет возможности»⁷. В том же рапорте упоминается Катерина (Кристина) Гальт, не значащаяся в ревизской сказке, так как она вышла замуж «из Шведско-Норвежской Лапландии в 1859 г.»⁸. Полиция и чины лесного ведомства регулярно обнаруживали самовольных поселенцев как в уже существующих населенных пунктах, так и во вновь появившихся. Многие из них не торопились получать официальный статус колониста, даже проживая на Мурмане в течение многих лет. Для властей они либо оставались незамеченными, либо формально считались сезонными работниками, которые приходили сюда из Финляндии на период промыслов. Появление здесь церковной организации позволяло отчасти исправить эту ситуацию.

С конца 1860-х гг. на Мурманский берег стали командироваться пасторы с территории Великого княжества Финляндского, причем инициатива исходила от финляндского духовенства. 13 мая 1869 г. Департамент духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел сообщил архангельскому губернатору: «Главный пастор прихода Куусамо Таувон, вследствие переселения в продолжение последних 10 лет многих финских семей, по случаю неурожаев, к берегам Ледовитого моря и имея в виду, что они, в числе 200 человек остаются без всякого духовного попечения, вызвался отыскать их у устьев р. Ууры и отправлять среди них священнические обязанности, с тем, чтобы впоследствии по получении справок и сведений об особенностях той страны, возбудить вопрос о снабжении колонии Ура постоянным духовным призрением». Императорский сенат просил губернские власти разрешить пастору проезд и при необходимости оказать содействие⁹. По сообщению самого Й. Таувона, о двух сотнях финнов из Ура-Губы, «страдающих без всякого духовного попечения», ему сообщили в 1868 г. двое прихожан церкви в Куоляярви, что стало для него и консистории Куопио полной неожиданностью¹⁰.

30 сентября 1870 г. архангельский губернатор Н. А. Качалов доложил министру внутренних дел: «Главный пастор Таувон совершил по предписанию

финляндского правительства поездку по Мурманскому берегу для временного отправления у тамошних финляндских поселенцев должности законоучителя и пастора. Поселенцы Ура-Губы на мирской сходке изъявили единодушное желание исходатайствовать дозволения построить часовню и для постройки ее безденежный отпуск леса. Часовня рассчитана на 200 человек. Согласились собирать ежегодно по 2 рубля урские поселенцы и окрестные жители на строительство, оплату заведующих церковной кассой и пастору. Имею честь донести вашему Высокопревосходительству, что часовня в колонии на реке Уре будет служить для всех колонистов лютеран всего Мурманского берега и вреда от нее православию никакого не будет»¹¹. Й. Ф. Таувон посетил Мурман пять раз, затем его сменили пасторы из других приходов Северной Финляндии: 1870–1874 гг. — Йохан Фредерик Таувон, викарий (приход Куусамо)¹²; 1876 г. — Густав Адольф Снеллман, пастор (приход Мухос)¹³; 1882 г. — Йоханнес Шварцберг, пастор (приход Куопио)¹⁴; 1884 г. — Карл Альгот Ханелла, пастор (приход Мухос)¹⁵; 1885–1888 гг. — Матти Хинкула, викарий (приход Инари)¹⁶; 1889 г. — Карл Рубен Яухийнен, пастор (приход Куопио)¹⁷.

В 1889 г. поездки пасторов из Финляндии в мурманские колонии были запрещены из-за обвинений в миссионерской деятельности. Попытка подчинить мурманских лютеран архангельскому лютеранскому приходу была признана неудачной. В качестве причин указывались разница в обрядах и богослужебных языках (большинство архангельских лютеран были немцами), а также нехватка священнослужителей. Генеральная евангелическо-лютеранская консистория предложила направлять пасторов из Ингерманландии, знавших русский и финский языки, финансирование этих поездок было оставлено за финляндской казной. С 1893 г. на Мурман стали направляться пасторы из Санкт-Петербургского консисториального округа Евангелическо-лютеранской церкви: 1893 г. — Пауль Ватанен, пастор (Колтушко-Рябовский приход)¹⁸; 1895 г. — Йоганн Эдуард Швиндт, пастор (приход Святого Иоанна в Каттила)¹⁹; 1899 г. — Константин Сийтонен, пастор (приход Туутери-Хиетамяки)²⁰; 1900 и 1902 гг. — Отто Вильгельм Рокканен, пастор (приход Венйоки-Славянка)²¹.

Вместе с тем была очевидна необходимость создания здесь самостоятельного прихода, так как визиты пасторов раз в два года не могли полностью обеспечить нужды местного населения. Русские власти, светские и духовные, не возражали, хотя и опасались усиления протестантского миссионерства. После длительных обсуждений в августе 1901 г. было разрешено образовать отдельный Мурманский евангелическо-лютеранский приход, но из-за финансовых сложностей это произошло только в январе 1903 г. Ежегодное финансирование в сумме трёх тысяч марок вновь было возложено на финляндскую казну [1 : 123–124 ; 2 : 77]²²; 1903 г. — Франц Симеон Суокас, пастор (приход Каттила-Сойккола (Сойкино))²³; 1904–1917 гг. — Андерс Густав Вуотила, пастор (приход Хиетамяки)²⁴.

В июне 1903 г. на Мурман прибыл пастор Ф. С. Суокас, скончавшийся в Александровске 19 декабря 1903 г. от болезни почек. В 1904 г. его сменил пастор А. Г. Вуотила, возглавлявший приход до ноября 1917 г.

Кроме пастора на Мурмане постоянно проживал кистер из числа местных колонистов (Эрик Хакман из Земляной Губы)²⁵.

Каким образом проходила пасторская поездка? Пастор Й. Таувон сообщает, что в путешествии 1870 г. их было трое — дьяк, пастор и проводник. Передвигались они на семи оленях²⁶. По датам общинных собраний 1872 г.,

проходивших в присутствии пастора Таувона, видно, что 9 августа он посетил Земляную Губу, 11 августа — Червяную и Вайда-Губу, 18 августа — Ура-Губу²⁷.

В 1882 г. финский журналист А. В. Эрвасти вместе с пастором Й. Шварцбергом доехал от Киттиля до Ура-Губы и подробно описал эту поездку. Если путешественники получали «подорожную», или «открытый лист», стоимость поездки составляла 110–120 финских марок (40 рублей). Этот документ также был необходим для выделения транспорта — лошадей, оленей или лодок с гребцами. Еще находясь в Финляндии, пастор предварительно направил письмо в Ура-Губу с сообщением о дате визита (14 июля). Путь из Куусамо начался 2 июля, на лодках по системе озер до деревни Оланги он занял три дня. От Оланги путешественники вышли на Княжью Губу, где остановились на станции, а 8 июля выехали в Кандалакшу. Оттуда 9 июля они направились по Кольскому тракту в город Колу, куда прибыли 12 июля. Время в пути от Киттиля до Ура-Губы составило двенадцать дней. В Ура-Губе пастор планировал остаться на десять дней. Колонисты предоставляли ему квартиру²⁸.

В 1890-х гг. поездка начиналась в Коле, откуда пастор выезжал в колонии на пароходах Архангельско-Мурманского срочного пароходства, на лодках и по суше. Первоначально поездки проходили в период устойчивой навигации и относительно хорошей погоды — в июне — июле. Появление постоянного пастора позволило значительно продлить сезон — он начинался в марте — апреле и заканчивался 12–13 декабря визитом в Ура-Губу.

Некоторые пасторы брали в поездки родственников. Пастора Й. Ф. Таувона в третьей и четвертой поездках (1872–1873 гг.) сопровождала дочь Салли²⁹. Пастор П. Ватанен в 1893 г. путешествовал вместе с женой Сельмой Генриеттой Мурман (в некоторых записях о крещениях она упоминается среди восприемников).

В каждой новой колонии у пастора было много работы — необходимо было провести крещения, венчания, конфирмации, отпевания, а также составить необходимые документы. Записи дословно подтверждают слова статистика 1899 г.: «Пастор... конфирмует отца и мать, затем венчает их и к ряду начинает крестить их детей»³⁰.

Согласно лютеранскому церковному распорядку, детей следовало крестить вскоре после рождения, по возможности в общине, на богослужении, посвященном крещению, или на воскресном богослужении. Впрочем, если жизнь ребенка находилась в опасности, крестить его мог любой христианин, желательно в присутствии свидетелей. В каждой колонии или группе колоний существовал круг людей (мужчин и женщин), способных провести обряд. О подобном экстренном крещении следовало как можно скорее известить пастора, чтобы он его утвердил. В условиях Мурманска исключения были скорее правилом. Крещения проходили в доме родителей, свидетели задним числом назначались крестными. Утверждение могло состояться через несколько лет, нередко встречается запись «умер до утверждения». Как правило, требовалось присутствие двух-трех крестных, однако в документах мурманского прихода их редко бывает меньше четырех. При этом если крестили детей, родившихся в один день, «набор» крестных у них был разным и почти никогда не пересекался. В отличие от православной церкви, члены других христианских церквей и объединений могли быть крестными, однако по меньшей мере один из крестных все-таки должен был принадлежать евангелическо-лютеранской церкви. На Мурмане это не было массовым явлением, но среди крестных встречаются православные. Так, 18 января 1910 г. Александра Хипагина стала крестной

Матвея Валле из Малой Волоковой. 27 августа 1912 г. она уже вместе с мужем Федором Чумичевым (записан как Шумшов) указана среди крестных Инги Мадвиг, также из Малой Волоковой. Среди восприемников встречаются уездный фельдшер Филипп Афанасьевич Рыжков с женой Гильмой Каролиной, промышленник и факторист Епимах Васильевич Могучий. Крестными становились, как правило, родственники, друзья и соседи.

Важным для лютеран мероприятием была конфирмация. Учитывая национальный состав прихода, она проходила на финском языке, хотя в некоторых случаях имеются пометки «конфирмован по-норвежски».

Венчание являлось не только религиозным актом, но и обеспечивало детям законный статус. Все дети, рожденные вне брака, считались незаконнорожденными, даже если родители впоследствии венчались. В таком случае к имени ребенка добавлялось не отчество, а матроним — Кайзаевич, Бритаевич и т. п., он также получал фамилию матери. По возможности отец все же указывался, иногда он «заявлялся» сам, иногда отца «заявляла» мать ребенка. Впрочем, не все вступали в брак даже при длительном совместном проживании и наличии общих детей. Статус незаконнорожденного при этом, очевидно, никак не сказывался на социальном статусе жителей колоний.

В обязанности пастора входило проведение обряда погребения, также имевшего местную специфику — между фактическим и формальным событиями могло пройти несколько месяцев. Так, пастор Ф. С. Суокас скончался 19 декабря 1903 г., был похоронен 21 декабря того же года, а отчет только 10 июня 1905 г. в Александровске новым пастором А. Г. Вуотила. Нередко погребение проходило символически, когда погибшие на промысле оставались «лежать» в море или реке — в лесу. Записи о причинах смерти дают возможность выявить периоды эпидемий, возникавших в колониях — скарлатина (1906–1907 гг.), коклюш (1908–1909 гг.). Кроме того, они позволяют отчасти восстановить информацию об участии колонистов в Русско-японской и Первой мировой войнах. Так матросы броненосца «Бородино» — сын колониста Карл Густавович Туовила из Вайда-Губы (18.06.1882 — 14.05.1905) и колонист Иоанн Иоаннович Регина из Большой Западной Лицы (04.04.1878 — 14.05.1905) погибли в ходе Цусимского сражения³¹. В Первой мировой войне участвовали сыновья колонистов из Земляной Губы: Иоанн-Густав Германович Песонен (04.07.1898 — 11.04.1917, умер в Новгороде), Карл-Адольф Карлович Карьялайнен (27.10.1897 — 01.02.1917), Карл-Рубен Семенович Мустонен (27.05.1897 — ?), Франц-Оскар Фридрихович Карьялайнен из Ура-Губы (28.09.1897 — 27.05.1917, умер в Киеве). Нетипичными для Мурмана были убийства — Иоанн Коскела (1861 — 02.06.1898), рыбак из Финляндии, был убит и похоронен в Шельпино, Карл Хейккинен (1854 — 07.04.1896), самовольный поселенец из Большой Западной Лицы, был убит в Норвегии и там же похоронен. Имели место и самоубийства.

По сообщению колонистов Цып-Наволока в 1899 г.: «За крещение и отпевание (заочное, на кладбище) дают пастору 20–30–50 коп., за венчание 1 р., 1 р. 50 к. и за конфирмацию 1 руб.»³².

Священнослужители не только могли выполнять религиозные функции, но и выступали в качестве посредников между переселенцами и властями. Так, в апреле 1873 г. главный пастор Й. Таувон лично и через улеборгского губернатора обратился к архангельскому губернатору от имени переселенцев. В Архангельск были направлены решения «общинных собраний» Бумансфьорда (Земляной Губы), Шервана (Червяной Губы), Вайда-Губы и Ура-Губы,

«касающиеся пагубной торговли ромом, производимой в помянутых поселениях в значительных размерах и грозящей поселенцам совершенным разорением». Торговлю предлагалось полностью запретить³³. В 1874 г. тот же пастор Таувон обратился к архангельскому губернатору от имени колонистов Земляной Губы Ханса Ваарала и Иоганна Эрвасти. Последние жаловались на «насилие, учиненное в Мотовской губе 13 русскими лопарями под предводительством купца И. Хипагина (причем он выдавал себя за полицейского чиновника), через что они лишились не только довольно большого кита, которого они обнаружили недалеко от жилища Ваарала, железной цепи, троса и прибыли от работы по разделке кита»³⁴.

Значительный интерес представляет состав Мурманского прихода. Большая часть переселенцев лютеранского исповедания происходила из северных губерний Великого княжества Финляндского. Однако этим регионом место их выхода не ограничивалось — в приходских книгах упомянуты практически все провинции Финляндии, а также губернии Норвегии (Финнмарк, Трумс, Нурлан, Трёнделаг, Мёре-о-Румсдал, Упланн, Акерхус, Эстфолл и Вестфолл) и Швеции (Норботтен, Вестерботтен, Сконе). Среди колонистов были уроженцы российских прибалтийских губерний: жена колониста Торос-острова Карла Хансена, Анетта Паулина Донер, была уроженкой Ревеля (Таллина), там же был заключён их брак. Семья капитана Густава Дзениса и Сельмы Кальнинш приехала на Мурман из Латвии — их дети родились и были крещены в Териберке. Эдуард Ульпе приехал из Уббенорма (Умурги) в Латвии.

По социальному статусу большая часть членов евангелическо-лютеранского прихода относилась к сословию сельских обывателей, но к разным его группам. В частности, те, кто поселился вне полосы, отведенной под колонизацию, в Чалмозере и к югу от Колы, являлись крестьянами Кольско-Лопарской волости. Среди жителей колоний выделялись колонисты и самовольные переселенцы, последние могли указываться в документах как рыбаки, домовладельцы, работники и т. п. Продолжала использоваться категория «бобыль», хотя не вполне ясно, что имелось в виду. Некоторые проживали одиноко и были записаны как старик, девица, вдова. С появлением города Александровска часть колонистов переселилась в него и получила статус мещан. Среди прихожан были люди, одновременно являвшиеся колонистами: купцы Иоанн Петр Шершедт, Иоанн Ойен, Леонард Пильфельд, Теодор Шанче (Сканке), капитаны Густав Адольф Дзенис и Давид Юлиус Шёстранд. Развивавшаяся лесопильная промышленность также привлекала выходцев из-за рубежа. Из Швеции приехали диспоненты лесопильных заводов Иоанн Кристофер Рейниус, Эдуард Осолл, Аксель Вестерберг, механики Иоанн Петр Сундхольм и Ионас Андерсен, рабочие Иоанн Аксель Хэгглунд и Иоанн Адольф Лундквист. Некоторые из них приезжали с семьями, другие обзаводились семьями здесь.

На Мурмане были распространены межнациональные браки, заключавшиеся между лицами лютеранского исповедания. Значительно реже вступали в брак лютеране и православные. Каролина Матвеевна Уккола вышла замуж за Стефана Андреевича Житянного — штурмана каботажного плавания из сумских мещан Кемского уезда Сумского прихода. Брак был заключен в Александровской церкви, С. А. Житянный впоследствии упоминается как колонист Средней Губы. За православных вышли замуж дочери колонистов А. Э. Пийппола, Л. Э. Эриксен, Е. и П. М. Хонсиус, Г. Вийтала.

В начале XX в. сохранялась практика выезда жителей Мурмана за границу — в Норвегию, Швецию, Америку, хотя это явление уже не имело таких масштабов, как в 1870-х гг. Как и прежде, выезжали целые семьи и отдельные их члены. Переезд в соседние страны, как правило, был связан с семейными обстоятельствами — с заключением брака, потерей кормильца, иногда с попыткой скрыться от призыва на военную службу или в поисках работы. В Америку уезжали в поисках лучшей жизни, иногда вслед за уехавшим туда одним членом семьи переезжали и другие. По сообщению А. В. Эрвасти, в 1882 г. билет из Тромсё до Нью-Йорка стоил 100 рублей (от Улео до Колы — 40 рублей)³⁵.

Члены евангелическо-лютеранского прихода жили не только в колониях Мурманского берега. Часть из переселенцев не дошла до побережья и осела в районе Чалм-озера, в городе Коле, по реке Туломе и на западе Нотозера³⁶. Примечательно, что эти районы рассматривались как потенциально пригодные для колонизации уже в начале 1860-х гг. Официально в полосу колонизации они были включены в ходе работ Мурманского транспортно-колонизационного и промышленного комбината в 1920-х гг.

Одной из причин опасений, которые испытывали русские власти и общество в связи с переселением на Мурман финляндцев и норвежцев, была возможность массового «сращения в лютеранство» местного православного населения, особенно саамов и карелов. К 1889 г. на западном Мурмане было два православных прихода — Печенгский и Пазрецкий, возрождался Печенгский монастырь. Могли ли они не заметить подобную деятельность? В отчетах приходского духовенства сообщается лишь о том, что лютеране живут отдельно от православных и никакого влияния на них не оказывают. Не встречается подобная информация и в документах светских властей. В метрических книгах лютеранского прихода есть единственное упоминание «принят в лютеранство» в отношении Ивана Тимофеевича Архипова. Он был представителем большой семьи Архиповых из Мотки, все члены которой исповедовали лютеранство. Также можно упомянуть семью Лежевых (Лесонен). Все они относились к карелам-лютеранам, происходившим из Беломорской Карелии. Стоит отметить, что фактически речь шла не столько о религиозной, сколько о политической экспансии — так называемой «панфинской пропаганде» [3].

Впрочем, случаи перехода из одного исповедания в другое были и беспокойство было взаимным. В 1882 г. колонист Авраам Арпела заявил журналисту А. Эрвасти, что если правительство Финляндии не предпримет мер, то Ура-Губа постепенно станет православной³⁷. Переходы лютеран в православное исповедание также имели место — в 1911 г. в православие крестились сыновья колониста из Печенги Генриха Карьялайнена — Исаак Арвид и Матвей, в 1912 г. — колонист из Лавны — Оскар Альбинус Ранта³⁸.

Существенной проблемой для верующих было отсутствие культового здания. Хотя русские власти не возражали против строительства лютеранской церкви или часовни на Мурмане, дело продвигалось с большим трудом. В 1870 г. пастор Й. Ф. Таувон сообщил властям о желании колонистов Ура-Губы построить часовню. Деньги собирались не только среди местных жителей, но и в Финляндии. О «короткой, но грустной истории» строительства рассказал журналист А. В. Эрвасти, посетивший Мурманский берег в 1882 г. Стоимость строительства была оценена в 500 рублей. К 1873 г. в Финляндии было собрано 1200 марок, или 400 рублей, в Ура-Губе около 100 рублей — сезонные промышленники платить отказались. За строительство взялся житель Ура-Губы

Мауриц Бергстрём. Лес для строительства был беспошлинно предоставлен русскими властями. Когда пастор Й. Ф. Таувон приехал в Ура-Губу в 1874 г. (это был его пятый и последний визит), был готов сруб. На этом строительство закончилось. В здании не было крыши, дверей, пола и окон. Жители Ура-Губы единодушно обвиняли в этом подрядчика, который забрал деньги, бросил работу и уехал в Америку. У М. Бергстрёма были поручители, однако жалобы старосте Филиппову успехом не увенчались, вероятно, потому, что с них было нечего взять. Само здание «не должно было быть красивым» — восемь саженей в длину и четыре в ширину, с тремя окнами на каждой стороне, но вполне могло бы украсить селение³⁹. В 1886 г. финляндские власти выделили дополнительные средства, и строительство все-таки завершили. Побывавший на Мурмане в 1896 г. адмирал А. К. Сиденер сообщает также о лютеранской часовне в колонии Столбовой, но это единственное упоминание о ней⁴⁰. Полноценная лютеранская церковь была построена для нового прихода в городе Александровске.

Работа с документами прихода имеет свои трудности, связанные с особенностями ведения записей как при их составлении, так и при внесении в архивные базы данных. В первую очередь это относится к написанию имен и топонимов.

Нередко составители пытались передать финские и норвежские имена в русской транскрипции, русифицированной или финнизированной формах. Так, имя Екатерина может быть записано как в русской форме, так и как *Katriina* или *Kaisa*, Иоанн может быть представлен как *Johan* или *Juho*, Елизавета — *Liisa* или *Elisabeth*, Андрей — *Anders* или *Antti*, Густав — *Gustav* или *Kustaa*, и т. д. Не всегда учитывались особенности произношения в разных языках. Так, фамилия *Marsi* может записываться и как Марси, и как Марш; *Björk* записывается как Биерк или Бьёрк; *Wäisänen* как Вейзенен, Вяйсянен или Вэйсянен и т. д. Следует учитывать вероятность описок или неверного восприятия имен при составлении документов. Так, члены семьи лопарей-фильманов Хальт (*Halt*) в записях фигурируют во множестве вариаций: Гальт, Хальта, Гальтин, Гальтина. Латинская буква *H*, в силу сложившейся в России традиции, преобразовывалась в русскую *Г*. В результате фамилия Хансен (*Hansen*) передавалась как Гансен, имя Харальд (*Harald*) как Гаральд и т. п.

Значительная часть топонимов передается в финском варианте, встречаются несколько вариантов названия, что затрудняет их локализацию. Так, пастор Вуотила упоминает населенные пункты Пейвяярви и Пейвяйоки, Луппокурпана, которые он посещал в 1905–1916 гг.

Дополнительные сложности возникают при внесении записей в архивные базы данных, когда исполнитель неадекватно копирует имена и топонимы. Все это зачастую делает их совершенно неузнаваемыми и непригодными для поиска. Например, фамилия Юнтунен записана латиницей *Juntunen*, а в базу данных она внесена как Уюнтунен. Таким же образом фамилия Якобсен (*Jakobsen*) превратилась в Уякобсен. То же относится и к топонимам. Например, город Ий в Северной Остроботнии (Финляндия) записан латиницей *Ii*, в базы данных внесен как Уй.

История Мурманского прихода оказалась недолгой. Летом 1916 г. пастор А. Г. Вуотила был арестован контрразведкой 6-й армии Северного фронта по подозрению в шпионаже и выслан в Вятку⁴¹. В июле 1917 г. он вернулся к исполнению обязанностей, но уже в ноябре 1917 г. покинул Кольский полуостров и сумел перебраться с семьей в Улеборг, где и скончался в 1918 г. Его вдова Хильма Матильда Никконен в 1925 г. вторично вышла замуж за Юхо

Форстрёма⁴². Лютеранские церкви в Ура-Губе и Александровске постигла та же участь, что и другие храмы, — обе были закрыты в 1921–1922 гг. В кирхе Ура-Губы располагался сельский клуб, церковь в Александровске использовалась как клуб, офицерское общежитие и закончила свое существование мастерскими подплава в 2000 г. В советский период евангелическо-лютеранское вероисповедание стало средством сохранения национальной идентичности для мурманских колонистов норвежского и финляндского происхождения и их потомков. Современный Мурманский евангелическо-лютеранский приход — часть церкви Ингрии.

Примечания

¹ Thauvon J. F. Matkamuielmia Venäjän Lapista // Acta Lapponica Fenniae. № 20. 2008. Rovaniemi, 2008. С. 7–16; Snellman G. A. 1876: Kirkkoherra G. A. Snellmanin virkamatkustus Murmanskin Jää meren rantamaalle 1876. STO BD/Ea 3228. Kansallisarkisto; Mustakallio (Schwartzberg) Joh. 1884: Matka Jäämeren rannalle kesällä 1882. Kuopio; Jauhiainen K. R. 1890: Kertomus Suomen valtion varoilla kesällä vuonna 1889 tehdystä matkasta Muurmannilaiselle rannikolle Pohjois Jäämeren luona, siellä asuvia luterilaiseen uskontoon kuuluvia siirtolaisia papillisilla toimilla palvelemista varten. STO BD 24/312. Kansallisarkisto; Hanell A. 1884: Kertomus kesällä vuonna 1884 valtionvaroilla tehdystä matkasta Muurmannilaiselle rannikolle Jäämerellä papillisilla toimilla palvelemaan siellä olevia suomalaisia evankelis-lutherilaisesta uskonnustuksesta. STO BD/Ea 3484. Kansallisarkisto.

² Ervasti A. W. Suomalaiset jäämeren rannalla. Matkamuielmia. Wickström, Oulu, 1884.

³ Vuotila A. G. 1908: Wirallinen kertomus Suomen valtionvaroista wuotuista palkkaa nauttiwan evankelis-luterilaisen papin toimista Suomalaisen keskuudessa Muurmannin rannalla vuosina 1905-6-7. STO kirjeaktit KD, Ea 120, nr. 47/305. Kirk. T. 1908. Kansallisarkisto.

⁴ Справочная книжка Архангельской губернии на 1850 год. Архангельск, 1850. С. 47; Справочная книжка Архангельской губернии на 1852 год. Архангельск, 1852. С. 62.

⁵ Памятная книжка по Архангельской губернии на 1864 год. Архангельск, 1864. С. 12.

⁶ Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 1. Оп. 5. Д. 829. Л. 225.

⁷ Мурманский областной краеведческий музей (МОКМ). MOM КП 16853/54.

⁸ МОКМ. MOM КП 16853/55.

⁹ ГААО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 984. Л. 1–1 об.

¹⁰ Thauvon J. F. Matkamuielmia Venäjän Lapista // Acta Lapponica Fenniae. Rovaniemi. 2008. № 20. С. 7.

¹¹ ГААО. Ф. 71. Оп. 1. Т. 1. Д. 171. Л. 218–220 об.

¹² http://www.kirjastovirma.fi/henkilogalleria/Thauvon_Johan_Fredrik (дата обращения: 13.06.2019).

¹³ <https://ylioppilasmatrikkeli.helsinki.fi/henkilo.php?id=16383> (дата обращения: 18.06.2019).

¹⁴ http://www.kirjastovirma.fi/henkilogalleria/Schwartzberg_Johannes (дата обращения: 13.06.2019); <https://www.geni.com/people/Johannes-Schwartzberg/6000000000378857282> (дата обращения: 13.06.2019).

¹⁵ <https://kansallisbiografia.fi/papisto/henkilo/400> (дата обращения: 13.06.2019).

- ¹⁶ <https://kansallisbiografia.fi/papisto/henkilo/587> (дата обращения: 13.06.2019).
- ¹⁷ <https://kansallisbiografia.fi/papisto/henkilo/883> (дата обращения: 13.06.2019).
- ¹⁸ <https://ylioppilasmatrikkeli.helsinki.fi/1853-1899/henkilo.php?id=20422> (дата обращения: 18.06.2019).
- ¹⁹ <https://ylioppilasmatrikkeli.helsinki.fi/1853-1899/henkilo.php?id=20255> (дата обращения: 18.06.2019).
- ²⁰ <https://ylioppilasmatrikkeli.helsinki.fi/1853-1899/henkilo.php?id=19342> (дата обращения: 18.06.2019).
- ²¹ <https://ylioppilasmatrikkeli.helsinki.fi/1853-1899/henkilo.php?id=18750>; <http://www.inkeri.ru/rep/peoples/?id=19382> (дата обращения: 18.06.2019).
- ²² РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 821. Оп. 5. Д. 162.
- ²³ <https://ylioppilasmatrikkeli.helsinki.fi/1853-1899/henkilo.php?id=23487> (дата обращения: 18.06.2019).
- ²⁴ <https://ylioppilasmatrikkeli.helsinki.fi/1853-1899/henkilo.php?id=23305> (дата обращения: 18.06.2019).
- ²⁵ ГАМО. И-136. Оп. 1. Д. 32.
- ²⁶ Thauvon J. F. *Matkamuistelmia Venäjän Lapista // Acta Lapponica Fenniae. Rovaniemi. 2008. № 20. С. 8.*
- ²⁷ ГААО. Ф. 71. Оп. 1. Т. 1. Д. 172. Л. 79–79 об.
- ²⁸ *Ervasti A. W. Suomalaiset jäämeren rannalla. Matkamuistelmia. Wickström, Oulu 1884.*
- ²⁹ <https://expo.oscapps.jyu.fi/s/isa-asp/item/5276> (дата обращения: 13.06.2019).
- ³⁰ Материалы по статистическому исследованию Мурмана. Т. 2, вып. 2. Описание колоний на запад от Кольской губы до границ Норвегии. СПб.: Типография Исихора Гольдберга, 1903. С. 92.
- ³¹ Броненосец «Бородино» участвовал в Цусимском сражении, погиб почти весь экипаж (865 человек), был спасён только марсовой старшина С. С. Ющин.
- ³² Материалы по статистическому исследованию Мурмана. Т. 2, вып. 2. Описание колоний на запад от Кольской губы до границ Норвегии. СПб.: Типография Исихора Гольдберга, 1903. С. 92.
- ³³ ГААО. Ф. 71. Оп. 1. Т. 1. Д. 172. Л. 78–79 об., 83.
- ³⁴ Там же. Ф. 71. Оп. 1. Т. 1. Д. 172. Л. 375–375 об. Колонистам явно было неизвестно, что по местному обычаю киты, выбрасывавшиеся на берег Мотовской губы, считались собственностью мотовских лопарей, которые обычно продавали их кольским купцам.
- ³⁵ *Ervasti A. W. Suomalaiset jäämeren rannalla. Matkamuistelmia. Wickström, Oulu 1884. Lähtö Uurasta. Jeretnika. Muotkavuono.*
- ³⁶ *Ervasti A. W. Suomalaiset jäämeren rannalla. Matkamuistelmia. Wickström, Oulu 1884. Ryssän ranta. Kuola.*
- ³⁷ *Ervasti A. W. Suomalaiset jäämeren rannalla. Matkamuistelmia. Wickström, Oulu 1884. Suomalaisten siirtokuntain tila ryssän rannalla.*
- ³⁸ ГАМО. Ф.И-20. Оп. 1. Д. 139. Л. 257.
- ³⁹ *Ervasti A. W. Suomalaiset jäämeren rannalla. Matkamuistelmia. Wickström, Oulu, 1884.*
- ⁴⁰ Сиденснер А. Описание Мурманского побережья. СПб., 1909. С. 63.
- ⁴¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2126. Оп. 7. Д. 224. Дело об аресте пастора Вуотило, подозреваемого в шпионаже. 26.06.1916 — 25.08.1916.

⁴² Amburger E. Die Pastoren der evangelischen Kirchen Russlands vom Ende des 16. Jahrhunderts bis 1937: Ein biographisches Lexikon, — Martin-Luther-Verlag, 1998. ISBN: 978-3875131109, S. 517–518, Nr. 1248; <https://amburger.ios-regensburg.de/index.php?id=95386> (дата обращения: 18.06.2019).

Список источников

1. Мусаев В. И. Финская и норвежская колонизация Мурманского берега (вторая половина XIX — начало XX в.) // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Гуманитарные исследования. Вып. 1. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2008. С. 121–128.
2. Мусаев В. И. Религиоведение: религия и церковь в странах Северной Европы. М.: Юрайт, 2018. 226 с.
3. Шурупова Е. А. Проблема «панфинской пропаганды» в православной Карелии в конце XIX — начале XX в. (по материалам Архангельских губернских ведомостей) // Православие в Карелии: материалы 2-й международной научной конференции, посвященной 775-летию крещения карелов / отв. ред. В. М. Пивоев. Петрозаводск, 2003. С. 54–60.

References

1. Musaev V. I. Finskaja i norvezskaja kolonizacija Murmanskogo berega (vtoraja polovina XIX — nachalo XX v.) [Finnish and Norwegian colonization of the Murmansk coast (second half of the 19th — early 20th centuries)]. *Granici i kontaktnye zony v istorii i culture Karelii i sopredelnyh regionov* [Borders and contact zones in the history and culture of Karelia and adjacent regions]. Petrozavodsk, Karelskij nauchnyj centr Rossijskoj akademii nauk, 2008, pp. 121–128. (In Russ.).
2. Musaev V. I. *Religiovedenie: religia i cerkov v stranah Severnoj Evropy* [Religious Studies: Religion and the Church in the Nordic Countries]. Moscow, Yurajt, 2018, 226 p. (In Russ.).
3. Shurupova E. A. Problema panfinskoj propagandy v pravoslavnoj Karelii v konce XIX — nachale XX v. (po materialam Arkhangelskih gubernskih vedomostej) [The problem of “Pan-Finnish propaganda” in Orthodox Karelia in the late 19th — early 20th centuries (based on the materials of the Arkhangelsk provincial bulletin)]. *Pravoslavie v Karelii: materialy 2-i mezhdunarodnoj konferencii, posvyaschennoj 775-letiju kreschenija karelov* [Proceedings of the Second International Scientific Conference Dedicated to the 775th Anniversary of the Baptism of the Karelians “Orthodoxy in Karelia”]. Petrozavodsk, 2003, pp. 54–60. (In Russ.).

Информация об авторе

Е. А. Орехова — кандидат исторических наук.

Information about the author

E. A. Orekhova — PhD (History).

Статья поступила в редакцию 14.03.2022; одобрена после рецензирования 01.04.2022; принята к публикации 19.04.2022.

The article was submitted 14.03.2022; approved after reviewing 01.04.2022; accepted for publication 19.04.2022.

Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 22. 2022.
Т. 13, № 2. С. 109–119.
Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Humanitarian Studies. Series 22. 2022.
Vol. 13, no. 2. P. 109–119.

Научная статья
УДК 930.253 (470.21)
doi:10.37614/2307-5252.2022.2.13.22.008

ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ ПРИХОДОВ КОЛЬСКОГО СЕВЕРА В ФОНДЕ КЕМСКОГО ДУХОВНОГО ПРАВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ

Юлия Николаевна Кожевникова

Центр гуманитарных проблем Баренц региона Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук», Апатиты, Россия, yukozhevnikova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2570-8641>

Аннотация

В статье рассматривается информационная содержательность документов, сохранившихся в фонде Кемского духовного правления в Национальном архиве Республики Карелия, для изучения истории православных приходов и духовенства Кольского Севера в конце XVIII — XIX столетии. Наиболее ценные среди них — консисторские указы и официальная переписка причтов с благочинными и правлением по разным вопросам. Архивные материалы, впервые вводимые в научный оборот, позволяют проследить непростые судьбы сельских пастырей, служивших на Кольском Севере, рассматривать отдельные события повседневной жизни приходских общин, выявлять особенности развития церковно-приходской жизни в крае. Персональные данные об уездном клире, отложившиеся в этой коллекции, могут быть использованы для просопографических исследований духовенства края.

Ключевые слова:

приходы Кольского Севера, Архангельская и Холмогорская епархия, Кольский уезд, духовенство, духовное правление

Благодарности:

статья выполнена при поддержке федерального бюджета по теме государственного задания Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра Российской академии наук № FMEZ-2022-0028.

Для цитирования: Кожевникова Ю. Н. Документы по истории приходов Кольского Севера в фонде Кемского духовного правления Национального архива Республики Карелия // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 22. 2022. Т. 13, № 2. С. 109–119. doi:10.37614/2307-5252.2022.2.13.22.008

Original article

DOCUMENTS ON THE HISTORY OF THE PARISHES OF THE KOLA NORTH IN THE FUND OF THE KEM' SPIRITUAL COLLEGIUM OF NATIONAL ARCHIVE OF REPUBLIC OF KARELIA

Yulia N. Kozhevnikova

Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Apatity, Russia, yukozhevnikova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2570-8641>

© Кожевникова Ю. Н., 2022

Abstract

The article examines the informational content of the documents preserved in the fund of the Kem' Spiritual Collegium in the National Archive of the Republic of Karelia for studying the history of Orthodox parishes and clergy of the Kola North at the end of the XVIII — XIX centuries. The most valuable among them are consistorial decrees and official correspondence of the clergy with the deans and the board on various issues. Archival materials, introduced into scientific circulation for the first time, make it possible to trace the difficult fates of rural pastors who served in the Kola North, to consider individual events in the daily life of parish communities, to identify the peculiarities of the development of church and parish life in the region. Personal data about the county clergy deposited in this collection can be used for prosopographic studies of the clergy of the region.

Keywords:

parishes of the Kola North, clergy, Archangelsk and Kholmogory eparchy, Kol'cky uезд (county), spiritual collegium

Acknowledgments:

the article was supported by the federal budget to carry out the state task of the Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences No. FMEZ-2022-0028.

For citation: Kozhevnikova Yu. N. Documents on the history of the parishes of the Kola North in the fund of the Kem' Spiritual Collegium of National Archive of Republic of Karelia // Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Humanitarian Studies. Series 22. 2022. Vol. 13, no. 2. P. 109–119. doi:10.37614/2307-5252.2022.2.13.22.008

Введение

Отечественные историки, изучающие формирование церковно-приходской системы на Кольском Севере в конце XVIII — XIX вв., могут сталкиваться с проблемой незначительности и плохой сохранности письменных источников. При этом необходимые для исследований материалы не составляют единого документального комплекса и хранятся в центральных и региональных архивах Москвы, Санкт-Петербурга, Архангельска, Мурманска, Великого Новгорода и Петрозаводска.

В современной историографии наиболее востребованы коллекции областных архивохранилищ в Архангельске и Мурманске [1–3 ; 4 : 199–210 ; 5 ; 6 : 26–34 ; 7 : 20–28, 43–65]. В Государственном архиве Архангельской области (ГАОО) документы, связанные с деятельностью Русской Православной Церкви на Кольском Севере в конце XVIII — XIX вв., не представлены в отдельном фонде и в основном рассеяны по обширным собраниям дел Канцелярии епископа Архангельского и Холмогорского (Ф. 1025) и Архангельской духовной консистории (Ф. 29), что существенно осложняет поиск нужной информации¹. Государственный архив Мурманской области (ГАМО) содержит разные по количеству единиц хранения фонды² некоторых приходов и церквей края — Благовещенского собора в городе Коле (Ф. И-16), в селах Кандалакша (И-20), Варзуга (Ф. И-7, И-8), Умба (Ф. И-9), Ковда (Ф. И-19), Поной (Ф. И-64, И-65), Тетрино (Ф. И-10), Чапома (Ф. И-14), Териберка (Ф. И-34), Кузомень (Ф. И-13), Чаваньга (Ф. И-15), Оленица (Ф. 120) и Кузрека (Ф. И-119), а также трех благочиний-округов Кольского и Александровского уездов (Ф. И-17, И-73, И-67). Рукописные материалы ранее второй трети XIX в., однако, в них малочисленны.

Большая часть документальных свидетельств по истории приходов и белого духовенства на Кольском Севере отложилась в фондах духовных учреждений — Святейшего Синода, Архангельской и Новгородской духовных консисторий, уездных духовных правлений и благочиний, которые представляли собой разные уровни административной системы управления Русской Православной Церковью в так называемый синодальный период.

Церковно-административное управление на Кольском Севере

Несколько предварительных замечаний о церковно-административном управлении в крае. До последней четверти XVII в. территория будущего Кольского уезда с острогом Кола была частью громадной Новгородской митрополии, а в 1682 г. вошла в состав новоучрежденной Холмогорской и Важской епархии с престольным центром в городе Холмогоры³. С возрастанием значения города Архангельска северная епархия в 1735 г. была переименована в Архангелогородскую и Холмогорскую. Летом 1762 г. епископ Иоасаф перенес ее «столицу» из Холмогор в Архангельск⁴. После образования в 1784 г. Олонецкого наместничества, в которое вошли Олонецкая и Архангельская губернии, в его границах была создана объединенная Олонецкая и Архангельская епархия [8 : 25–28]. Она просуществовала двенадцать лет под управлением двух архиереев — Вениамина (Краснопевкова-Румовского) и Аполлоса (Байбакова). После ликвидации наместничества клирики и миряне, жившие в Кольском уезде, остались под управлением епископа Аполлоса, который возглавил восстановленную в прежних границах Архангельскую и Холмогорскую епархию. С этого времени вплоть до установления советской власти ее территория находилась в пределах Архангельской губернии.

В 1744 г. создается Архангелогородская духовная консистория — коллегиальный орган управления, который избирался из представителей монашеского и белого духовенства и подчинялся Святейшему Синоду, образованному по указу Петра I в 1722 г.⁵. Одновременно на местах в уездных центрах открывались духовные правления, состоявшие из трех человек: настоятеля соборной церкви (протопопа) и двух городских иереев. Эти вспомогательные органы власти были связующим звеном в системе епархиального управления между консисторией и приходами; они контролировали церковную жизнь в разных частях епархии. В свою очередь, духовным правлениям помогали благочинные — священники, которые возглавляли благочиннические округа, или благочиния, они выбирались из числа достойных иереев по усмотрению правящего епископа и следили за нравственностью местного духовенства, состоянием церковного имущества.

Кемское духовное правление, состоявшее из присутствия и канцелярии, было образовано в 1785 г. с центром в городе Кемь после образования Кемского уезда Архангельской губернии. Под его надзором находились приходские храмы, расположенные на территории Кемского и Кольского уездов⁶. В середине XIX в. в присутствие правления много лет входил только один человек — протоиерей кемского Успенского собора Александр Тошаков, который не мог справляться с возложенными на него дополнительными административными обязанностями. При этом нарушался знаменитый принцип коллегиальности, введенный в управление Русской Православной Церковью в петровскую эпоху. Уместно добавить, что работа духовных правлений и в других епархиях оказывалась неэффективной, поэтому императорским указом от 2 ноября 1840 г. правящим епископам предоставлялось право закрывать их в случае бесполезности с тем, чтобы *«производимые на их содержание суммы были обращаемы на усиление средств Консистории»*⁷. Кемское духовное правление из-за постоянного недостатка грамотных канцеляристов было ликвидировано в 1867 г., после чего состоявшие в его ведении приходы Кольского Севера оставались под надзором двух местных благочинных и напрямую подчинялись Архангельской духовной консистории⁸.

Институт благочинных в Кольском уезде предположительно появился в 1770-е гг. (после повсеместного упразднения должности поповских старост в 1764 г.). Возглавлявший благочиние священник обязывался не менее двух раз в год посещать подведомственные ему приходские церкви и отчитываться о результатах поездок перед правящим епископом. В 1854 г. «для большего присмотра и успешного хода дел» приходы обширного кольского благочиния были разделены на два округа⁹. В первое благочиние вошли храмы уездного центра — города Колы, а также сел Кандалакша и Кереть, упраздненного Трифоно-Печенгского монастыря. Они по-прежнему находились в ведении благочинного протопопа Алексея Алексеевского. Приходские же церкви Терского берега перешли под надзор священника Михаила Томихина, настоятеля Успенского прихода в селе Варзуга.

В последующее время административные центры обоих Кольских благочиний неоднократно перемещались, так как их возглавляли настоятели разных церквей¹⁰. С открытием новых приходов в Кольском уезде во второй половине XIX в. менялся и состав благочиннических округов. Так, в 1891 г. к первому благочинию относились Кольский, Пазрецкий, Нотозерский, Ловозерский, Териберский и Печенгский приходы, а также Сонгельский и Кильдинский погосты. Ко второму благочинию — Петропавловский и Успенский в селе Варзуга, Кандалакшский, Ковдский, Керетский, Понойский, Тетринский, Кузоменьский и Умбский приходы¹¹.

Фонд Кемского духовного правления

Отечественные исследователи ранее не привлекали материалы фонда Кемского духовного правления Национального архива Республики Карелия (НА РК. Ф. 165) при изучении православия на Кольском Севере, между тем именно в нем сосредоточен корпус важных документов о приходах и духовенстве края в конце XVIII — XIX вв. Эта коллекция, насыщенная сведениями о развитии церковно-приходской жизни в крае, на наш взгляд, достойна внимания историков и должна вводиться в научный оборот.

Фонд Кемского духовного правления был обработан петрозаводскими архивистами в 1937 г. Он благополучно перенес эвакуацию в годы Великой Отечественной войны и вернулся в карельскую столицу. По отборочным спискам в июле 1955 г. большая часть документов его коллекции была изъята как «неимеющая научной и практической ценности»: из внесенных ранее в описи 1280 единиц хранения «выбыло» 1091 дело. Согласно рабочей инструкции, разосланной по районным архивам Главным архивным управлением СССР, уничтожались реестры входящих и исходящих церковных документов, рапорты благочинных и священников о получении указов из консистории, приходо-расходные книги, исповедные (духовные) росписи с 1865 г., книги брачных обысков, алтарные книги, обширная переписка о ремонте и строительстве новых церквей и причтовых домов, дела о наложении епитимий и пожертвовании вещей в приходские церкви¹². Уцелевшие до наших дней документы правления хронологически охватывают длительный период с 1781 по 1916 гг. Они представлены в делах, сформированных советскими работниками архива.

Документы духовного правления о приходах Кольского Севера

Сохранившиеся в фонде Кемского духовного правления документы по истории приходов и духовенства Кольского Севера делятся на две группы: делопроизводственные материалы Архангельской духовной консистории, Кемского духовного правления и приходов края (консistorские указы,

составленные по разным случаям, рапорты благочинных и священников, переписка о строительстве церквей и по другим вопросам приходской жизни) и учетно-статистическая документация (ведомости о церквях, исповедные росписи, ведомости «о свечных доходах», имущественные описи, реестры текущих и решенных дел).

В обязанности членов присутствия Кемского духовного правления вменялось распространение среди местных причтов постановлений Архангельской духовной консистории и затем контроль над их исполнением. Многочисленные указы, присылавшиеся на протяжении конца XVIII — XIX вв. в Кемь из Архангельска, представляются важным информационным ресурсом для исследователей истории православия на Кольском Севере.

Поступавшие из губернской столицы консисторские предписания часто передавали содержание императорских и синодальных распоряжений, предназначенных для духовенства всех российских епархий. Приведем примеры. В начале 1801 г. причты Кольского благочиния ознакомились с текстом судьбоносного именного указа Павла I *«о непозволении строить деревянные церкви вновь, на место погорелых»*, который прервал многовековое развитие традиционного для северных епархий деревянного храмостроения¹³. В марте того же года уездные клирики получили синодальное предписание о недопустимости *«гнутого пьянства»* и более усердном исполнении своих пастырских обязанностей. Приходские иереи обязывались не менее пяти раз в неделю служить в церкви и произносить по праздничным дням проповеди собственного сочинения (предварительно их текст утверждался архиереем). Кроме того, им запрещалось *«ходить в гости не только без зова, но и будучи зваными, куда бы то ни было»*; также от них требовалось *«не ездить на публичные, бываемые в их селах и других приходах, ярманки и так называемые базары»*¹⁴. Кольский благочинный протоиерей Василий Ивановский в рапорте от 16 июня 1801 г. докладывал духовному правлению о том, что после получения этого указа согласно присланной инструкции *«собрал подписки»* от всех священников своего округа и раздал каждому по экземпляру *«манифеста»*¹⁵. По всей видимости, выступления духовенства перед верующими с проповедями в ближайшие годы не получило широкого распространения в Архангельской епархии и поучения в приходских храмах произносились редко, что послужило причиной нового распоряжения епархиального начальства по этому злободневному вопросу. В 1808 г. согласно резолюции правящего епископа Евлампия (Введенского)¹⁶ консистория напоминала *«ученым попам»* об их обязанности произносить речи во время богослужений: *«коим нет еще 45 лет в год по двенадцать проповедей сказали и от 45 до 55 — по шести, от 55 лет — от произволения, усердия и силе их пусть зависит»*; владыка пояснял белому духовенству, что пожилой возраст не освобождает приходских священников от *«ревностного прохождения должности»*, важной частью которого была проповедь¹⁷.

Документы Кемского духовного правления содержат ценные сведения для изучения института благочинных на Кольском Севере: персональную информацию о священниках, возглавлявших округ в конце XVIII — первой половине XIX вв. (протоиереи Воскресенского собора в Коле Василий Ивановский, Матфей Поликин, Алексей Алексеевский, Иоанн Диаконов, настоятель Кандалакшского прихода Димитрий Плотников и др.)¹⁸; данные о составе двух кольских благочиний во второй половине XIX в. и др.

Переписка с духовным правлением отнимала у благочинных немало времени. В Кемь постоянно отправлялись многочисленные рапорты о получении и надлежащем исполнении консисторских указов, приходо-расходные, метрические и обысковые книги; исповедные ведомости; в последней четверти XIX в. к ним прибавились отчеты о работе учебных заведений округа и даже специальные ведомости о заразных болезнях в приходах. Регулярный обмен информацией между благочинными и духовным правлением затруднялся плохим транспортным сообщением, поэтому в документах затрагиваются и организационные вопросы. Так, в 1801 г. протоиерею Василию Ивановскому рекомендовалось присылать требовавшиеся от него отчетные бумаги *«через городские почтовые экспедиции»*¹⁹. Благочинный в ответ просил свое руководство освободить его от обременительной отправки так называемых третних ведомостей (другими словами, оставить только полугодовые рапорты о состоянии приходов его округа) из-за отсутствия *«попутных okazji»*²⁰.

Круг обязанностей кольских благочинных, как сообщают документы, включал не только пристальный контроль за правильностью богослужения в уездных церквях и проверку сохранности храмового имущества, но и наблюдение за внешним видом приходского духовенства. В 1806 г. об этом гласило строгое требование правящего епископа, озвученное в консисторском указе от 17 декабря: *«Дабы в непристойном сану своему одеяния не облачались, а особливо священники и диаконы ходили бы в святую церковь, по городу и в приходе к требам в рясах, волосов своих пучками не завязывали и в том над ними наблюдать благочинным»*²¹.

В фонде Кемского духовного правления до нас дошли свидетельства о разделении приходов Кольского уезда в середине XIX в. на два округа²². Тогда между прочим выяснилось, что вся делопроизводственная документация, связанная с работой единого Кольского благочиния, хранилась в деревянном Воскресенском соборе города Колы и сгорела вместе с ним в августе 1854 г. (как сообщали его клирики, из огня удалось спасти только *«метрики всех лет, сколько было»*, и соборные бумаги с 1821 г.)²³. Полная утрата архива за десятилетия существования благочиния стала одной из основных причин малочисленности его документов до середины XIX в. в фондах ГАМО (Ф. И-17).

Консисторские постановления содержат самые разные сведения по истории приходов Кольского Севера в конце XVIII — XIX вв.: о возведении и освящении новых церквей, строительстве причтовых домов, материальном положении приходских храмов и служивших в них клириков, пастырской и просветительской деятельности духовенства, судебных разбирательствах клириков и прихожан и др. Любопытные детали, к примеру, сообщает переписка с духовным правлением по поводу освящения в начале 1817 г. каменной церкви Благовещения Пресвятой Богородицы в городе Коле. Благочинный хотел пригласить на это радостное и долгожданное событие диаконов из кемского Успенского собора или Сумского прихода, однако оба отказались от дальнейшей поездки (первый сослался на плохое самочувствие, а другой — на опасную болезнь супруги). Епископ предложил решить вопрос на месте: *«Ежели ни одному диакону быть невозможно теперь, то или отложить освящение храма до выздоровления диакона или освятить и без диакона»*²⁴. Как следует из рапорта благочинного священника Иоанна Дяконова, 25 января 1817 г. он все же освятил построенный храм в сослужении двух приглашенных иереев из сел Кандалакша и Кереть²⁵.

Сохранились данные о казенных пособиях для приходских храмов Кольского уезда, которые позволяют установить факт перевода к 1847 г. местных церквей и причтов на *«штатное содержание»* и оценить объем их финансовой поддержки Российским государством. Так, по новому расписанию денежные суммы получали семь уездных церквей, разделенных на классы в соответствии с числом прихожан: Предтеченская в Кандалакше (относилась к 4-му классу, ей полагалось 404 рубля), Успенская в Варзуге, Никольская в Керети, святителя Василия Великого в Тетрино, Воскресенская в Умбе (6-го класса, по 270 рублей), Петропавловские в Поное и Варзуге (обе последнего, 7-го, класса, по 190 рублей)²⁶.

Многочисленные рапорты приходских священников и причетников предоставляют исследователям сведения о значительных материальных трудностях, которые испытывали клирики в повседневной жизни. В июле 1809 г. служившие в кольском Воскресенском соборе иереи Василий Ивановский и Александр Измайлов, дьячок Алексей Федоров и пономарь Филипп Сидоровский писали в Архангельск о создавшемся в их приходе сложном положении: *«От веку не имеем пахотной и сенокосной земли и никаких угодий к рыбным и другим промыслам, но только питаемся доходом за исправление мирских треб, хождением по храмовым праздникам со крестом и святою водою по обывательским домам города Колы и собственными трудами»*²⁷. Далее они рассказывали о нападении на город англичан²⁸, разграбивших хозяйства местных прихожан: *«Сего года 11 мая нахождением аглицких неприятельских судов жители города Кола крайне разорены»* — и просили оказать хоть какую-то помощь в строительстве новых причтовых домов²⁹. Подобного рода свидетельства могут также использоваться при изучении вопроса о влиянии происходивших на Кольском Севере внешнеполитических событий на судьбы духовенства края.

Документы из фонда Кемского духовного правления сообщают о непростых взаимоотношениях клириков и прихожан. В начале 1847 г. причт Понойского прихода жаловался на местных крестьян, отнявших у него тонию Лахту, многие годы служившую едва ли не основным источником пропитания для семейств понойских иерея и дьячка. В клировой ведомости за 1817 г. указывалось, что *«во владении священноцерковнослужителей пашенной земли не имеется, да и сенокосной самое малое количество, на содержание им от прихожан дана для улову рыбы семга тоня и малое количество получают денежной руги»*³⁰. В ответном предписании консистории говорилось о том, что необходимые сведения, которые могли бы подтвердить отвод тони в пользу священноцерковнослужителей Понойского прихода при его открытии, отсутствуют в ее архиве (все бумаги сгорели в страшном пожаре, охватившем центр Архангельска в 1793 г.). Бедствующему причту предлагалось обратиться за нужными документами в Понойское сельское управление и там отстаивать свои права на рыбную ловлю на основании *«закона десятилетней давности»*.

Приведем еще один пример. В 1817 г. крестьяне Умбского прихода соглашались построить для семей священника и дьячка только один дом *«о двух теплых покоях»* и, как писал благочинный в правление, *«при том они, прихожане, не дают им по неимению пашенной земли, надлежащих содержаний и даже не согласились священнику в удобных местах реки Умбы сетками ловить рыбу»*³¹. По архиерейской резолюции, местный настоятель Иоанн Титов был вскоре переведен в село Шуезерское Кемского уезда: *«Когда умбские крестьяне не соглашаются священника содержать так, чтобы он мог быть доволен своим состоянием»*

(священник в жизни своей похваляется), то перевести его в Шуезерский, а шуезерского священника в Панозерский приход»³². Так, в случае острых конфликтов, происходивших в приходской общине, правящий епископ мог распорядиться о перемещении священника в другой храм на своей канонической территории.

Постановления Архангельской духовной консистории насыщены биографическими подробностями о белом духовенстве Кольского Севера. С их помощью можно установить или уточнить годы жизни священников и причетников, определить основные вехи пастырского служения иереев, проследить их перемещения из одного прихода в другой и выявить причины этих переводов, выяснить персональный состав причтов. Это позволит в будущем существенно расширить базу данных о сельских священниках в конце XVIII — XIX вв., которая представлена в «Православном словаре Кольского Севера», изданном П. В. Федоровым в 2017 г., и дополнить ее новыми именами [9]. На основании обнаруженных сведений будет рассмотрен малоизученный вопрос о существовании династий священников.

Среди учетно-статистической документации отметим отложившиеся в составе фонда Кемского духовного правления редкие материалы: исповедные росписи Кандалакшского прихода за 1812–1813, 1820 гг.³³; годовые приходо-расходные ведомости церковью Кольского благочиния за 1811 г. с указанием источников поступления денег в церковную кассу (за проданные свечи, подаяния «в кошельки и кружки», за «отданные в наем дома и лавки»), ведомость о детях священников и причетников Кольского уезда, «имеющих поступить в приходское училище» в Архангельске в 1817 г.³⁴.

Дополнительным источником информации по истории приходов Кольского Севера в XIX в. можно рассматривать сами рукописные описи Кемского духовного правления. Грамотно составленные архивистами в 1937 г. заголовки архивных дел, которые «выбыли» в последующее время, нередко раскрывают содержание уничтоженных документов. В их названиях отразились сведения о развитии церковно-приходской системы, в том числе об открытии новых приходов, возведении молитвенных домов и церквей, составе причтов и жизни священников (есть информация об их смерти, перемене мест служения, связанных с ними судебных разбирательствах). Так, обнаруживаются любопытные факты о Симеоне Плотникове, служившем в кольском Воскресенском соборе до 1840 г., а затем по каким-то причинам попавшем под запрет и высланном на епитимию в Спасо-Преображенский Пертоминский монастырь. На освободившееся место в соборном причте поступил иерей Матфей Поликин, впоследствии ставший его настоятелем и благочинным Кольского округа.

Выводы

Итак, в составе фонда Кемского духовного правления НА РК до нас дошли документы, обладающие высоким информационным потенциалом и значимостью для изучения особенностей развития церковно-приходской структуры на Кольском Севере в конце XVIII — XIX вв. Наиболее ценными среди них представляются многочисленные указы Архангельской духовной консистории, исповедные росписи, официальная переписка причтов с благочинными и членами правления за первую четверть XIX в. Они позволяют проследивать непростые судьбы сельских пастырей, служивших на Кольском Севере, рассматривать отдельные события повседневной жизни приходских общин на протяжении всего XIX столетия.

Персональные данные, обнаруженные в делах архивной коллекции, могут быть использованы для просопографических исследований клира кольских благочиний Архангельской и Холмогорской епархии. Рукописные описи фонда Кемского духовного правления, составленные в 1937 г., сами по себе могут стать дополнительным историческим источником информации.

В заключении добавим, что представленный в статье краткий обзор документов Кемского духовного правления носит предварительный характер. Подробное изучение состава его архивных дел, несомненно, в будущем принесет немало открытий.

Примечания

¹ Государственный архив Архангельской области: Путеводитель в двух томах / сост. Л. В. Гундакова и др. Архангельск: Правда Севера, 2000. Т. 1.

² От 399 архивных дел в наиболее обширном фонде первого Кольского благочиния до одной единицы хранения в фонде Сретенской церкви в селе Кузрека.

³ Справочная книжка Архангельской губернии на 1852 год. Архангельск, 1852. С. 157; Шумилов Н. А. Архангельская и Холмогорская епархия в 1682–1917 гг.: хроника событий // Поморский летописец: Альманах. Архангельск, 2008. Вып. 3. С. 23–24; Православие на Архангельской земле: XVII–XX вв. Архивные документы и исторические материалы. Хрестоматия / под ред. А. А. Курбатова. Архангельск, 2005. С. 12.

⁴ Православие на Архангельской земле: XVII–XX вв. Архивные документы и исторические материалы. Хрестоматия / под ред. А. А. Курбатова. Архангельск, 2005. С. 13.

⁵ Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 года (далее — ПСЗ I). СПб., 1830. Т. 12. № 8988.

⁶ В 1859–1883 гг. кольские благочиния находились в составе Кемского уезда.

⁷ Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по ведомству православного исповедания. СПб., 1885. Т. I. С. 156.

⁸ НА РК. Ф. 165. Оп. 2. Д. 9/126.

⁹ Там же. Оп. 1. Д. 26/729. Л. 1–2 об., 17–19.

¹⁰ Например, в 1858 г. второе Кольское благочиние возглавил иерей Феодор Ануфриев, настоятель церкви в селе Кереть. См.: НА РК. Ф. 165. Оп. 1. Д. 30/934. Л. 1.

¹¹ НА РК. Ф. 419. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 5–6.

¹² См.: Соколов А. С. Предисловие к описи фонда «Соборная церковь Успения Пресвятой Богородицы в городе Кемь». См.: НА РК. Ф. 166. Оп. 1.

¹³ ПСЗ I. СПб., 1830. Т. 26. № 19701; НА РК. Ф. 165. Оп. 2. Д. 3/15. Л. 8.

¹⁴ ПСЗ I. СПб., 1830. Т. 26. № 19337.

¹⁵ НА РК. Ф. 165. Оп. 1. Д. 2/25. Л. 14.

¹⁶ Заринский М. Иерархи Архангельской и Холмогорской епархии // Справочная книжка Архангельской губернии на 1852 год. Архангельск, 1852. Отделение 3. С. 182–185.

¹⁷ НА РК. Ф. 165. Оп. 2. Д. 4/24. Л. 6–6 об.

¹⁸ Там же. Оп. 1. Д. 27/792, 30/919, 31/960, 32/1003.

¹⁹ Там же. Оп. 2. Д. 3/15. Л. 32.

²⁰ Там же. Оп. 1. Д. 1/23. Л. 34 об. 35.

²¹ Там же. Д. 3/46. Л. 1.

²² Там же. Д. 26/729, 30/934.

²³ Там же. Д. 26/729. Л. 17.

²⁴ Там же. Д. 3/46. Л. 9–10.

²⁵ Там же. Л. 17–18.

²⁶ НА РК. Ф. 165. Оп. 2. Д. 4/19. Л. 15.

²⁷ Там же. Д. 4/24. Л. 19 – 19 об.

²⁸ Ушаков И. Ф. Кольский острог (1583–1854): военно-исторический очерк. Мурманск, 1960. С. 34.

²⁹ НА РК. Ф. 165. Оп. 2. Д. 4/24. Л. 22 об.

³⁰ Там же. Д. 4/19. Л. 12.

³¹ Там же. Оп. 1. Д. 3/46. Л. 95–95 об.

³² Там же. Л. 95 об.

³³ НА РК. Ф. 165. Оп. 2. Д. 5/40, 6/58.

³⁴ Там же. Оп. 1. Д. 3/46. Л. 40 об.; там же. Д. 4/92.

Список источников

1. Давыдова А. С. История храмо­строения на Кольском Севере в XV–XVII веках // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2013. № 5 (34). С. 216–221.
2. Федоров П. В. Православные кочевники среди ландшафтов Русской Лапландии (XIX–начало XX в.) // Святейший Синод в истории российской государственности: сб. мат-лов всерос. науч. конф. с междунар. участием. 2017. С. 432–449.
3. Казакова К. С. Переписка Кольского уездного училищного отделения по организации работы Кильдинской церковно-приходской школы (1892–1902) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2019. Т. 10, № 7 (17). С. 103–113.
4. Переписные книги Канда­лакшского Пречистенского монастыря и церкви Иоанна Предтечи села Канда­лакша XVIII века / подгот. текстов и исслед. С. А. Никонов, Л. В. Пушкина. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2019. 304 с.
5. Зайцев О. А. «Лопарские приходы» в церковно-приходской системе Кольского Севера в XIX — начале XX веков // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2018. Т. 9, № 11 (15). С. 154–166.
6. Хо­даковский Е. В. Деревянная церковная архитектура Русского Севера XIX — начала XX века. Летопись хра­мо­строительства. СПб.: Коло, 2020. 344 с.
7. Описи церковного имущества Кольского Печенгского монастыря и Воскресенского собора города Колы XVIII — середины XIX веков / сост. и авт. статей Д. А. Ермолаев, С. А. Никонов. Мурманск, 2013. 430 с.
8. Ко­жевникова Ю. Н. Монастыри и монашество Олонецкой епархии во второй половине XVIII — начале XX века. Петрозаводск: Издательство Спасо-Кижского Патриаршего Подворья, 2009. 304 с.
9. Федоров П. В. Православный словарь Кольского Севера. СПб.: Международный банковский институт, 2017. 232 с.

References

1. Davydova A. S. Istorija hramostroenija na Kol'skom Severe v XV–XVII vekah [The history of church building in the Kola North in the XV–XVII centuries]. *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Novye gumanitarnye issledovanija* [Scientific Notes of Orel State University], 2013, no. 5 (34), pp. 216–221. (In Russ.).
2. Fedorov P. V. Pravoslavnye kochevniki sredi landshaftov Russkoj Laplandii (XIX — nachalo XX v.) [Orthodox nomads among the landscapes of Russian Lapland]. *Svjatejsnij Sinod v istorii rossijskoj gosudarstvennosti: sbornik materialov vsrossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem* [The Holy Synod

in the history of the Russian Statehood. Collection of materials of the Russian National Scientific Conference with the international participation], 2017, pp. 432–449. (In Russ.).

3. Kazakova K. S. *Perepiska Kol'skogo uezdnogo uchilishhenogo otdelenija po organizacii raboty Kil'dinskoj cerkovno-prihodskoj shkoly (1892–1902)* [Correspondence of the Kola regional school department on the organization of the Kildin church parish school (1892–1902)]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo centra RAN. Gumanitarnye issledovanija* [Transactions of the Kola Science Centre. Humanitarian Studies], 2019, vol. 10, no. 7 (17), pp. 103–113. (In Russ.).
4. *Perepisnye knigi Kandalakshskogo Prechistenskogo monastyrja i cerkvi Ioanna Predtechy sela Kandalaksha XVIII veka* [Census books of the Kandalaksha Prechistensky Monastery and the church of John the Baptist of the village of Kandalaksha of the XVIII century]. Moscow, Saint Petersburg, Al'jans-Arheo, 2019, 304 p. (In Russ.).
5. Zajcev O. A. “Loparskie prihody” v cerkovno-prihodskoj sisteme Kol'skogo Severa v XIX — nachale XX vekov [“The Lappish parishes” in the church-parish system of the Kola North in the XIX — the beginning of the XX centuries]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo centra RAN. Gumanitarnye issledovanija* [Transactions of the Kola Science Centre. Humanitarian Studies], 2018, vol. 9, no. 11 (15), pp. 154–166. (In Russ.).
6. Hodakovskij E. V. *Derevjannaja cerkovnaja arhitektura Russkogo Severa XIX — nachala XX veka. Letopis' hramostroitel'stva* [Wooden church architecture of the Russian North of the XIX — early XX century. Chronicle of church building]. Saint Petersburg, Kolo, 2020, 344 p. (In Russ.).
7. *Opisi cerkovnogo imushhestva Kol'skogo Pechengskogo monastyrja i Voskresenskogo sobora goroda Koly XVIII — serediny XIX vekov* [Inventories of church property of the Kola Pechensky Monastery and the Resurrection Cathedral of the city of Kola of the XVIII — middle of XIX centuries]. Murmansk, 2013, 430 p. (In Russ.).
8. Kozhevnikova Ju. N. *Monastyri i monashestvo Oloneckoj eparhii vo vtoroj polovine XVIII — nachale XX veka* [Monasteries and monasticism of Olonets eparchy in the second half of XVIII — early XX century]. Petrozavodsk, Izdatel'stvo Spaso-Kizhskogo Patriarshego Podvor'ja, 2009, 304 p. (In Russ.).
9. Fedorov P. V. *Pravoslavnyj slovar' Kol'skogo Severa* [Orthodox Dictionary of the Kola North]. Saint Petersburg, Mezhdunarodnyj bankovskij institut, 2017, 232 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Ю. Н. Кожевникова — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник.

Information about the author

Ju. N. Kozhevnikova — PhD (History), Leading Research Fellow.

Статья поступила в редакцию 15.03.2022; одобрена после рецензирования 01.04.2022; принята к публикации 19.04.2022.

The article was submitted 15.03.2022; approved after reviewing 01.04.2022; accepted for publication 19.04.2022.

Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 22. 2022. Т. 13, № 2. С. 120–129.
Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Humanitarian Studies. Series 22. 2022. Vol. 13, no. 2. P. 120–129.

Научная статья
УДК 177, 316.3
doi:10.37614/2307-5252.2022.2.13.22.009

**ОБЩЕСТВО КОЛЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО РАЗВИТИЯ В ОПИСАНИИ
В. И. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО (ПО КНИГЕ «СТРАНА ХОЛОДА:
ВИДЕННОЕ И СЛЫШАННОЕ», 1876)**

Святослав Вячеславович Шачин

*Мурманский арктический государственный университет, Мурманск, Россия,
s_shachin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3959-5585>*

Аннотация

В статье на основе текста В. И. Немировича-Данченко анализируется повседневная жизнь общества Колы в начале 1870-х гг. с целью объяснения причин относительной отсталости в сравнении с соседними обществами Скандинавии, а также понимания скрытых резервов для развития. При реализации данной цели последовательно рассматриваются хозяйственные и социальные основания, а также менталитет кольского общества. При этом посредством герменевтического диалога извлекается скрытая информация из текста, не очевидная самому автору. Она позволяет понять, в чём выражалась свободолобивость колян, их солидарность, где таились силы, которые могли быть задействованы в условиях социокультурных перемен, приведших к заселению Русского Севера в XX в. В результате может быть выработана определённая интенция сознания, которая позволит распознавать большие потенциальные возможности для развития в настоящем.

Ключевые слова:

хозяйство, повседневность, культура, возможности развития, солидарность

Благодарности:

автор выражает благодарность А. И. Малышкиной за знакомство с книгой В. И. Немировича-Данченко, которая была ей лично подарена выдающимся мурманским писателем В. С. Масловым.

Для цитирования: Шачин С. В. Общество Колы и перспективы его развития в описании В. И. Немировича-Данченко (по книге «Страна холода: виденное и слышанное», 1876) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 22. 2022. Т. 13, № 2. С. 120–129. doi:10.37614/2307-5252.2022.2.13.22.009

Original article

**THE KOLA SOCIETY AND PROSPECTS FOR ITS DEVELOPMENT
IN THE DESCRIPTION OF V. I. NEMIROVICH-DANCHENKO
(BASED ON THE BOOK “THE LAND OF COLD: SEEN AND HEARD”, 1876)**

Svyatoslav V. Shachin

*Murmansk Arctic State University, Murmansk, Russia, s_shachin@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3959-5585>*

Abstract

Based on the text by V. I. Nemirovich-Danchenko, the article analyzes the daily life of the Kola society in the early 70s of the XIX century in order to explain the reasons for relative backwardness in comparison with neighboring societies of Scandinavia, as well as understanding the hidden reserves for development. When implementing this goal, the economic and social foundations, as well as the mentality of the Kola society, are consistently considered. At the same time, through hermeneutical dialogue, hidden information is extracted from the text that is not obvious to the author himself. It allows us to understand what the freedom-loving nature of the Kolyans, their solidarity was expressed in. This allows us to understand where the forces that could be involved in the conditions of socio-cultural changes that led to the settlement of the Russian North in the twentieth century were hidden. As a result, a certain intention of consciousness can be developed, which will allow recognizing great potential opportunities for development in the present.

© Шачин С. В., 2022

Keywords:

economy, everyday life, culture, development opportunities, solidarity

Acknowledgments:

the author expresses gratitude to A. I. Malyshkina for acquaintance with the book by V. I. Nemirovich-Danchenko, which was personally presented to her by the outstanding Murmansk writer V. S. Maslov.

For citation: Shachin S. V. The Kola society and prospects for its development in the description of V. I. Nemirovich-Danchenko (based on the book "The Land of Cold: Seen and Heard", 1876) // Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Humanitarian Studies. Series 22. 2022. Vol. 13, no. 2. P. 120–129. doi:10.37614/2307-5252.2022.2.13.22.009

Введение

Изучение прошлых эпох в истории родного края не просто знакомит нас с жизненным миром наших предков, но ещё и помогает лучше познать современность, понять, почему мы живём так, а не иначе. Город Кола как центр освоения нашего края был родиной замечательных людей, о которых мало известно именно в силу их скромности, а не потому, что они были недостойными внимания. В Колу приезжали выдающиеся личности и описали свои путешествия, благодаря чему у нас есть возможность представить себе жизнь наших предков, увидеть сильные стороны их характера и стать подлинными патриотами. Мы будем хорошо знать родной край и на основе этого его любить.

Патриотизм, как правило, основывается на глубоком знании духовных основ соответствующего общества, а их можно постигнуть, если внимательно изучить повседневность и проследить связи современной жизни с прошлой. Нельзя сводить духовную жизнь исключительно к деятельности творческих личностей, но сам творец может пониматься как человек с повышенной сенситивностью, то есть как тот, кто обнаружит и выразит подлинные основы коллективного менталитета (он «сможет выговорить слово, рвущееся с языка миллионов», как писал В. Виндельбанд). Но сам творец может не понимать, как его слово отзовется, и потому в постижении искомым духовных основ общества большая роль отводится интерпретатору. Он может увидеть скрытые смысловые связи, которые мог просмотреть сам творец, и именно на их основе реализовать свой замысел — попробовать приобщиться к духовным основам общества. В случае успеха опыт интерпретатора, который будет соотнесён с опытом творца, может быть донесён до общества, что и содействует повышению осознания обществом самого себя, а отсюда и возникнет подлинный патриотизм — через приобщение живущего ныне общества к своим духовным корням. Таковы стратегические цели нашего исследования, у истоков которых должно стоять слово творческого человека из прошлого, сопричастного к духовному опыту Кольской земли и выразившего этот опыт в своих произведениях.

Именно таким человеком был Василий Иванович Немирович-Данченко (1848–1936) — писатель, старший брат известного театрального режиссера Владимира Ивановича Немировича-Данченко. Сейчас читатели заново открывают его творчество¹. Он написал более 140 книг (по поводу его необычайной плодовитости сам М. Е. Салтыков-Щедрин шутил, что «когда Немирович спит, Данченко работает»²). На Кольский полуостров писатель приезжал в 1873 г. По итогам путешествия вышли книги «Страна холода: виденное и слышанное» (1876) [1] и «Лапландия и лапландцы» (1877) [2].

Здесь мы проанализируем книгу «Страна холода» [1], чтобы реконструировать жизнь общества Колы в начале 1870-х гг. Попытаемся найти причины отсталости кольского общества, а также оценить, какие скрытые возможности для развития таились в нём. Мы будем пользоваться методом

научной критики исторического источника, под которым понимаем извлечение скрытой информации, которая была не очевидна самому автору, с целью определения резервов для развития кольского общества. Наши выводы при этом могут отличаться от тех, которые сделал сам автор. В ходе формулирования выводов будем использовать методологию герменевтической интерпретации и диалектики. Тем самым мы сможем видеть искомую амбивалентность описываемой реальности, то есть не только негативную сторону, которая бросается в глаза, особенно при первом знакомстве и сопоставлении Колы и Норвегии, но и те позитивные аспекты, на основе которых можно заключить об огромных потенциальных возможностях. В результате мы сможем сформировать определённую настроенность сознания на поиск таких возможностей и в настоящем.

Обзор источника и исследовательской литературы

Книга «Страна холода» представляет собой собрание путевых заметок автора, в которых он описывал свои впечатления от путешествия, рассказывал о встречах с людьми, иногда рассуждал по поводу увиденного. Мы извлекаем из этих заметок важные исторические факты для самостоятельных обобщений.

Из книги читатель узнает, что путешественник сначала обогнул Кольский полуостров на пассажирском пароходе (с одним заходом в Колу), а затем вернулся в Колу из Норвегии, некоторое время пожил и предпринял поход по реке Коле, озеру Имандра и далее по реке Ниве до Кандалакши (его подвозили на своих судах и оленях саамы). В Коле он был два раза: в июне 1873 г., когда писатель плывал из Колы к верховьям Туломы, и в августе того же года — на обратном пути из Северной Норвегии. Описанию жизни Колы посвящена глава «По бездорожью: поездка в Лапландию и Северную Норвегию» [1 : 253–338]. Здесь мы последовательно проанализируем раздел 1 «Вверх по реке Туломе» [1 : 253–268] про первое путешествие в Колу и плавание по Туломе и разделы 5, 6 и 7 («Возвращение в Колу» [1 : 324–331], «Общественные нравы в Коле» [1 : 331–338] и «Последние дни в Коле» [1 : 338–351]) — они посвящены второму путешествию писателя в Колу.

Также мы будем привлекать знаменитую краеведческую работу И. Ф. Ушакова [3] и статьи современных историков: С. А. Никонова и А. В. Воронина [4], а также А. В. Шпилова [5]. Эти работы позволяют лучше понять и оценить исторические факты, изложенные в книге В. И. Немировича-Данченко.

К сожалению, текст В. И. Немировича-Данченко, несмотря на сравнительную осведомлённость гуманитариев-североведов о нём, почти не был предметом серьёзного исследовательского анализа, за исключением нескольких случаев. Имеются в виду исследования О. Бодровой [6 : 35, 67] и её совместные исследования с И. А. Разумовой [7 : 130–132]. Они были посвящены проблемам взаимоотношений русских и саамов в их изображении автором, а также мировоззрению саамов как носителей северных преданий. Другой исследователь — автор данной статьи — попытался интерпретировать собранные В. И. Немировичем-Данченко саамские предания с позиции философии Севера и показал, почему они могут быть выразителями подлинного северного духа [8 : 127–131]. В данной статье особое внимание обращено именно на русское общество Колы, повседневность которого реконструируется на основе материала, изложенного в указанной книге. Это позволит понять, почему кольское общество было именно таким, а не иным, что таилось за видимой убогостью и неприглядностью кольской жизни и каковы были скрытые резервы для развития Севера в ту эпоху. В этом аспекте текст В. И. Немировича-Данченко ещё не анализировался, в чем и состоит научная новизна статьи.

Первое путешествие В. И. Немировича-Данченко: от Колы вверх по течению Туломы

Сначала молодой писатель был принят почтмейстером, жена которого в молодости была «первая промышленница (то есть рыбачка. — С. Ш.)» [1 : 256], однако в связи с отсутствием постоянного занятия и вольготной жизнью превратилась в «гору жира и мяса», причём, как замечает писатель, «такие экземпляры среди колянок не редкость» [1 : 256]. Подобного рода физические особенности обуславливаются распространённой среди колян привычкой употреблять вместо масла тресковую массу [1 : 256]. Это свидетельствует об относительном благополучии части жителей Колы, но при отсутствии разнообразия в питании такая пищевая практика приводила к тяжёлым болезням.

В обществе почтмейстера находились англичане — ни много ни мало как депутаты парламента, которые на лето приезжали «ловить сёмгу в русской Лапландии» [1 : 257]. Объяснились они с местными жителями знаками, присутствовали на балах местной аристократии, проводимых под аккомпанемент единственного музыкального инструмента — гармони, и постоянно щегольски одевались (во фраки и жилеты), к большому недоумению местных жителей [1 : 257]. Отсюда становится понятным, что Кольская земля с давних времён обладала высокой туристической привлекательностью для западной аристократии. В дальнейшем писатель повествует о том, что местом лова была река Паз (нынешний заповедник «Пасвик»), причём депутаты английского парламента платили местным саамам 250 рублей за сезон, а те вносили этими деньгами подати в казну [1 : 329]. Следовательно, интерес представителей западной общественной элиты к Кольскому полуострову (выражающийся в визитах в наш регион в летний период с рекреационными целями, которые стараются не афишировать) имеет давние исторические корни.

Во время путешествия В. И. Немировича-Данченко на плоту в верховья реки Туломы ему рассказали лопари, что они занимаются заготовкой леса и сплавлением его вниз, в Колу. Эта работа опасная, так как на Туломе встречаются большие пороги (сейчас на их месте построена Нижнетуломская ГЭС, судя по описанию из книги). Далее коляне покупали каждое бревно по 20 копеек, а затем перепродавали их в Норвегию по 3–4 рубля. Видно, что такие операции приносили местным торговцам баснословные прибыли. Но они имели оборотную сторону: «Наши переселенцы мурманские сами не могут купить леса у лопарей!» [1 : 267], а норвежцы продают им обработанные брёвна по гораздо большей цене. По этому факту можно видеть, что на Севере России в 1870-е гг. была распространена сырьевая экономика, а это приводило к неравноправному обмену с Западом. Что же касается самих работников лесной отрасли, то они, по подсчётам писателя, могли заработать 1 рубль 60 копеек за десять дней, причём работа велась в тяжелейших условиях [1 : 273]. А поскольку пуд муки стоил минимум два рубля, а максимум пять рублей [1 : 258], то становилось ясно, что такой труд позволял саамской семье только едва сводить концы с концами. И только торговцы хлебом могли разбогатеть за пять лет (что предполагало владение своей рыболовецкой шхуной, крепким домом в Коле и наличие дополнительного капитала) [1 : 259]. Перед нами пример архаичных экономических отношений, при которых не может быть найдена адекватная оценка человеческого труда. Архаичность отношений проявляется также в том, что именно торговля была источником быстрого накопления капиталов, которые затем вкладывались в морской лов, то есть не было разнообразия форм экономической деятельности.

Впрочем, в Коле имелись некоторые возможности и для достойной жизни на основе своего труда не за счёт торгово-посреднической деятельности. В верстах двадцати от Колы вверх по течению Туломы (в окрестностях современного

посёлка Тулома) были прекрасные покосы, на которых мужчина мог за день заработать один рубль, а женщина 50 копеек, причём им причитались также «обильные хозяйские харчи» [1 : 262]. Вторым примером является добыча жемчуга, причём несколько веков назад кольский жемчуг доходил до Москвы, а в семье северных крестьян от матери к дочери передавалось несколько ниток местного жемчуга [1 : 258]. И, наконец, сами коляне могли покупать бревна на туломских лесных заготовках по низким ценам. Это объясняется тем, что после разорения англичанами Колы во время Крымской войны в 1854 г. её жителей на долгое время освободили от податей [1 : 267]. То есть русское правительство при наличии политической воли может создать благоприятную среду для развития местной экономики, только делается это в экстремальных ситуациях, для преодоления народных бедствий.

Второе путешествие в Колу: подробное описание города и горожан

Второе пребывание В. И. Немировича-Данченко в Коле состоялось через несколько недель на обратном пути на пароходе из Северной Норвегии. Русские люди, возвращаясь из Европы, часто ощущают контраст, и таковы впечатления писателя от Колы: «Замелькали гнилые срубы заброшенной деревушки, ставшей городом»; «Посмотрите с берега — перед вами жалкие развалины»; «Верхний и нижний концы города особенно жалки. . . , это — скорее логовище зверя, чем жильё человека, это — усовершенствованная нора, да и только» [1 : 324]. При этом в соседней Норвегии «при одних и тех же экономических условиях и естественных богатствах края возникли людные и красиво отстроенные города, с театрами, школами, музеями. Там прекрасные лавки, суета и движение торговых центров, а у нас пустыня и пустыня мёртвая» [1 : 325]. Кола характеризуется как «город без мяса, без масла, без водки, без портных, без сапожников» [1 : 324]. В качестве вывода звучат печальные слова: «Здесь задохнётся человек со свежими силами или сопьётся с кругу» [1 : 326].

Наша задача — попробовать найти разгадку такого уровня развития кольского общества и понять, служит ли он выражением русского национального характера или же для этого имеются разумные объяснения, а также не таятся ли за этой неприглядной оболочкой возможности для изменения общественной жизни к лучшему.

Сначала мы понимаем, что во времена путешествия В. И. Немировича-Данченко Лапландия была местом бездорожья: сухопутный путь по Кольскому полуострову во многих местах представлял собой потоптанную тропу, что связывала друг с другом берега водоёмов, по которым грузы можно было перевозить только на лодках [1 : 348]. Торговый флот также отсутствовал, причём в Коле даже не было пристани (до шняк приходится добираться, перепрыгивая с камня на камень во время отлива [1 : 330]). Почему же колянам было не построить пристань и не заняться торговлей с Архангельском тем же продовольствием взамен на природные ресурсы края?

Разгадка заключается в том, что коляне жили почти исключительно ловлей рыбы в Северном Ледовитом океане, причём промышляли они её не только весной и осенью, как и все поморы, но и зимой, с ноября по февраль [1 : 336]. Дома житель Колы проводил не более трех месяцев, да и то наездами [3 : 368]. Что же выгоняло колян в море в неблагоприятных условиях? Опасность попасть в положение покрученников, то есть рыбаков, которые выходят в море ради того, чтобы расплатиться за долги, и отдают практически весь свой улов кредитору. Последний часто совмещал в одном лице торговца продуктами питания и владельца средств производства, что было распространено на Терском берегу Белого моря [3 : 367]. Положение покрученников настолько тяжёлое, что дряхлые старики из последних сил должны были работать в

море [3 : 386]. Они жили числом более тридцати человек в строениях площадью в 14–18 квадратных метров [3 : 384]. Впрочем, на берегу такие рыбаки успевали только обсушиться — во время массового подхода рыбы к берегам мурманскому промысловому люду не было отдыха ни днём ни ночью [3 : 386].

В отличие от них, в кольских рыбаках не было приниженности и подавленности, на работе они выглядели весёлыми и энергичными. В. И. Немирович-Данченко пишет: «Рабочие к хозяевам не относились подобострастно. Во взглядах их не было заискивания, спины не горбились от одного приближения мироеда, язык не осекался. Напротив, они сами обступали хозяев, подавали их руки и держали себя вообще на равной ноге с последними... Да и хозяева не покрикивали на них, а говорили вежливо, без пренебрежения» (цит. по: [3 : 367]). Колянин-бедняк, работая по найму, мог за сезон заработать около 60 рублей, пребывая на хозяйском довольствии [3 : 367]. Мы помним, что пуд муки стоил от 2 до 5 рублей, и это позволяло заработать от 12 до 30 пудов муки, которые и покроют потребности семьи помора. Отсюда можно заключить, что неприглядный вид Колы объясняется тем, что её жители проводят почти круглый год в море, и это позволяет им заработать на еду, но средств на постройку жилищ не остаётся. Тем же объясняется и неразвитость морской торговли: гораздо проще поставлять продукты питания прямо рыбакам в море, чем везти их предварительно в Колу: всё равно большую часть года город пустует, а женщины работают на промыслах вместе с мужчинами, причём с ранних лет в море ходят также и дети [1 : 326]. Сил у колян не хватает на то, чтобы обустроить свои жилища, однако они путём тяжёлого труда зарабатывают нечто более ценное — относительно высокое социальное положение, позволяющее добиваться того, чтобы хозяева северных промыслов с ними считались. А тут недалеко и до критического самостоятельного мышления, что позволяет видеть возможности для культурного развития края в те времена.

Если обратиться к описанию культуры колян, то В. И. Немирович-Данченко, обращая внимание на их песни, отмечает, что они подобны тоскливому вою, который странно слушать из уст женщин. В результате размышлений писатель приходит к выводу, что «колянка в своей песне хочет перекричать и грохот валов северного моря, и крики полярных птиц» [1 : 326]. Очевидно, такие песни были сложены в период промыслов, в том числе и зимних (со штормами), причём можно предположить, что они задавали коллективу определённое настроение, позволявшее превозмочь северную стихию, а также с их помощью, возможно, передавалась какая-то информация. Сами же колянки произвели своим видом на писателя очень хорошее впечатление: они были здоровы и красивы, «с раннего детства дышат воздухом океана и не знают темничной жизни наших городов» [1 : 334], также для них характерны высокий рост, развитая мускулатура и привлекательность. При этом, несмотря на довольно фривольные нравы, Кола не знала серьёзных венерических болезней [1 : 262], то есть нравственность находилась на высоком уровне.

Кольские женщины в отсутствие своих мужей во время промысла строили шняки [1 : 337]. Более того, писатель натолкнулся на какое-то женское сообщество, которое себя называло «размужичьё» и которое не давало себя в обиду [1 : 337–338]. Эти женщины были мастерицами на все руки: помимо строительства шняк, они также участвовали в сенокосах. Немирович-Данченко не задается вопросами происхождения и состава этого сообщества, можно лишь предположить, что оно складывалось либо из незамужних женщин, либо из вдов (ведь зимний промысел мужчин в море наверняка забирал множество жертв, и женщины сами должны были поднимать своих детей).

Поморская шняка, которую прекрасно строили коляне, отличалась от норвежской елы бóльшей устойчивостью во время бури, хотя и меньшей скоростью хода. Писатель отмечает также, что скорость строительства была во много раз больше (составляла 10–20 дней, причём большая часть этого времени уходила на осмолку, конопатку и осушку судна — норвежские же елы строились три месяца). Корабельные мастера поставляли за сезон до 50 шняк поморам и продавали каждую по цене от 50 до 80 рублей, причём для строительства судна было достаточно двух человек [1 : 337]. Таким образом, возникало разнообразие в экономической деятельности: доходы кораблестроителей уже становились сравнимыми с доходами промысловиков, а условия труда были несравненно лучше, и в этом состоит ещё один важный факт, доказывающий возможность скачка в хозяйственном развитии Колы в будущем.

У Немировича-Данченко есть еще несколько указаний на этот счет. В самом Кольском заливе в конце 1850-х гг. возродился акулий промысел, причем говорится о том, что из акулы добывается до пяти пудов жира по три рубля за пуд и продается в Норвегию до двух тысяч пудов [1 : 336]. Если учесть, что тем самым зарабатывалось до шести тысяч рублей при цене пуда муки 2–5 рублей, то можно подсчитать, что такой промысел давал колянам дохода, достаточного для питания 150 человек, поскольку нормой питания в XIX в. историки считают около восьми пудов хлеба в год на человека (здесь нами высчитана усреднённая цифра) [5]. Этот промысел в заливе вели простые коляне, богатые же судовладельцы предпочитали добывать акул по всему побережью Мурмана.

Также В. И. Немирович-Данченко указывает на богатство кольских ручьев жемчугом. К писателю зашел местный житель и предложил четырнадцать жемчужин правильной формы, слегка синеватых (а голубые оттенки жемчуга считаются признаком высшего качества — его в настоящее время могут позволить себе только очень богатые люди)³. Он сказал, что жемчуг добыт в ручье, впадающем в реку Тулому, и запросил за него четыре рубля в целом (писатель «подивился дешевизной местного жемчуга»), следовательно, дорогая коллекция продавалась по цене мешка муки [1 : 331]. Это было связано с тем, что отсутствовали покупатели, кроме норвежцев (можно предположить, что одним из источников богатства норвежских городов была последующая перепродажа жемчуга в Европу). Надлежащая организация этого промысла могла бы привести к серьёзному подъему экономики Колы (тем более что жемчуга много и за Святым Носом, на востоке Кольского полуострова).

Наконец, последнее важное указание у писателя касается изобилия лисиц, которых ловят местные подростки на окраинах города. «Местные лисьи меха прекрасны и очень дорого ценятся» [1 : 342]. В советские времена песцов в окрестностях Колы специально разводили, поэтому эта отрасль экономики также могла бы послужить источником доходов колян как в XIX в., так и в современную эпоху. Факты из истории позволяют найти ещё один возможный скрытый резерв для развития.

Писатель увидел еще одну перспективу Колы, когда он вместе с другими путешественниками из Норвегии поднялся на гору Соловарака, и они «онемели от изумления и восторга» (тем более что был тёплый летний день, редкий на Севере в августе). Один из участников восхождения, лорд Грагам, прибывший из Англии ловить семгу, сказал: «У нас бы летом всё это побережье застроилось коттеджами. Сажень земли сотни фунтов бы стоила» [1 : 328]. Это предсказание смогло осуществиться только в наше время, когда берега Туломы в окрестности Колы застраиваются коттеджами. Обществу потребовалось развиваться 140 лет для того, чтобы суметь использовать выгоду только географического расположения.

Применительно же к времени Немировича-Данченко можно удивиться прозорливости писателя-путешественника.

Заключение

Сделаем вывод. Несмотря на неприглядное положение Колы как деревни с покосившимися домами (в которой только богачи могли себе позволить пригодное для жизни жилье), а также на отсутствие многих условий для нормальной (с точки зрения как столичного писателя позапрошлого века, так и современного горожанина) жизни, глубокий анализ текста В. И. Немировича-Данченко позволяет увидеть несколько скрытых возможностей для развития Колы: красоту местности, богатство природными ресурсами (лес, рыба, жемчуг, пушнина), высокий уровень культуры населения в области традиционных для поморов занятий (летних и зимних промыслов, технологий строительства судов, которые более устойчивы к бурям, чем норвежские). Колянин больше времени проводил в море, чем на суше, и потому все силы своей души обращал на покорение природной стихии, а не на достижение материального благополучия на берегу. Даже кольские песни выражали мотивы преодоления полярной бури и потому оказали пронзительное впечатление на писателя, который сравнивал их с песнями южнорусских крестьян. Возрождение Колы после Крымской войны в результате создания государством благоприятных экономических условий является подтверждением способности русского народа к созданию крепкого хозяйства, только стоит посетовать, что это делается преимущественно после испытанных народом бедствий. Колянин в рассматриваемый период благодаря напряжению всех своих сил добивался приемлемого социального положения. Именно коляне становились пайщиками, то есть совместными хозяевами средств производства, способными в складчину купить судно (шняку) и орудия лова, а после окончания улова распределявшими добычу в соответствии как с вкладом в общее дело, так и с той долей, которую каждый из них вносил в приобретение средств производства (об этом см.: [4 : 11–12]). Развитие Колы могло бы ускориться по мере всё большего распространения этой более передовой формы организации экономической жизни, так как она давала каждому высокую заинтересованность в результатах его труда. Со временем на этой основе могло бы зародиться крепкое гражданское общество. Впрочем, другим условием для этого было строительство Мурманской железной дороги, которое осуществилось спустя почти полвека после путешествия Немировича-Данченко. При всем том современные жители Кольского района могут увидеть благодаря писателю многие достоинства предков-земляков: способность выстаивать в суровых природных и социальных условиях, свободолюбие, способность к совместному труду. Богатство природных условий и красота местности позволяли тогда надеяться на хорошие перспективы для развития нашего края.

Примечания

¹ См. об этом: Данченко Елена. Мой прапрадед Василий Иванович Немирович-Данченко. URL: <https://reading-hall.ru/publication.php?id=20086> (дата обращения: 07.12.2021).

² См.: Эрлихман В. (кандидат исторических наук). Режиссер на театре военных действий: Василий Немирович-Данченко, старший брат режиссера художественного театра, снискал славу короля фронтовых репортеров. URL: <https://rg.ru/2017/05/10/rodina-vasilij-nemirovich-danchenko.html> (дата обращения: 07.12.2021).

³ Синий и голубой жемчуг. URL: <https://kamenis.com/zhemchug/sinij-i-goluboj-zhemchug/> (дата обращения: 07.12.2021).

Список источников

1. Немирович-Данченко В. И. Страна холода: виденное и слышанное. СПб.; М.: Изд. книгопродавца типографа М. О. Вольфа, 1877. С. 253–351. URL: https://www.kolamap.ru/library/1877_nemirovich-danchenko.html (дата обращения: 07.12.2021).
2. Немирович-Данченко В. И. Лапландия и лапландцы: Публ. лекции, чит. в 1875 г. в С.-Петерб. пед. музее. 2-е изд. СПб.: тип. В. А. Тушнова, 1877. 228 с.
3. Ушаков И. Ф. Кольская земля. Мурманск: Мурманское книжное издательство, 1972. 673 с.
4. Никонов С. А., Воронин А. В. Артель и покрут мурманского промысла в оценках отечественных исследователей второй половины XIX — начала XX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета 2016. № 71 (160). С. 7–12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/artel-i-pokrut-murmanskogo-promysla-v-otsenkahtechestvennyh-issledovateley-vtoroy-poloviny-xix-nachala-xx-veka/viewer> (дата обращения: 07.12.2021).
5. Шипилов А. В. Русская культура питания в первой половине XVIII века // Вопросы истории. 2003. № 3. С. 146–152. URL: <http://Annales.info/rus/small/pitanie.htm> (дата обращения: 07.12.2021).
6. Бодрова О. А. В поисках отражения: саамы Кольского Севера в русской этнографической литературе второй половины XIX — начала XX вв. Апатиты: Изд-во Кол. науч. центра РАН, 2014. 168 с.
7. Бодрова О. А., Разумова И. А. Локализация устных нарративов саамского фольклора на территории Кольского полуострова (к вопросу о географическом принципе составления указателя саамских фольклорных сюжетов) // Труды КНЦ РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 8. 2015. № 7. С. 126–142.
8. Шачин С. В. К вопросу об арктической идентичности: анализ истории Севера и его современности с позиции диалектической методологии // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2019. № 6. С. 121–131. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.6.121

References

1. Nemirovich-Danchenko V. I. *Stranaholoda: vidennoye i slishannoye* [The land of cold: seen and heard]. Saint Petersburg, Moscow, Publishing house of the bookseller typographer M. O. Wolf, 1877, pp. 253–351. (In Russ.). Available at: https://www.kolamap.ru/library/1877_nemirovich-danchenko.html (accessed 07.12.2021).
2. Nemirovich-Danchenko V. I. *Laplandiya i laplandcy: Publichnye lekciï, chitannye v 1875 g. v Sankt-Peterburgskom pedagogicheskom muzee* [Lapland and the Laplanders: Public lectures given in 1875 at the Saint Petersburg Pedagogical Museum]. Saint Petersburg, 1877, 228 p. (In Russ.).
3. Ushakov I. F. *Kol'skaya zemlya* [The Kola land]. Murmansk, Murmansk Book Publishing House, 1972, 673 p. (In Russ.).
4. Nikonov S. A., Voronin A. V. *Artel' i pokrut murmanskogo promysla v ozenkah otechestvennykh issledovatelej vtoroj polovini XIX — nachala XX veka* [The artel and the twist of the Murmansk fishery in the assessments of domestic researchers of the second half of the XIX — early XX century]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes of Petrozavodsk State University], 2016,

- no. 71 (160), pp. 7–12. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/artel-i-pokrut-murmanskogo-promysla-v-otsenkah-otechestvennyh-issledovateley-vtoroy-pолоviny-xix-nachala-xx-veka/viewer> (accessed 07.12.2021).
5. Shipilov A. V. *Russkaya kul'tura pitaniya v pervoj polovine XVIII veka* [Russian food culture in the first half of the XVIII century]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 2003, no. 3, pp. 146–152. (In Russ.). Available at: <http://annales.info/rus/small/pitanie.htm> (accessed 07.12.2021).
  6. Bodrowa O. A. *V poiskah otrazhenija: saami Kol'skogo Severa v russkoj etnograficheskoj literature vtoroj poloviny XIX — nachala XX vekov* [In search of reflection: the Sami of the Kola North in the Russian ethnographic literature of the second half of the XIX — early XX centuries]. Apatity, Publishing House of the Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2014, 168 p. (In Russ.).
  7. Bodrowa O. A., Razumova I. A. *Lokalisaziya ustnih narrativov saamskogo volklora na territorii Kol'skogo poluostrova* [Localization of oral narratives of Sami folklore on the territory of the Kola Peninsula (on the question of the geographical principle of compiling an index of Sami folklore plots)]. *Trudy KNC RAN. Gumanitarnye issledovaniya* [Proceedings of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences. Humanitarian Studies], 2015, Issue 8, no. 7, pp. 126–142. (In Russ.).
  8. Shachin S. V. *K voprosu ob Arkticheskoj identichnosti: analiz istorii Severa i ego sovremennosti s pozicii dialekticheskogo metoda* [To the question of Arctic identity: an analysis of the history of the North and its modernity from the standpoint of dialectical methodology]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta, Gumanitarnye i social'nye nauki* [Bulletin of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences], 2019, no. 6, pp. 121–131. (In Russ.). DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.6.121

Информация об авторе

С. В. Шачин — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социальных наук.

Information about the author

S. V. Shachin — PhD (Philosophy), Associate Professor, Department of Philosophy and Social Sciences.

Статья поступила в редакцию 19.03.2022; одобрена после рецензирования 07.04.2022; принята к публикации 19.04.2022.

The article was submitted 19.03.2022; approved after reviewing 07.04.2022; accepted for publication 19.04.2022.

Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 22. 2022. Т. 13, № 2. С. 130–141.
Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Humanitarian Studies. Series 22. 2022. Vol. 13, no. 2. P. 130–141.

АРХЕОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 902.3"953"(470.21)
doi:10.37614/2307-5252.2022.2.13.22.010

ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОЕ СМОЛОКУРЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО НА ОЗЕРЕ ВЕРХНЕЕ КУЙТО. К ВОПРОСУ О «ЛОПАРСКИХ ДРЕВНОСТЯХ» В ЗАПАДНОМ ПРИБЕЛОМОРЬЕ

Марк Михайлович Шахнович

*Центр гуманитарных проблем Баренц региона Федерального
исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии
наук», Апатиты, Россия, marksuk62@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0771-675X>*

Аннотация

В 2008 г. на озере Верхнее Куйто, на острове Лиетесуари, около села Вокнаволок в Северной Карелии, проводились археологические раскопки «лопской ямы», описанной финским этнографом в конце XIX в. Объект интерпретирован как место по производству смолы, существовавшее с конца XV по XVIII вв. Рассматриваются две темы: проблематика «лопарского вопроса» для территории Западного Беломорья и специфика изготовления смолы в крестьянских хозяйствах этого региона.

Ключевые слова:

Восточная Фенноскандия, Западное Прибеломорье, Вокнаволок, Средневековье, лопь, производство смолы

Благодарности:

работа выполнена при поддержке федерального бюджета по теме государственного задания Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра Российской академии наук № FMEZ-2022-0028. Выражаю признательность за помощь в полевой работе Ю. Кожевниковой, Э. Суоминену, В. Горшкову.

Для цитирования: Шахнович М. М. Позднесредневековое смолокурненное производство на озере Верхнее Куйто. К вопросу о «лопарских древностях» в Западном Прибеломорье // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 22. 2022. Т. 13, № 2. С. 130–141. doi:10.37614/2307-5252.2022.2.13.22.010

ARCHEOLOGY

Original article

LATE MEDIEVAL TAR PRODUCTION ON THE LAKE VERKHNEE KUITO. ON THE QUESTION OF “LOPAR ANTIQUITIES” IN THE WESTERN WHITE SEA REGION

Mark M. Shakhnovitch

*Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy
of Sciences, Apatity, Russia, marksuk62@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0771-675X>*

Abstract

In 2008, archaeological excavations of the “Lopar pit”, described by a Finnish ethnographer at the end of the XIX century, were carried out on Lake Verkhnee Kuito on the island of Lietesuari near the village of Voknavolok in North Karelia. The object is interpreted as a place for the production of tar, which existed from the end of the XV to the XVIII centuries. Two topics are considered: the problems of the “Lopar question” for the territory of the Western White Sea and the specifics of tar production in the farms of this region.

© Шахнович М. М., 2022

Keywords:

Eastern Fennoscandia, the Western White Sea, Voknavolok, the Middle Ages, Lapps, tar extraction

Acknowledgments:

the article was supported by the federal budget to carry out the state task of the Federal Research Centre "Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences" No. 0226-2019-0066. The author expresses his sincere gratitude to Yu. Kozhevnikova, E. Suominen, V. Gorshkov.

For citation: Shakhnovitch M. M. Late medieval tar production on the Lake Verkhnee Kuito.

On the question of "Lopar antiquities" in the Western White Sea region // Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Humanitarian Studies. Series 22. 2022. Vol. 13, no. 2. P. 130–141. doi:10.37614/2307-5252.2022.2.13.22.010

С XIX в. и до наших дней земляные стационарные находки в лесах Северной Финляндии и Северной Карелии историки и этнографы, следуя в русле многовековой народной традиции, описывают как следы деятельности легендарной «лопи», которая в региональной историографии отождествляется с саамским этносом. Список «лопарских древностей» значителен: «лапландские могилы», «лопарские ямы», «лопские печица», «лопарские руины», «оленьи могилы» и т. д. Сегодня можно утверждать, что такая односторонняя трактовка спорна и требует дополнительного обоснования. Письменные свидетельства историко-географического характера, касающиеся региона Беломорья и Восточной Лапландии, — это единичные упоминания и лаконичные описания, встречающиеся в древнерусских документах и скандинавской эпической литературе. Культурная интерпретация «имеющих древний вид» исторических объектов в Восточной Фенноскандии с их помощью невозможна. Только благодаря археологическим изысканиям можно получить качественно новую информацию по «лопарской» истории этого региона в период Средневековья [1].

В данной работе речь пойдет о двух разных, но увязанных на одном археологическом объекте темах: о «лопском вопросе», столь важном для Средневековья Западного Прибеломорья, и о проблематике крестьянских промыслов, в частности производства смолы.

По письменным документам XVI–XVIII вв. несколько «лопарских станов» находилось на крупнейшем водоёме Северной Карелии — Куйто-озере (современный Калевальский район Республики Карелия). Для получения новых сведений о «лопских» памятниках в Беломорской Карелии археологическая экспедиция Карельского государственного краеведческого музея и антропологический отряд МАЭ РАН в 2008 г. проводили комплексные разведочные работы в западной части озера Верхнее Куйто (Калевальский и Костомукшский районы Республики Карелия), около старинного карельского села Вокнаволоок (Вуоккиниemi).

История археологических работ в селе Вокнаволоок

Первые опубликованные археологические предметы из окрестностей села Вокнаволоок были приобретены у местных крестьян в конце XIX в. финляндским этнографом Л. В. Пяаккёненым¹. В 1918 и 1921 гг. в Национальный музей Финляндии от М. Ремшуева поступили несколько каменных артефактов [2 : 60]. Московский археолог А. Я. Брюсов в общей сводке археологических находок и памятников, известных в Карелии к 1930-м гг., описывает небольшую коллекцию из Вокнаволока (сланцевые орудия (два топора и тесло) и фрагменты неолитической керамики), переданную в начале XX в. в Олонецкий губернский

музей известным фотографом Карлом Иогансоном [3 : 216]. Целенаправленные археологические работы около села начались только в 1990-е гг.: в 1993 г. А. М. Жульников зафиксировал на распаханых участках в границах населённого пункта семь частично разрушенных памятников эпохи неолита — бронзового века (Вокнаволок I–VII), а в 2008 и 2019 гг. М. М. Шахнович нашел стоянки Вокнаволок VIII и IX.

Местом основного изучения в 2008 г. стал остров Лиетесуари в 1,5 км к северо-востоку от села. Он полностью песчаный, порос крупным сосняком, с запада на восток его пересекает каменистый оз. В его западной части в 1993 г. А. М. Жульников открыл два поселения периода раннего металла — Лиетесуари I и II. В научном отчете он упоминает еще четыре «древние», хорошей сохранности впадины овальной и подквадратной формы (размерами от 3,5 × 2,5 до 4 × 5 м) и одну «современную», находящиеся на гребне оза, рядом с поселением Лиетесуари II. При осмотре местности в 2007 г. в западной части острова М. М. Шахнович выявил ещё одну систему из семи ям, расположенных цепочкой параллельно краю берегового обрыва с юга на север.

Более ста лет назад эту группу впадин посетил финляндский этнограф С. Ювелиус. В ходе своего путешествия по Беломорской Карелии он тщательно фиксировал информацию обо всех сообщаемых ему местными жителями древностях этого края. В основном учёный описывает крупные шлифованные орудия из сланца эпохи неолита, которые крестьяне-карелы находили при земледельческих работах и считали «долотами и топорами Укко», обладающими магической силой. По возможности он старался лично осматривать и «лопарские» кладки, и ямы. «На острове Лиетесуари есть большая группа оленьих ям лопарского времени. Большинство овальные. Длиной 4–5 локтей, шириной — 2–4 локтя, глубиной — 1,2–1,4 локтя. Они расположены на идущей вдоль южного берега гряде, по обе стороны проходящей по ней пешеходной дороге. У подножия гряды есть ещё одна крупная яма, имеющая форму перевёрнутого конуса, диаметром 7 локтей, глубиной 2,5 локтя. Помимо оленьих ям обнаружил на склоне гряды четырехугольную яму, которая имеет форму лопарской ямы, используемой для жилища. Её размеры 7–8 локтей, квадратная, глубиной 2,5 локтя»².

Сегодня накоплен значительный опыт полевой работы с «лопарскими впадинами», и можно утверждать, что их назначение может быть самым различным: места хранения продуктов (ледники), остатки углубленных жилищ, охотничьи ловушки на крупных животных и т. п. Проведение археологических изысканий позволит получить конкретные ответы на вопросы датирования и функции этих объектов. Опираясь на информацию об исследованиях коллегами подобных памятников в Северной Финляндии (в провинции Кайнуу), можно предположить, что находящиеся на озе три неглубокие ямы округлой и овальной формы — это охотничьи ямы-ловушки, а две глубокие впадины подчетырёхугольной конфигурации с большим содержанием углей в грунте связаны с угольным производством.

Кратко отметим, что ловчие ямы как одна из форм пассивной охоты использовались в промысловом хозяйстве жителей всей лесной зоны Северной Евразии в огромный временной период — с эпохи мезолита до этнографической современности [4 : 181–183]. На северных территориях Финляндии и Швеции они многочисленны и активно раскапываются археологами

[5 : 119–123]. В Мурманской области они известны, но археологами не изучались. В Карелии раскопано только четыре памятника подобного типа [1 : 241]. Выяснились внешние признаки ям-ловушек: характерное расположение в рельефе цепочкой на удалении друг от друга на 30–60 м и наличие кругового выброса без прерывания на «вход».

Описание работ 2008 года

Объектом изучения в 2008 г. стала одна из впадин, описанная С. Ювелиусом как «имеющая форму перевёрнутого конуса». Предполагалось, что это сооружение относится к тем самым «лопарским» древностям, которые ранее никогда на территории Северной Карелии раскопками не исследовались. В 35 м к востоку от неё находится ещё одна подобная яма округлой в плане формы, с хорошо различимым валом выброса по окружности, с крутыми стенками размерами $2,8 \times 2,8 \times 1,4$ м (рис. 1).

Рис. 1. Остров Лиетесуари. «Лопарская яма» до начала раскопок

Раскопанная впадина располагается в 55 м к востоку от озера, на ровной песчаной террасе, поросшей редким средним сосняком. С севера к ней примыкает крутой склон западного отрога оза, на востоке начинается плавный спуск к болотистой низине. В современном состоянии сооружение в плане подквадратной формы, с размерами по внешнему контуру (с валом) 7×6 м, по внутреннему — $3,5 \times 2$ м. Яма окружена по периметру хорошо различимым валом выброса, приподнятым над дневной поверхностью на 0,2–0,25 м, шириной до 1,5 м. Вал создан преднамеренно, как часть конструкции для увеличения глубины ямы, которая составляет 0,8 м ниже современной дневной поверхности. Стенки сооружения сохранили крутизну, и степень их осыпания незначительна. Раскоп площадью 33 кв. м ($6 \times 5,5$ м) полностью включил в себя саму впадину и валик выброса по её периметру. Грунт — мелкозернистый (рис. 2).

Рис. 2. Остров Лиетесуари. «Лопарская яма». Материк

Сразу под дерном, в центре впадины, неожиданно проступили кости животного — целый костяк, лежавший в анатомическом порядке. Кости, располагающиеся выше, были перемешаны с древесным тленом и крупными кусками обугленного дерева, но в целом скелет сохранял общее анатомическое единство. Он был преднамеренно присыпан небольшим слоем песка. По «свежей» степени сохранности костных и тканевых органических останков в сочленениях можно предположить, что останки имеют относительно «молодой» возраст. В Институте биологии КарНЦ РАН кости определены как принадлежащие скелету лошади (рис. 3).

Рис. 3. Остров Лиетесуари. «Лопарская яма». Череп лошади

По краям ямы сохранились остатки деревянных плах, обугленные куски стволов деревьев (толщиной до 5 см) и тонкие ветки со следами рубки. Также фрагменты истлевшего дерева темно-коричневого цвета лежали параллельно друг к другу как поверх слоя костей, так и под ним. Вероятно, животное погибло, проломив некое перекрытие и упав в яму³.

Верхний край ямы в ее северо-западной части был укреплен нерегулярной обкладкой из небольших окатанных камней (до 0,15 м), принесённых, скорее всего, с осыпи ближайшего обрыва. Часть их со временем сползла вниз и находилась на дне. Среди них найдена перфорированная сланцевая плитка (10,2 × 19 × 2,5 см) со следами оббивки по краю и двусторонним отверстием в центре, происходящая, вероятно, из культурного слоя стоянки Лиетесуари II.

В первоначальном виде яма имела прямоугольную форму и размеры 3 × 2 м. Её глубина от верхнего уровня вала составляла 1,35 м, от естественного уровня почвы — 1,25 м. Наброс в западной части сооружения более значительный (до 0,4 м), чем в восточной — 0,1 м. Слой наброса — темно-желтый с прокаленностью и углями песок (0,05–0,25 м) — перекрывал по периметру ямы погребённый дерн, под которым находился прокалённый подзол темно-серого цвета и ниже темно-желтый песок. На самом дне сохранился невыбранный, плотный слой древесного угля, мощностью до 0,2 м. Материк — крупнозернистый песок желтого цвета, скрепленный окислами железа (ортзанд) (рис. 4).

Рис. 4. Остров Лиетесуари. «Лопарская яма». Стратиграфия валика

По крупным фрагментам угля со дна ямы в изотопной лаборатории РГПУ им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург) получена радиоуглеродная дата 270 ± 50 л. н. (SPb-4). Её калиброванное значение позволило определить относительный период функционирования объекта — с 1470 по 1690 г. н. э. (ca 1580 ± 110 н. э.).

Реконструкция объекта

Не вызывает сомнений производственный характер раскопанного сооружения — здесь происходила термическая переработка древесины. Принцип технологии смолокурения и получения древесного угля сходны: при сильном нагревании без доступа воздуха дерево обугливается, а смола вытапливается и стекает вниз. При этом для получения смолы необходима более высокая температура, чем для изготовления древесного угля. В процессе возникает большой объем сопутствующей массы золы и крупных углей.

По ряду признаков — воронкообразная форма ямы, использование мелкого, наколотого древесного материала и его вертикальная укладка («стойком»), слой невыбранного полностью угля на дне ямы — можно утверждать, что данное сооружение использовалось для сухой выгонки смолы. В процессе углежжения в качестве сырья применялась более крупная древесина (брёвна, плахи, пни), уложенные штабелем, который перекрывался дерном или песком чаще всего без создания ямы. Технология смолокурения предполагает отвод наружу продуктов перегонки (смолы, скипидара) по подземным желобам (в этом случае конструкция делалась на краю обрыва) или в емкость на дне ямы, что не удалось проследить в процессе раскопок⁴.

Радиоуглеродная дата, планиграфические и стратиграфические наблюдения позволяют наметить два этапа в истории исследуемого объекта. Первоначально для получения смолы была создана прямоугольная в плане яма (глубиной до 0,7 м), которая функционировала с конца XV в. по конец XVII в. Затем, после длительного перерыва, в конце XVIII в., её углубили до 1,35 м и уже использовали для производства древесного угля. Об этом свидетельствует мощный слой темно-желтого с прокаленностью и углями песка (до 0,3 м), перекрывающий погребённый дерн по периметру вала. Возможно, сооружение применялось в последующее время и для других целей. Практика применения одной ямы для различных задач часто подтверждается в процессе раскопок [1 : 241 ; 5 : 124].

Остров Лиетесуари неслучайно избран как место для производства угля и смолы. Из ближайших к деревне Вокнаволок островов он имеет лёгкий для создания котлованов грунт — чистый, без камней песок. Кроме того, работа с огнем на острове должна была локализовать негативные последствия при возможных пожарах.

Пять ям на острове можно отнести к «угольным». Процесс термической переработки древесины подразумевал их многоразовое и разносезонное использование. Считается, что на старом месте выгонки, покрытом угольным мусором, производительность значительно увеличивается. Объем ям незначительный — около 8 кв. м. Экспериментально установлено, что простые по конструкции крестьянские смоловарни были вполне продуктивны и удовлетворяли потребностям отдельного хозяйства: при объеме ямы в 4 кв. м за 5–7 суток непрерывной переработки получается около 100 л смолы [6 : 30]. Среди обугленной древесины в раскопанной яме отсутствовали различимые остатки пневого осмола (пни 10–15 лет), наиболее продуктивного для выработки смолы сухой перегонкой⁵. Вероятно, в нашем случае в качестве исходного материала использовался «смоляник» (просмолившаяся, лишенная коры «живое» дерево). От одного дерева брали только 3,5–4 м нижней части ствола подсоченной сосны⁶.

Таким образом, принадлежность исследованного сооружения к «лопарским древностям» не подтвердилась. Более убедительно предположение о его связи с хозяйственной деятельностью местных крестьян-карелов. Для истории этого региона важна дата, полученная из угля в яме. По фискальным документам карельские поселения в западных районах Беломорской Карелии отмечаются с середины XVI в. В региональной историографии существует мнение, что деревня Вокнаволок (Вуоккиниemi) основана около 1600 г. До работ 2008 г. идея о более раннем проживании карелов в районе системы озер Куйто (Куйтти) при отсутствии археологических находок была только гипотезой [7 : 413]. Исследования на острове Лиетесуари позволяют аргументировано говорить

о включении данной территории Западной Карелии в ареал оседлого расселения карельского этноса начиная с конца XV в. Полученные результаты ещё раз показывают, что память об истории и характере объектов, находящихся в ближней округе и прекративших своё существование более ста лет назад, у местного населения не сохраняется. Работы на острове Лиетесуари — это хороший пример того, что проблематика памятников «лопи», как подчеркивалось ранее, может быть решена только с помощью археологических изысканий.

Смоляное производство

Несмотря на то что «смоляные ямы» — многочисленный тип археологических памятников на территории Карелии, их изучение археологами стало проводиться совсем недавно, в последнее десятилетие. Причина в том, что производство смолы в Карелии и в соседней Финляндии активно и повсеместно осуществлялось ещё в первой четверти XX в., поэтому памятники этой сферы крестьянской деятельности воспринимались археологами как малоинтересная этнографическая данность. В XXI в. ужесточение законодательства Российской Федерации по сохранению объектов историко-культурного наследия дало возможность массово проводить раскопки угольных ям и куч в рамках охранных работ. В статье не ставилась задача подробно рассмотреть характер и особенности термической переработки древесины в Карелии⁷. Остановимся на ее основных моментах.

До 1864 г. в Южной и Центральной Карелии древесный уголь выжигался в огромных количествах для нужд железоделательных заводов Олонецкого края. В последующее время поле сбыта сузилось в основном до потребностей ближайшей округи. В Беломорской Карелии смолокурение и углежжение как отдельные отрасли в небольшом объеме существовали среди крестьянских промыслов в XIX–XX вв. Например, по данным губернского статистического комитета, в западных карельских волостях огромного Кемского уезда Архангельской губернии в 1872 г. насчитывалось 43 смолокура. В период распутицы при выжигании угля, золы и выгонке («сидке») смолы и дегтя они пользовались традиционными способами: в присыпанных землей ямах, иногда с выложенными камнями стенками; в штабелях при открытом доступе воздуха⁸. Выгонка смолы невысокого качества (с примесью подсмольной воды), как и выплавка железа из болотной руды, в удалённых местах Карелии проводилась в основном для потребностей крестьянских хозяйств. Простые «ямные» конструкции смолокурен просуществовали здесь до середины XX в.

Сходный тип углежогных объектов бытовал и у других финно-угорских народов. Например, по описанию У. Сирелиуса, коми-зыряне делали смоляные ямы небольшой глубины — 0,5–1 м. Их дно и уложенные горизонтально поленья накрывались кусками еловой коры. Все сооружение сверху засыпалось землей с оставлением двух входов для поджигания⁹.

В соседних районах Северной Финляндии уже во второй половине XIX в. из-за растущего спроса химической промышленности мирового рынка «ямная выкурка» смолы была модернизирована в печное производство [8]. В финской этнографической литературе есть подробная информация о способах выгонки смолы в крестьянских хозяйствах в разных районах Финляндии в XIX в., что позволяет наметить некоторые региональные отличия.

В Финской Карелии курение смоляной ямы проводилось до и после Иванова дня под руководством опытного смолокура. Обычно процесс

переработки одной «партии» занимал около недели. Для того чтобы избежать смешивания смолы с песком, стенки ямы обмазывались глиной или обкладывались еловой корой или берестой. Поверх поленьев укладывался слой свежего мха или коры и толстый слой земли, дерна или торфа¹⁰. Т. Итконен, описывая производство смолы в Финской Лапландии, отмечает, что ямы сооружались на пологом склоне около водоема: чем меньше наклон, тем более качественным получался конечный продукт, который по воронке из еловой коры стекал в бочонок, установленный в углублении внизу ямы. Точно таким же способом осуществлялась и выгонка дегтя [9 ; 10 : 497–499].

В прибрежных районах Восточной Ботнии смолокурение было более модернизированным. Например, в 2007 г. в районе города Тампере вскрыты два сооружения, отнесенные к типу длинных ям по добыче смолы. Длинные ямы в Тампере состояли из двух котлованов округлой формы, соединенных желобом, с размещенной в нем под наклоном выдолбленной деревянной трубой. В одной яме производилась термическая переработка древесины, вторая служила резервуаром для сбора смолы. Дно обмазывалось глиной. Радиоуглеродное датирование позволило отнести время их существования к периоду 1720–1820 гг. [11 : 58]. Объекты данного типа, в отличие от круглых ям, имеют вытянутую форму, значительную длину (3–10 м) и встречаются преимущественно в Центральной и Восточной Финляндии, а также в зоне расселения финского населения в Западном и Северном Приладожье.

Выводы

Работы около деревни Вокнаволок наглядно демонстрируют, что «лопские» памятники Карелии — все еще абстрактный исторический термин, без фактологического наполнения.

Этнокультурная ситуация на обширной территории Восточной Фенноскандии не может восприниматься в рамках традиционного историографического стереотипа «новгородцы-карелы и саамы-лопь». Даже на основании существующего скромного блока письменных источников и археологических материалов можно говорить о ситуации этнической мозаичности заселения этих районов локальными группами «лопарского племени» и сторонними корельскими, двинскими, финскими и северонорвежскими торгово-промышленными коллективами. В настоящее время проблематика этнического состава средневекового населения Восточной Лапландии и Карельского Беломорья начинает разрабатываться, идет поиск приоритетных направлений для полевой работы и определение основных дискуссионных вопросов.

Примечания

¹ См.: Pääkkönen L. V. Kesämmtkoja Venäjän Karjalassa sekä hajanaisia Karjalan Kansan nykyisyydestä ja entisyydestä // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja. 1898. XVIII. Helsinki. P. 128; Huurre M. Vuokkiniemen seudun esihistoria // Tupenkolahuttajien mailla. Vuokkiniemi esihistoriasta toiseen maailmansotaan. Jyväskylä, 2006. P. 25.

² См.: Juvelius S. W. Muistoja Pohjoisen venäjän Karjalan Muinaisuudesta // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja. 1889. X. Helsinki. P. 46.

³ Скорее всего, это санитарное захоронение, но в контексте проблемы можно вспомнить и непонятное средневековое «погребение» лошади в Хиукка

около Рованиеми. См.: Jarva E., Niskanen M. and Paavola K. Anatomy of A Late Iron Age Inhumation Burial of Hiukka at Nivankylä (Rovaniemish, Finnish Lapland) // *Fennoscandia Archaeologica*. 2001. XVIII. P. 27–49.

⁴ Редкие археологические раскопки подобных сооружений XIV–XVI вв. также фиксируют их небольшую глубину (0,5–0,7 м) и прямоугольную в плане форму. См.: Третьяков В. П. Ямы углежогов XIV–XVI вв. в Верхнем Поднепровье // *Краткие сообщения Института археологии*. 1973. № 135. С. 117–118; Суворов А. В. Новые археологические исследования объектов углежогного промысла в Вологодской и Архангельской областях // *Русский Север: вариативность развития в контексте исторического и социально-философского осмысления*. Вологда: Археология Севера, 2008. С. 62, 65; Супренков А. А. Охранные археологические раскопки у д. Высоково Междуреченского района Вологодской области // *Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья*. Вып. 8. Тверь: ИТК Парето-Принт, 2015. С. 251–257.

⁵ Из четырех-десяти пней получается один кубометр осмола. См.: Комшилов Н. Ф., Пилипчук О. И. Пневый осмол Карело-Финской ССР // *Известия Карело-Финского Филиала АН СССР*. № 3. Петрозаводск: Гос. изд-во КФ ССР, 1951. С. 47.

⁶ Овчинников Н. Смолокурение в условиях Карело-Мурманского края // *Карело-Мурманский край*. 1929. № 3. С. 23.

⁷ На Кольском полуострове система угольных ям автором встречена пока только около города Кандалакши, в местечке Питкуль. Радиоуглеродное определение угля одной из ям позволило датировать их второй половиной XV в. (372 ± 25 BP SPb 1834).

⁸ Благовещенский И. И., Гарязин Л. А. Кустарная промышленность в Олонецкой губернии. Петрозаводск: Губернская типография, 1895. С. 110, 115; Кустарные промыслы и ремесленные заработки крестьян Олонецкой губернии. Петрозаводск: Губернская типография, 1905. С. 45–46; Промыслы крестьян Каргопольского уезда Олонецкой губернии. Вып. 1. Петрозаводск: Северная скоропечатня Р. Г. Кац, 1902. С. 2–4.

⁹ Sirelius U. T. Suomen kansanomaista kulttuuria. Esineellisen kansatieteen tuloksia. 1989. II. Helsinki. P. 58.

¹⁰ См. Merva T. Miesten teknikkaa. Kansatieteellisiä muistiainoja ilomansin itäkylistä // *Kansatieteellinen arkisto*. 1939. III. P. 235–259; Конка А. П., Логинов К. К. Материальная культура, семейная и календарная обрядность // *Истории и культура Сямозерья*. Петрозаводск: ПетрГУ, 2008. С. 242.

Список сокращений

КарНЦ РАН — Карельский научный центр Российской академии наук

МАЭ РАН — Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого Российской академии наук

РГПУ — Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена

Список источников

1. Шахнович М. М. «Лопь» и «лопарские» памятники Северной и Западной Карелии // *Кольский сборник*. СПб.: Элексис Принт, 2007. С. 228–246.
2. Nordqvist K., Seitsonen O. Finnish Archaeological Activities in the Present-day Karelian Republic until 1944 // *Fennoscandia Archaeologica*. 2008. Vol. XXV. P. 27–60.

3. Брюсов А. Я. История древней Карелии // Труды ГИМ. 1940. Вып. IX. 320 с.
4. Косинская Л. Л. О некоторых параллелях в археологии севера Западной Сибири и северо-запада Европы: ловчие ямы каменного века // Взаимодействие и хронология культур мезолита и неолита Восточной Европы. СПб.: ИИМК РАН / МАЭ РАН, 2009. С. 181–183.
5. Суоминен Э. Ловчие ямы в свете данных по провинции Кайнуу в Финляндии // Вестник Карельского краеведческого музея. 2002. Вып. 4. С. 114–133.
6. Неймарк М. Л. Опыт получения смолы традиционным способом в смолокурной яме // Соловецкое море. 2005. Вып. 4. С. 29–31.
7. Таавитсаинен Ю.-П. Находка лыж из Ухтуа — к истории раннесредневекового расселения в Беломорской Карелии // Диалог культур и народов средневековой Европы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 411–415.
8. Kauppila R., Suihko A. Tervan tie. Kajaani, 1987. 179 p.
9. Itkonen T. I. Muinaisen tervahaudan kaivaus Sulkavalla // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja. 1934. 40. P. 244–249.
10. Itkonen T. I. Suomen lappalaiset. Vuoteen 1945. 1984. T. 1. Helsinki. 615 p.
11. Poutiainen H. Kipinäaita ja rännihauta — Kaksi historiallisen ajan muinaisjäännöstyypä Pirkanmaalta // Pirkan maan alta. 2008. Vol. 9. P. 53–63.

References

1. Shakhnovitch M. M. “Lop” i “loparskie” pamyatniki Severnoj i Zapadnoj Karelii [“Lop” and “Lopar” monuments of Northern and Western Karelia]. *Kol'skij sbornik* [Kola Collection]. Saint Petersburg, Eleksis Print, 2007, pp. 228–246. (In Russ.).
2. Nordqvist K., Seitsonen O. Finnish Archaeological Activities in the Present-day Karelian Republic until 1944. *Fennoscandia Archaeologica*, 2008, vol. XXV, pp. 27–60.
3. Bryusov A. Ya. Istoriya drevnej Karelii [History of ancient Karelia]. *Trudy GIM* [Proceedings of the SHM], 1940, vol. IX, 1940, 320 p. (In Russ.).
4. Kosinskaya L. L. O nekotoryh parallelyah v arheologii severa Zapadnoj Sibiri i severo-zapada Evropy: lovchie yamy kamennogo veka [About some parallels in the archaeology of the North of Western Siberia and the North-West of Europe: Stone Age hunting pits]. *Vzaimodejstvie i hronologiya kul'tur mezolita i neolita Vostochnoj Evropy* [Interaction and chronology of Mesolithic and Neolithic cultures of Eastern Europe]. Saint Petersburg, ISMC RAS/MAE RAS, 2009, pp. 181–183. (In Russ.).
5. Suominen E. Lovchie yamy v svete dannyh po provincii Kajnuu v Finlyandii [Hunting pits in the light of data on the province of Kainuu in Finland]. *Vestnik Karel'skogo kraevedcheskogo muzeya* [Bulletin of Karelian Museum of Local History], 2002, vol. 4, pp. 114–133. (In Russ.).
6. Nejmark M. L. Opyt polucheniya smoly tradicionnym sposobom v smolokurennoj yame [The experience of obtaining resin in the traditional way in a smoldering pit]. *Soloveckoe more* [Solovetsky Sea], 2005, vol. 4, pp. 29–31. (In Russ.).
7. Taavitsajnen Yu.-P. Nahodka lyzh iz Uhtua — k istorii rannesrednevekovogo rasseleniya v Belomorskoj Karelii [Finding skis from Ukhtua — to the history of Early Medieval settlement in the White Sea Karelia]. *Dialog kul'tur i narodov srednevekovoj Evropy* [Dialogue of cultures and peoples of Medieval Europe]. Saint Petersburg, Dmitrij Bulanin, 2010, pp. 411–415. (In Russ.).
8. Kauppila R., Suihko A. Tervan tie. Kajaani, 1987, 179 p.
9. Itkonen T. I. Muinaisen tervahaudan kaivaus Sulkavalla. *Suomen Muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja*, 1934, vol. 40, pp. 244–249.

10. Itkonen T. I. Suomen lappalaiset. Vuoteen 1945, 1984, T. 1, Helsinki, 615 p.
11. Poutiainen H. Kipinäaita ja rännihauta — Kaksi historiallisen ajan muinaisjäännöstyypä Pirkanmaalta. *Pirkan maan alta*, 2008, vol. 9, pp. 53–63.

Информация об авторе

М. М. Шахнович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, исполняющий обязанности директора.

Information about the author

M. M. Shakhnovitch — PhD (History), Leading Researcher, Acting Director Fellow.

Статья поступила в редакцию 15.03.2022; одобрена после рецензирования 05.04.2022; принята к публикации 19.04.2022.

The article was submitted 15.03.2022; approved after reviewing 05.04.2022; accepted for publication 19.04.2022.

Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 22. 2022. Т. 13, № 2. С. 142–152.
Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Humanitarian Studies. Series 22. 2022. Vol. 13, no. 2. P. 142–152.

Научная статья
УДК 903.27
doi:10.37614/2307-5252.2022.2.13.22.011

«ОХОТА С ЛУКОМ НА ЛОСЯ»: КОМПОЗИЦИЯ ИЗ СКОПЛЕНИЯ «КАМЕННЫЙ 7», КАНОЗЕРО

Вадим Алексеевич Лихачев^{1, 2}

¹Университет Лапландии, Рованиеми, Финляндия, lihva@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-4770-6468>

²Музей-заповедник «Петроглифы Канозера», Умба, Россия

Аннотация

В данной работе анализируется сцена из группы «Каменный 7», комплекса петроглифов Канозера (Северо-Запад России). Это единственная на Канозере повествовательная композиция, которую можно назвать «Охота с луком на лося». Ранее она не выделялась и не анализировалась. В статье излагаются аргументы в пользу композиционной связи этой сцены с соседствующей крупной композицией «Охота на медведя». Также выявлено типологическое сходство анализируемой сцены с еще одной сценой охоты на лося из данного скопления. Фигура охоты с луком на лося сравнивается с подобными сценами из Альты (Норвегия) и Залавруги (Карелия, Российская Федерация).

Ключевые слова:

Канозеро, петроглифы, Фенноскандия, наскальное искусство, нарратив, охота, лучник, лось

Для цитирования: Лихачев В. А. «Охота с луком на лося»: композиция из скопления «Каменный 7», Канозеро // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 22. 2022. Т. 13, № 2. С. 142–152. doi:10.37614/2307-5252.2022.2.13.22.011

Original article

“BOW HUNTING FOR ELK”: COMPOSITION FROM KAMENNIY 7 PANEL OF THE KANOSERO PETROGLYPH COMPLEX

Vadim A. Likhachev^{1, 2}

¹University of Lapland, Rovaniemi, Finland, lihva@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-4770-6468>

²Museum-Reserve “Petroglyphs of Kanozero”, Uмба, Russia

Abstract

This paper analyzes a scene from the Kamenny 7 panel, the Kanozero petroglyph complex (North-West Russia). This is the only narrative composition on Kanozero that can be called “Elk Hunting with a Bow”. Previously, it was not distinguished and not analyzed. The article presents arguments in favor of the compositional connection of this scene with the neighboring large composition “Bear Hunting”. The typological similarity of the analyzed scene with another elk hunting scene from this cluster was also revealed. The figure of an elk hunt with a bow is compared with similar scenes from Alta (Norway) and Zalavruga (Karelia, Russia).

Keywords:

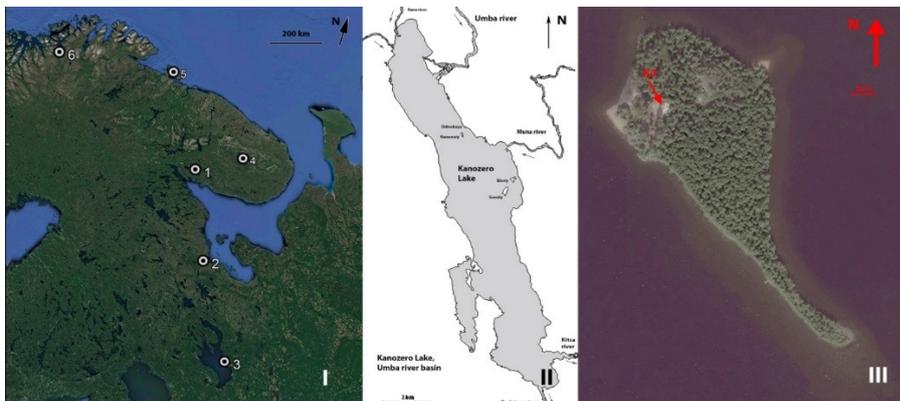
Kanozero, petroglyphs, Fennoscandia, rock art, narrative, hunting, archer, elk

For citation: Likhachev V. A. “Bow Hunting for Elk”: composition from Kamenny 7 panel of the Kanozero petroglyph complex // Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Humanitarian Studies. Series 22. 2022. Vol. 13, no. 2. P. 142–152. doi:10.37614/2307-5252.2022.2.13.22.011

© Лихачев В. А., 2022

Введение

Петроглифы Канозера, открытые в 1997 г., — это крупнейший комплекс наскальных рисунков на Кольском полуострове [1–3] (рис. 1). Самое крупное скопление — «Каменный 7» — было выявлено на острове Каменный в июне 1999 г. [3 : 66] (рис. 1, III) и, по данным автора статьи, насчитывает около 800 фигур. В последнее время некоторые изображения и композиции данной группы были уточнены с помощью методики фотограмметрии, позволившей зафиксировать ускользнувшие ранее детали изображений [4].

Рис. 1. I — места основных скоплений наскальных рисунков Восточной Фенноскандии (космоснимок HereWeGo): 1 — Канозеро, 2 — устье реки Выг (Залавруга, «Бесовы следки»), 3 — Онежское озеро, 4 — Чальмны-Варре, 5 — полуостров Рыбачий, 6 — Алта; II — карта Канозера; III — расположение группы «Каменный 7» на острове Каменный (космоснимок HereWeGo). Иллюстрация: В. Лихачев

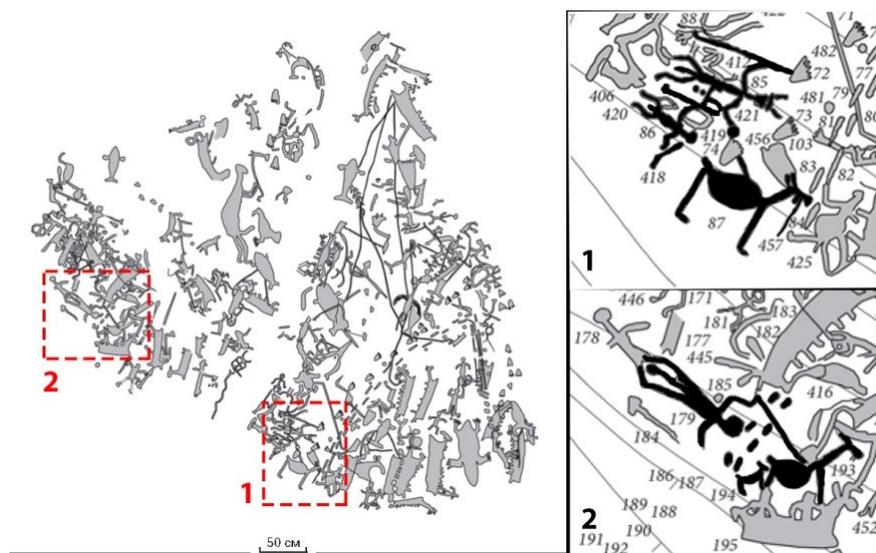
Документация и описание фигур композиции у других авторов

Изучаемая композиция относится к группе «Каменный 7» (рис. 2, 3). Фигуры, составляющие интересующую нас сцену, были выявлены Кольской археологической экспедицией в 2000 г. после обнажения дерна с группы «Каменный 7». Первоначально прорисовки петроглифов были опубликованы в электронном виде на сайте Кольской археологической экспедиции [5] в 2005 г. Затем они появляются в отдельных публикациях [1 ; 2 ; 6 : 94, Fig. 18 ; 7]. Автором статьи данные изображения были впервые зафиксированы на видео в 2001 г. (рис. 3, I).

В каталоге отдельно описывается изображение лося: «k7n87 зооморф в профиль, двуногий, с лосиной серьгой» [1 : 181] и пары охотников: «Пара с копьями (1). Два антропоморфа разного размера расположены вплотную друг к другу, у обоих в правой руке копьё. У обоих изображен фаллос. Маленькая фигура держит почти горизонтально в левой руке изогнутый продолговатый предмет, на голове большой фигуры «шапка» в виде горизонтальной и двух вертикальных линий над ней (k7n85, k7n86)» [1 : 317].

В публикации норвежского археолога Яна Магне Гьерде [7], работавшего в составе Кольской археологической экспедиции в 2005 г., имеется прорисовка данных фигур (рис. 4), которая отличается от прорисовки и описания в каталоге [1] двумя важными деталями: 1) отсутствует изображение изогнутого продолговатого предмета в руке у меньшего по размеру охотника; 2) на прорисовке обозначена стрела, торчащая из зады фигуры лося.

В опубликованных прорисовках композиция «Охота на медведя» не связывалась исследователями с фигурами охотников и лося [1: 325 ; 7 : 141, Fig. 70].

Рис. 2. Сегмент скопления петроглифов «Каменный 7». Красными квадратами выделены участки со сценами охоты на лося:

1 — композиция «Охота на лося с луком», фрагмент 1; 2 — композиция «Охота на лосиху с лосенком». Прорисовки взяты из каталога [1], черным выделены композиции

Рис. 3. Сцена «Охота на лося с луком»:

1 — фигуры после расчистки, слегка присыпанные порошком дерна для лучшей видимости (обратите внимание, что видна тетива лука — в руках у нижней фигуры охотника — и стрела — сзади в теле лося, детали, не отмеченные в документации Кольской археологической экспедиции), скриншот с видео 2001 г. из архива В. Лихачева; 2 — охотники, фрагмент композиции, 2006 г., фото: В. Лихачев; 3 — подкрашенное порошком дерна изображение охотников и оленя как часть композиции «Охота на медведя», 2005 г., фото: Г. Александров, подготовка фото: В. Лихачев, Г. Галеева и др., из архива Кольского центра охраны дикой природы

Рис. 4. Фрагмент прорисовки «Каменный 7» из [7 : Fig. 226]

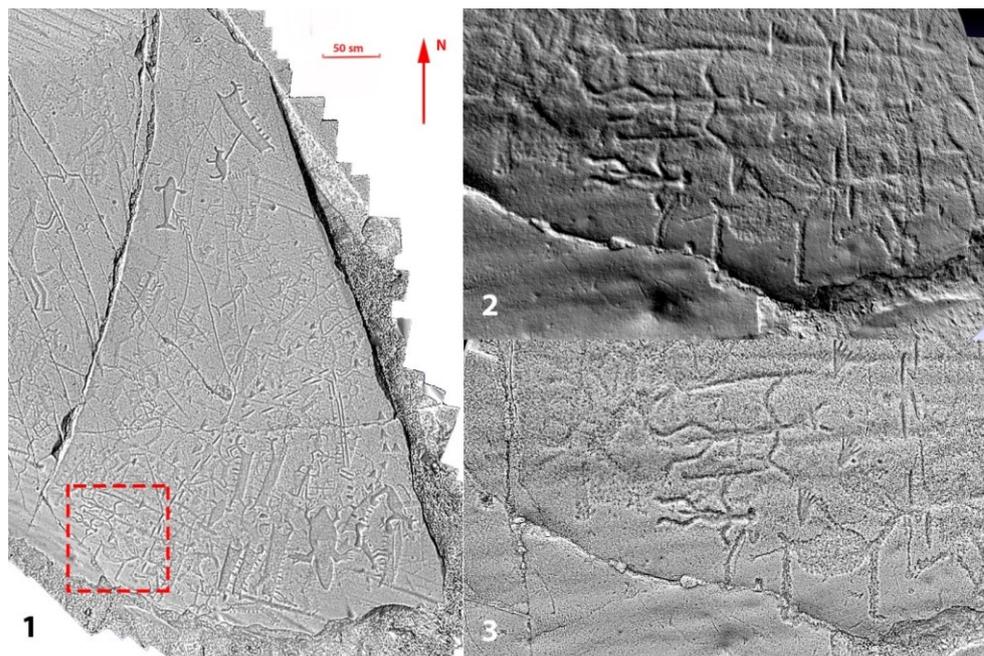
Описание сцены

В нашем анализе мы используем прорисовки и визуализации петроглифов на основе 3D-моделей (рис. 5, 6).

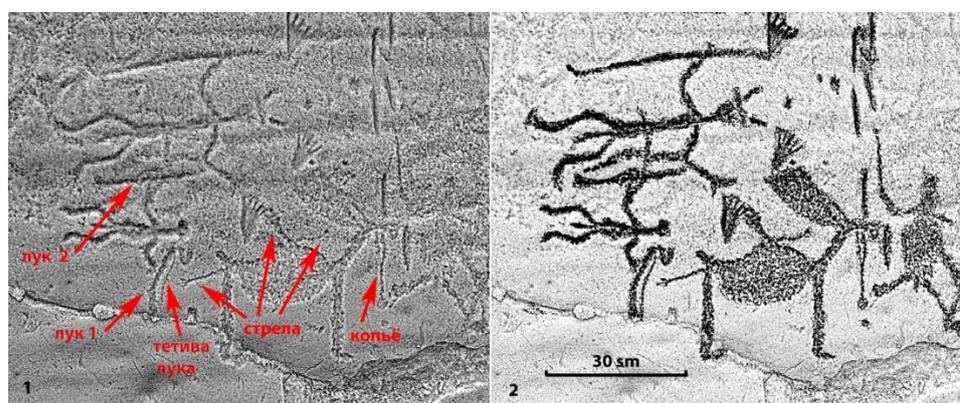
Данная композиция включает в себя несколько антропоморфных фигур (охотники) и одну зооморфную фигуру (лось). Фигуры объединены между собой орудиями охоты: копьём и луком, из которого выпущены стрелы в лося.

Лось. Фигура лося образует центр композиции. Длинные ноги, вытянутая шея, горбатая спина, длинные уши, «серьга» — эти детали формируют образ лося (весеннего, безрогого) или лосихи. Изображения копыт больше напоминают медвежьи лапы. Это, возможно, говорит о сочетании образа лося и медведя, поскольку от этой фигуры мы видим начало цепочки медвежьих следов. Такое изображение «ступней» у лосиных ног встречаются и на других изображениях лосей в данной группе «Каменный 7»: k7n296, k7n298, k7n304 [1]. По своим пропорциям, наличию «серьги», форме морды, форме и положению ушей голова лося / лосихи типологически близка изображениям некоторых лосиных голов, венчающих форштевень лодок, которые изображены в этой же группе петроглифов: k7n9, k7n89, k7n198, k7n218, k7n330, k7n525 [1]. Это, возможно, говорит о стилистической связи данных изображений.

Охотники. Наиболее выразительны два охотника (*Охотник 1* и *Охотник 2*), изображенные слева. Скорее всего, обе фигуры, в силу композиционного решения и техники выбивки, сделаны одной рукой и в одно время. Они расположены по линии простирающихся ледниковых шрамов параллельно основанию скалы, но перпендикулярно фигуре лося и направлению выбитых рядом следов медведя из композиции «Охота на медведя». Фигуры глубоко прорезаны и пришлифованы. Эта техника близка к той, в которой выбиты следы медведя и лыжника из композиции «Охота на медведя». Фигуры охотников выполнены en face. Их также объединяет схожая манера изображения ног, рук и шеи, общие пропорции тела, а также изображение фаллоса у обоих охотников. Фигуры отличаются размерами и предметами в руках. Справа от фигуры изображена еще одна антропоморфная фигура (*Охотник 3*), вовлеченная в композицию.

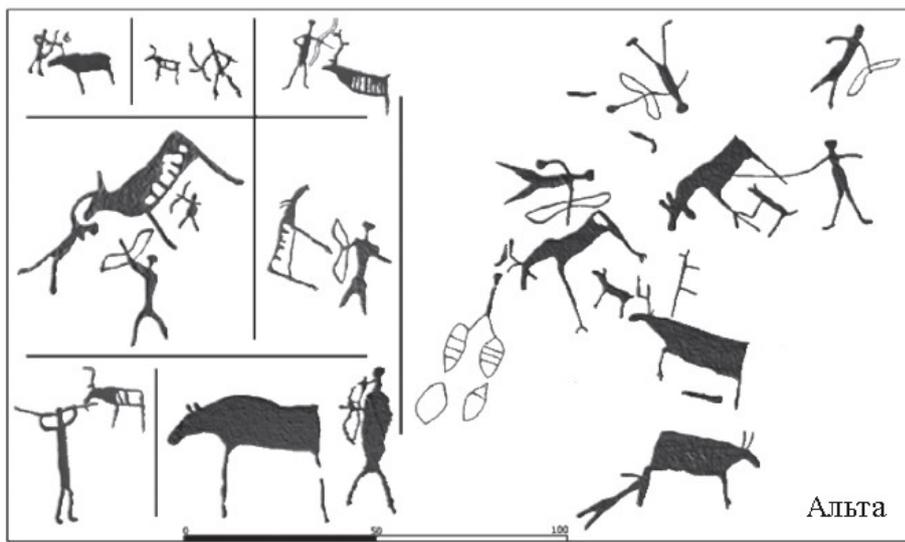
Рис. 5. Визуализация фрагмента группы «Каменный 7» по 3D-модели: 1 — сегмент группы «Каменный 7» (красным пунктиром показано местоположение интересующей нас композиции); 2 — 3D-визуализация участка с композицией с фильтром «подсветка»; 3 — 3D-визуализация с фильтром, подчеркивающим выбивки — «псевдопротирка». Обработка 3D и иллюстрация: В. Лихачев

Рис. 6. Сцена «Охота на лося»: 1 — 3D-визуализация с указанием орудий охотников; 2 — прорисовка по 3D-визуализации. Иллюстрация: В. Лихачев

Охотник 1. Высокий охотник изображен в «шапке с рогами», держит в правой руке копье. Его левая рука простирается в сторону медвежьего следа, который с другой стороны касается стрелы, поразившей лося в спину. Возможна иная трактовка: медвежий след перебивает изображение копья, которым охотник поражает лося в спину.

Охотник 2. Меньший ростом охотник изображен без головного убора и, согласно нашей трактовке, держит в обеих руках по луку. В левой руке — небольшой лук, из которого выпущена стрела. У лука тонкой выбивкой показана тетива, а ближе к голове охотника на конце лука изображена небольшая «подковка», возможно, это крючок, к которому цепляется тетива. В правой руке, по нашему мнению, охотник держит второй лук, размером практически с самого охотника. Он заряжен, стрела накладывается на корпус другого охотника. Согласно Колпакову и Шумкину, в правой руке у охотника копье [1]. На прорисовке у Гьерде [7] это орудие также похоже на копье. Данная фигура сходна с изображениями лучника на петроглифах Альты (рис. 7).

Рис. 7. Композиции охоты на лосей и оленей с лучниками. Альта, Норвегия. По [8], взято из [9]

Несмотря на то что фигуры охотников и фигура лося выполнены в разных техниках выбивки, мы видим, что эти фигуры связаны. Стрела из лука меньшего ростом охотника выпущена в зад лося. Другая стрела (или копье) торчит из его спины, еще один предмет, похожий на стрелу или копье, воткнут в морду животного. От головы лося влево вверх, частично совпадая с направлением ушей, изображено вытянутое подтреугольное пятно, которое можно трактовать как кровь от пораженной головы лося (уши лося накладываются на пятно). Выдвигалась трактовка данного пятна как медвежьего следа (высказывание Е. М. Колпакова на видеозаписи 2001 г.).

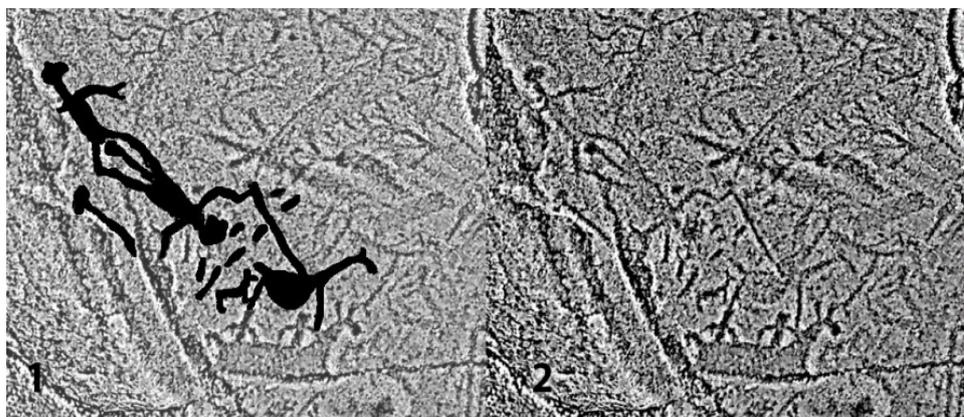
Охотник 3. Справа от лося мы также видим антропоморфную фигуру в фас с крупным туловищем. Правая рука держит продолговатый предмет (копье или дубинку), но данный предмет (выбивку) также можно трактовать как лыжный след (к7п82). В каталоге антропоморфная фигура описывается как «к7п425 антропоморф, с фаллосом (поврежден)» [1 : 237]. Возможно, этот охотник как раз и поразил лося в морду. По длине и технике выбивки фигура предмета, который он держит в руке, совпадает с тем, что торчит из морды лося. От данной фигуры с копьем идут следы лыж, что косвенно может свидетельствовать в пользу того, что *Охотник 3* и есть охотник, преследующий медведя в сцене «Охота на медведя».

Техника выбивки. Фигура лося выбита в сплошной крупноточечной технике. *Охотник 1* и *Охотник 2* сделаны в пришлифованной технике. Возможно, фигуры были вначале выбиты, но затем углублены протиранием и пришлифовкой. Возможно, эти фигуры неоднократно подновлялись в отличие от других. Лук, который держит в левой руке *Охотник 2*, выбит в точечной технике. Тетива лука представляет собой почти ювелирную работу (поэтому она ранее не была замечена) и также сделана в мелкой точечной выбивке. *Охотник 3* выбит в технике точечной выбивки. Данную фигуру перебивают другие: 1) около левой руки изображение лодки; 2) внизу на туловище и левую ногу накладывается еще одна антропоморфная фигурка. Интересная особенность — в верхней части изображения лося проходит тонкая трещина: по данной трещине сделана выбивка стрелы в задней части лося, также она проходит по задней части спины лося. С правой стороны по трещине, похоже, выбита еще одна стрела в спине лося.

Все три охотника (несмотря на разные техники их выбивки) связаны между собой как сценой охоты на лося, так и, вероятно, со сценой медвежьей охоты, с которой первые два охотника также сближаются по характеру техники выбивки. Возможно, сцена «Охота на лося» изображает первый этап — убийство лося для приманки. Охота на приманку вышедшего из берлоги медведя до сих пор является распространенным способом промысла [10 : 173]. После того как зверя выследили возле привады (убитого лося), действие развивается как преследование одним из охотников раненного зверя. Детальный анализ композиции «Охота на медведя» выходит за рамки данной статьи.

«Охота на лосиху с лосенком» — сходная композиция из того же скопления

В данном сегменте группы «Каменный 7» на расстоянии 1,5 м расположена композиция (рис. 2, 2, рис. 8), которая имеет определенное сходство с композицией «Охота на лося с луком», рассматриваемой в статье.

Рис. 8. Сцена охоты на лосиху с лосенком:
1 — прорисовка композиции по 3D- визуализации; 2 — 3D- визуализация без прорисовки.
Иллюстрация: В. Лихачев

Описание сцены. Охотник, расположенный сзади, поражает копьём лосиху. Сзади, в непосредственной близости к фигуре лосихи, изображена небольшая фигура — лосенок. Частью композиции, возможно, также является фигура лодки с лосиноголовым форштевнем и с пассажирами en face, которая перебивает копыта лосихи.

Параллели с композицией «Охота на лося с луком» (рис. 2, 1):

1. Фигура лосихи имеет сходные размеры и пропорции (характерная вытянутая шея) с фигурой лося / лосихи из композиции «Охота с луком на лося».

2. Охотник поражает лосиху в спину копьем сходным образом с *Охотником 1* на композиции «Охота с луком на лося», где копье также может трактоваться как стрела. Правда, копье, поражающее лосиху, охотник держит в правой руке. В левой руке, по-видимому, он держит другое копье с кружком на конце — для опоры по типу лыжной палки. Подобная опора у копья и лука имеет этнографические параллели, в частности, у сибирских охотников [11]. Изображение копья в левой руке разрушено в верхней части трещиной.

3. Фигура охотника изображена перпендикулярно фигуре лосихи. Охотник изображен в фас, у него показан фаллос.

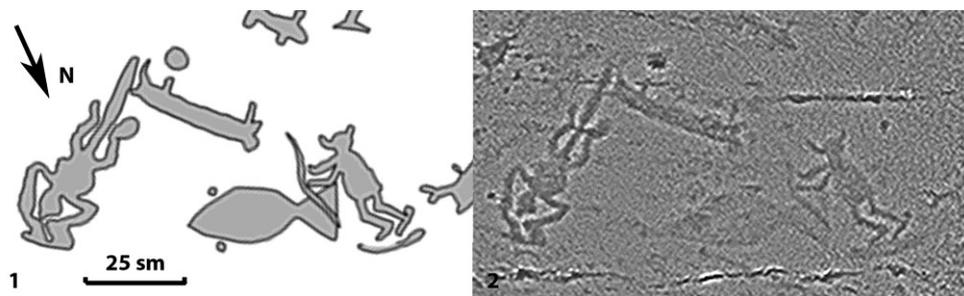
4. В композиции присутствует цепочка следов от задней части фигуры лосихи.

Любопытным представляется следующий момент. Хотя данная композиция не выделяется как сцена охоты на лося в каталоге [1], в то же время данная фигура охотника (к7п179) и расположенная рядом другая антропоморфная фигура (к7п179) выделяются в композицию «Любовь» (в смысле, соитие) [1 : 320]. Возможно, мы видим сцену, в которой охотник одновременно занимается любовью и поражает копьем лосиху. Семантический разбор данной сцены — часть отдельного исследования, посвященного отражению в петроглифах Канозера мотивов плодородия и их связи с мотивами охоты.

Изображение лучника в группе «Еловый 1»

Ранее считалось, что на Канозере имеется лишь одно изображение лучника в группе «Еловый 1» (рис. 9): «e1n19 антропоморф в профиль, голова с рожками, две ноги с большими ступнями, перед вытянутыми вперед руками выбита изогнутая линия, напоминающая лук, под ногами короткая изогнутая линия» [1 : 73]; «На возможном изображении лука (e1n19) необходимо остановиться подробнее. Дело в том, что это единственное изображение на Канозере, которое может претендовать на то, чтобы называться луком. Оно представляет собой выгнутую линию, сужающуюся к обоим концам, которые слегка загнуты вперед. Таким образом, эта фигура соответствует профилю сложносоставного лука, и к тому же, находится в положении для стрельбы в руках антропоморфного персонажа» [1 : 299].

Изображение лучника из группы «Еловый 1» выбито в ином стиле, чем лучник из группы «Каменный 7». Это профильная фигура, но при этом у лучника показаны обе ноги, и он изображен, по-видимому, на лыжах. Фигура накладывается на изображение рыбы (рис. 9).

Рис. 9. Фигура лыжника. Скопление «Еловый 1»:

1 — согласно каталогу [1]; 2 — изображение на визуализации на основе 3D-модели.

Иллюстрация: В. Лихачев

Аналоги в других комплексах Фенноскандии

Нарративные композиции с лучниками на петроглифах «охотничьей традиции» в Северной Фенноскандии широко представлены в Альте (Норвегия) (рис. 1, I, 6) и Залавруге (Карелия) (рис. 1, I, 2).

Альта. Композиции с лучниками, атакующими оленей и лосей, встречаются в Альте [8 ; 12] (рис. 7). Сходства: фигуры также изображены en face, лучники также иногда выступают в паре с охотником с копьем, имеются изображения как заряженного лука, так и с выпущенной стрелой.

Залавруга. В Залавруге встречается несколько изображений лучников, вовлеченных в охоту на зверя [13]. В знаменитой сцене из четвертой группы Новой Залавруги лучники настигают лосиху с двумя лосятами (рис. 10). Лось поражает стрелами, лосиху один из лучников поражает копьем. С канозерской сценой эту сцену роднит стиль изображения стрелы, а также способ поражения лося стрелами (копьем в спину, стрелой в зад), использование копья вместе с луком. В другой сцене из этой же группы охотник, поразив медвежонка из лука, бросает его (лук небольшого размера, как и канозерский) и добивает зверя копьем (рис. 11, 2), как и в рассмотренной нами канозерской сцене. На соседней композиции медведь также поражается из лука и добывается копьем (рис. 11, 3). В отличие от канозерской сцены охотники-лучники, изображенные в Новой Залавруге, показаны в профиль, но также имеют головные уборы, и в некоторых случаях у них показан фаллос. Копья и луки в некоторых случаях имеют кружок для опоры в снег.

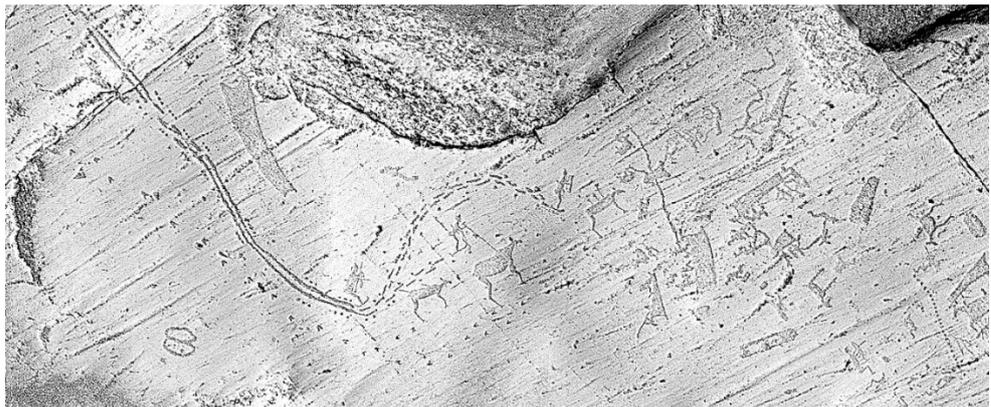

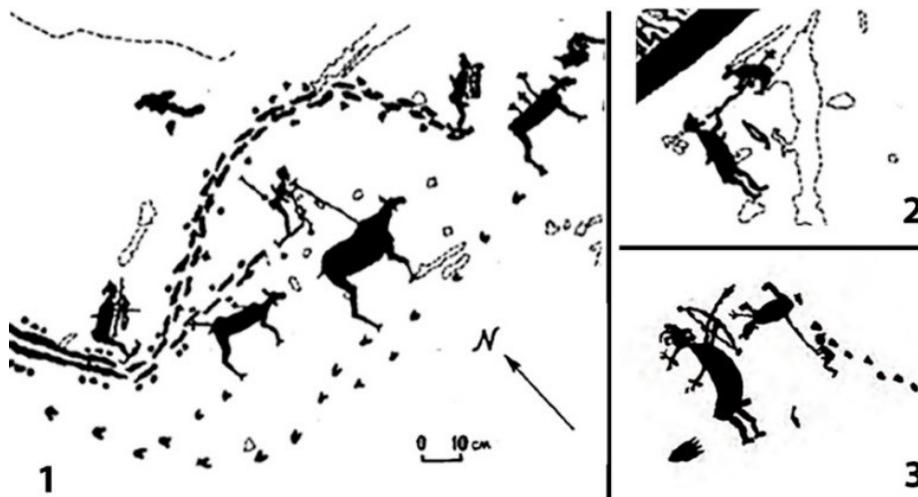
Рис. 10. Охота на лосей. Новая Залавруга IV. Визуализация на основе 3D-модели: В. Лихачев

Некоторые выводы

Описываемая композиция примечательна изображением охоты с луком. Лучник предположительно держит два лука. Это единственное изображение лучника на острове Каменный, второе — на Канозере. Фигура лука меньшего размера отличается детальностью — филигранное изображение тетивы лука. Фигуры в композиции созданы в смешанной технике — выбивка, шлифовывание, прорезание — и различаются между собой глубиной.

Сцена охоты на лося с луком может быть связана с соседствующей сценой охоты на медведя. Если это так, то данная композиция проясняет детали охоты и взаимодействия охотника / охотников и медведя.

Данная сцена имеет аналоги как в самом канозерском комплексе, так и в других комплексах наскального искусства Фенноскандии, в частности в Альте и Залавруге.

Рис. 11. Сцены охоты на зверей (лося, медведя) с использованием лука. Новая Залавруга IV: 1 — три охотника на лыжах преследуют лося с лосятами; 2 — один охотник поражает медведя копьем, ранее выстрелив в него из лука; 3 — охота двух охотников на медведя, один из них лучник. Иллюстрация: В. Лихачев по [13]

Список источников

1. Колпаков Е. М., Шумкин В. Я. Петроглифы Канозера. СПб.: Искусство России, 2012. 424 с.
2. Лихачев В. А. Рисунки Канозера. Апатиты: Кольский центр охраны дикой природы, 2011. 124 с.
3. Likhachev V. Kanozero petroglyphs: history of discovery and investigation // Adoranten. 2018. P. 48–71.
4. Лихачев В. А. Петроглифы Канозера: новые методы изучения и новые находки // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2017. № 9. С. 113–120.
5. Сайт Кольской археологической экспедиции ИИМК РАН. URL: <http://kae.rekvizit.ru> (дата обращения: 18.11.2006).
6. Kolpakov E. M., Murashkin A. I. & Shumkin V. Ya. The Rock Carvings of Kanozero // Fennoscandia Archaeologica. 2008. Vol. XXV. P. 86–96.
7. Gjerde J.-M. Rock art and Landscapes: Studies of Stone Age rock art from Northern Fennoscandia. PhD. dis. University of Tromso, 2010, 507 p.
8. Tansem K. Alta museum archive. Alta. Tracing of 2009.
9. Колпаков Е. М. Петроглифы Кольского полуострова и Северной Фенноскандии: дис. ... д-ра ист. наук (на правах рукописи). Т. 1 / Институт истории материальной культуры РАН. СПб., 2019. 133 с.
10. Кречмар М. Мохнатый бог. М.: Бухгалтерия и банки, 2005. 350 с.
11. Helskog K. Snowshoes and skis in North European rock art // Giving the Past a Future: Essays in Archaeology and Rock Art Studies in Honour of Dr. Phil h. c. Gerhard Milstreu. editor / James Dodd; Ellen Meijer. Oxford: Archaeopress, 2018. P. 58–69.
12. Helskog K. Helleristingene i Alta. Spor etter Ritualer og Dagligliv i Finnmarks Forhistorie. Alta: Alta Museum, 1988. 135 p.
13. Савватеев Ю. А. Залавруга. Часть 1. Петроглифы. Л.: Наука, 1970. 165 с.

References

1. Kolpakov E. M., Shumkin, V. Ya. *Petroglify Kanozera* [Petroglyphs of Kanozero]. Saint Petersburg, Iskustvo Rossii, 2012, 424 p. (In Russ.).
2. Likhachev V. A. *Risunki Kanozera: otkrytiye, izucheniye, sokhraneniye* [Rock art of Kanozero: discovery, study, preservation]. Apatity, Kola biodiversity conservation center, 2011, 124 p. (In Russ.).
3. Likhachev V. Kanozero petroglyphs: history of discovery and investigation. *Adoranten*, 2018, pp. 48–71.
4. Likhachev V. A. *Petroglify Kanozera: novyye metody izucheniya i no-vyye nakhodki* [Rock carvings of Kanozero: new methods of documentation and the new findings]. *Trudy KNTS RAN GI* [Proceedings of the KSC RAS GI], 2017, no. 9, pp. 113–120. (In Russ.).
5. <http://kae.rekvizit.ru> (accessed 18.11.2006).
6. Kolpakov E. M., Murashkin A. I. & Shumkin V. Ya. The Rock Carvings of Kanozero. *Fennoscandia Archaeologica*, 2008, vol. XXV, pp. 86–96.
7. Gjerde J.-M. Rock art and Landscapes: Studies of Stone Age rock art from Northern Fennoscandia. PhD. dis. University of Tromso, 2010, 507 p.
8. Tansem K. Alta museum archive. Alta. Tracing of 2009.
9. Kolpakov E. M. *Petroglify Kol'skogo poluoostrova i Severnoj Fennoskandii. Diss. d-ra ist. nauk* [Petroglyphs of the Kola Peninsula and Northern Fennoscandia. Dr. Sci. (History) diss.], vol. 1. Saint Peterburg, 2019, 133 p. (In Russ.).
10. Krechmar M. *Mohnatyj bog* [Furry god]. Moscow, Buhgalterija i banki, 2005, 350 p. (In Russ.).
11. Helsing K. Snowshoes and skis in North European rock art. Giving the Past a Future: Essays in Archaeology and Rock Art Studies in Honour of Dr. Phil h. c. Gerhard Milstreu. editor James Dodd; Ellen Meijer. Oxford, Archaeopress, 2018, pp. 58–69.
12. Helsing K. *Helleristningene i Alta. Spor etter Ritualer og Dagligliv i Finnmarks Forhistorie*. Alta, Alta Museum, 1988, 135 p.
13. Savvateyev Yu. A. *Zalavruga: Chast' I. Petroglify*. [Zalavruga: Part 1. Petroglyphs]. Leningrad, 1970, 165 p. (In Russ.).

Информация об авторе

В. А. Лихачев — аспирант факультета дизайна и искусств; специалист по сохранению объектов культурного наследия.

Information about the author

V. A. Likhachev — Post-graduate Student of the Faculty of Design and Arts; Specialist for preservation of the cultural heritage.

Статья поступила в редакцию 15.03.2022; одобрена после рецензирования 04.04.2022; принята к публикации 19.04.2022.

The article was submitted 15.03.2022; approved after reviewing 04.04.2022; accepted for publication 19.04.2022.

Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 22. 2022.
Т. 13, № 2. С. 153–158.
Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Humanitarian Studies. Series 22. 2022.
Vol. 13, no. 2. P. 153–158.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Научная статья
УДК 572 + 398 + 81 ' 27 (061.3)
doi:10.37614/2307-5252.2022.2.13.22.012

ДЕСЯТАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «АНТРОПОЛОГИЯ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА. СОЦИОЛИНГВИСТИКА» В ЕВРОПЕЙСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Олеся Анатольевна Сулейманова

Центр гуманитарных проблем Баренц региона Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук», Апатиты, Россия, sul-olesya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5109-958X>

Аннотация

Публикация посвящена юбилейной конференции молодых ученых «Антропология. Фольклористика. Социолингвистика», которая ежегодно проводится факультетом антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге. Традиционно в рамках конференции обсуждается широкий круг вопросов, связанных с такими областями научных знаний, как культурная антропология (ритуал и повседневность, этнические процессы, семиотика вещей, конфессиональные сообщества), фольклористика (классический и современный фольклор), социолингвистика (языковая политика, социальные диалекты и регистры).

Ключевые слова:

конференция, факультет антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге, антропология, социолингвистика, фольклористика

Благодарности:

работа выполнена в рамках государственного задания по теме научно-исследовательской работы № FMEZ-2022-0028.

Для цитирования: Сулейманова О. А. Десятая конференция «Антропология. Фольклористика. Социолингвистика» в Европейском университете в Санкт-Петербурге // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 22. 2022. Т. 13, № 2. С. 153–158. doi:10.37614/2307-5252.2022.2.13.22.012

SCIENTIFIC LIFE

Original article

TENTH SCIENTIFIC CONFERENCE “ANTHROPOLOGY. FOLKLORE STUDIES. SOCIOLINGUISTICS” AT THE EUROPEAN UNIVERSITY IN SAINT PETERSBURG

Olesya A. Suleymanova

Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Apatity, Russia, sul-olesya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5109-958X>

Abstract

The publication is dedicated to the anniversary conference of young scientists “Anthropology. Folklore. Sociolinguistics”, which is held annually by the Department of Anthropology of the European University in St. Petersburg. Traditionally, the conference discusses a wide range of issues related to such areas of scientific knowledge as cultural anthropology (ritual and everyday life, ethnic processes, semiotics of things, confessional communities), folklore (classical and modern folklore) and sociolinguistics (language policy, social dialects and registers).

© Сулейманова О. А., 2022

Keywords:

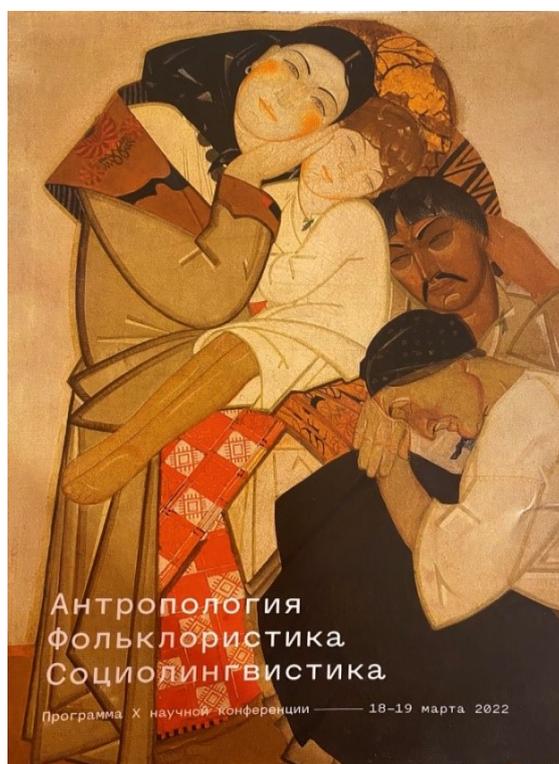
conference, Department of Anthropology of the European University at St. Petersburg, anthropology, sociolinguistics, folklore studies

Acknowledgments:

the article was made on the topic of the state assignment of the Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences No. FMEZ-2022-0028.

For citation: Suleymanova O. A. Tenth Scientific Conference "Anthropology. Folklore Studies. Sociolinguistics" at the European University in Saint Petersburg // Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Humanitarian Studies. Series 22. 2022. Vol. 13, no. 2. P. 153–158. doi:10.37614/2307-5252.2022.2.13.22.012

18–19 марта 2022 г. факультет антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге (ЕУ СПб) провел десятую юбилейную конференцию молодых ученых «Антропология. Фольклористика. Социоллингвистика» (рис. 1). В работе конференции приняли участие молодые ученые из разных городов России (Москвы, Санкт-Петербурга, Апатитов, Казани, Екатеринбург, Тюмени и др.). Обсуждался широкий спектр вопросов и актуальных проблем современной антропологии, этнологии, фольклористики и социоллингвистики [1].

Рис. 1. Обложка программы конференции

Открыла конференцию приветственным словом член оргкомитета, декан факультета антропологии ЕУ СПб, кандидат социологических наук А. А. Клепикова, она пожелала участникам плодотворной работы и поблагодарила всех, кто смог приехать в Европейский университет, несмотря на ограничения в условиях пандемии.

Первая секция началась с пленарного доклада кандидата филологических наук, старшего научного сотрудника Центра типологии и семиотики фольклора Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) Натальи Петровой «Народная история России: особенности взаимодействия с собеседниками», в рамках которого были раскрыты основные сложности сбора исторической информации и специфика общения с информантами во время пандемийных ограничений. Магистрант ЕУ СПб Илья Крапивин выступил с докладом «Мусульманская медиация конфликтов в российском мегаполисе: правовые и религиозные аспекты». На материалах интервью с практикующими мусульманами и имамами дагестанской и ингушской мечетей в Санкт-Петербурге рассмотрена практика примирения и медиации посредством религиозной инфраструктуры. Оживленную дискуссию вызвал доклад сотрудника Учебно-научного центра социальной антропологии РГГУ Адрианны Маргоевой «Особенности интеграции ирани и таджиков в Узбекистане (по материалам полевого исследования в г. Самарканд)». Докладчица отметила, что ирани и таджики успешно справляются с сохранением своего этнического самосознания, но при этом сталкиваются с дискриминацией на этнической и религиозной почве. Анастасия Иванова и Валерия Маринина (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», факультет гуманитарных наук, бакалавриат, второй курс) представили доклад «Экологическая обстановка и экологические проблемы в низовом и политическом дискурсе в Ижемском районе Республики Коми (по материалам полевого исследования)». Большой интерес у участников конференции вызвали доклады Варвары Гречухиной (Московская высшая школа социальных и экономических наук, бакалавриат, третий курс) «Опыт аллогенной трансплантации костного мозга: проблема границ телесности и агентности трансплантата и реципиента» и Ольги Яценко (Европейский университет в Санкт-Петербурге, факультет антропологии, аспирантура, второй курс) «Эко + генетика = “новое поколение” или “новая евгеника”?» В первом докладе были раскрыты основные результаты исследования, посвященного изучению опыта пациентов аллогенной трансплантации костного мозга при одном из видов рака крови — остром миелобластном лейкозе (рис. 2). В рамках второго доклада рассмотрены представления об использовании преимплантационного генетического тестирования эмбрионов в процедурах вспомогательных репродуктивных технологий в риторике медицинских профессионалов (врачей-репродуктологов, генетиков, эмбриологов).

Завершился первый день конференции докладом Елизаветы Кресниковой (Казанский федеральный университет, Высшая школа исторических наук и всемирного культурного наследия, антропология и этнология; бакалавриат, четвертый курс) «Люди и вещи: антропологические аспекты блошиного рынка (на примере блошиного рынка в г. Казань)». Докладчица рассказала о том, что блошинный рынок г. Казани является привычным местом для воскресного досуга и неизменной локацией, где благодаря вещам «с историей» создается эффект музея, репрезентация повседневности разных периодов [2 : 46]. Всего в первый день конференции было представлено семь докладов.

Рис. 2. Выступление В. Гречухиной. Фото О. А. Сулеймановой

Второй день конференции начался с пленарного доклада кандидата исторических наук, научного сотрудника Центра гуманитарных проблем Баренц региона Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук» О. А. Сулеймановой «Особенности репрезентации материальной культуры кольских саамов в XXI веке». Рассмотрены практики репрезентации материальной культуры коренного населения Мурманской области с использованием возможностей современных информационных технологий. Сегодня кольские саамы являются активными пользователями различных виртуальных социальных сетей и форумов, используют их как площадку для коммуникации, интеграции, этнической самопрезентации и продвижения этнотоваров. Доклад магистранта ЕУ СПб Никиты Карбасова «Традиционная лодка, чертежи и эпоксидный клей: процесс строительства карбаса на верфи «Товарищества поморского судостроения» был посвящен проблеме соотношения интуитивного и рационального в процессе строительства поморской лодки — карбаса. Софья Тюнина (РГГУ, факультет культурологии, бакалавриат, третий курс) рассказала о практиках ритуализированной утилизации «церковного мусора», зафиксированных в ходе экспедиций в Нижегородскую область, среди которых: сливание воды в «непопираемое» место; создание специальных колодцев, резервуаров и ям; сожжение в церковной печи; сожжение на кострах, в ямах или железных ящиках на прихрамовой территории; сожжение на дачных участках, в лесу; закапывание; пускание по воде; «отложенная утилизация» через создание хранилищ в часовнях [2 : 71]. Также в этот день с докладами выступили: Анастасия Завьялова (РГГУ, факультет культурологии, бакалавриат, третий курс — ««Второе тело» праведника: исследование комплексных святынь юго-запада нижегородской области»); Дарья Свирина (Тюменский государственный университет, Школа исследований окружающей среды и общества (Антропошкола), лаборант — ««Религиозные» или «народные»: спор о детских немецких песнях в 1964–1965 гг.»); Василий Воробьев (РГГУ, Центр типологии и семиотики фольклора, магистратура, второй курс — ««Через тумбу-тумбу раз...»: студенты, город, святыне») и др.

В рамках конференции преподаватели факультета антропологии прочли для слушателей увлекательные лекции об особенностях теории и практики антропологической работы. Профессор факультета антропологии ЕУ СПб, доктор филологических наук Александр Александрович Панченко выступил с лекцией «Теория заговора в постсоветской культуре». Профессор факультета антропологии ЕУ СПб, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН Николай Борисович Вахтин прочел лекцию «Антропологические теории и полевые факты: к ранней истории сибиреведения». Эта лекция о том, как полевой материал может вступать в противоречие с теорией и каким образом наблюдаемая действительность заставляла антропологов начала XX в. отказываться от общепринятых подходов и разрабатывать новые (рис. 3).

Рис. 3. Выступление Н. Б. Вахтина. Фото О. А. Сулеймановой

В целом на конференции было представлено 22 доклада. Тезисы участников мероприятия опубликованы в сборнике «Антропология. Фольклористика. Социоллингвистика» (18–19 марта 2022) [2].

Список источников

1. Конференция «Антропология. Фольклористика. Социоллингвистика» // Официальный сайт Европейского университета в Санкт-Петербурге. URL: <https://eusp.org/events/konferenciya-antropologiya-folkloristika-sociolingvistika> (дата обращения: 23.03.2022).
2. Антропология. Фольклористика. Социоллингвистика. Материалы конференции молодых ученых (18–19 марта 2022 г.) / Европейский университет в Санкт-Петербурге, факультет антропологии. СПб., 2022. 75 с.

References

1. Konferenciya “Antropologiya. Fol'kloristika. Sociolingvistika” [Conference “Anthropology. Folklore. Sociolinguistics”]. (In Russ.). Available at: <https://eusp.org/events/konferenciya-antropologiya-folkloristika-sociolingvistika> (accessed 22.03.2022).
2. *Materialy konferencii molodyh uchenyh “Antropologiya. Fol'kloristika. Sociolingvistika” (18–19 marta 2022 g.)* [Proceedings of the Conference for Young Scientists “Anthropology. Folklore. Sociolinguistics”]. Saint Petersburg, 2022, 75 p. (In Russ.).

Информация об авторе

О. А. Сулейманова — кандидат исторических наук, научный сотрудник.

Information about the author

O. A. Suleymanova — PhD (History), Research Fellow.

Статья поступила в редакцию 25.03.2022; одобрена после рецензирования 05.04.2022; принята к публикации 19.04.2022.

The article was submitted 25.03.2022; approved after reviewing 05.04.2022; accepted for publication 19.04.2022.

Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 22. 2022.
Т. 13, № 2. С. 159–162.
Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Humanitarian Studies. Series 22. 2022.
Vol. 13, no. 2. P. 159–162.

РЕЦЕНЗИИ

Научная статья
УДК 82 - 94: 55 (470.21)
doi:10.37614/2307-5252.2022.2.13.22.013

СОХРАНЕННЫЕ ИМЕНА (ОБ ИЗДАНИИ КНИГИ Е. А. КАМЕНЕВА «ИМЕНА НА КАРТЕ»)

Нина Николаевна Измоденова
Пермь, Россия, nina_izmodenova@mail.ru

Аннотация

Книга Е. А. Каменева «Имена на карте» была подготовлена к изданию в Центре гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра Российской академии наук и опубликована в издательстве «Наука» в 2020 г. Это историко-краеведческое произведение заслуженного геолога России, который посвятил жизнь изучению геологии Хибин и был популяризатором истории геологической науки. Книга знакомит с жизнью и деятельностью ученых, которые вошли в историю отечественной геологии XIX–XX вв. и способствовали развитию Кольского полуострова. Научное значение в историческом и текстологическом отношении имеют комментарии к тексту.

Ключевые слова:

Е. А. Каменев, история, геология, краеведение, Хибины

Для цитирования: Измоденова Н. Н. Сохраненные имена (об издании книги Е. А. Каменева «Имена на карте») // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 22. 2022. Т. 13, № 2. С. 159–162. doi:10.37614/2307-5252.2022.2.13.22.013

REVIEWS

Original article

SAVED NAMES (ABOUT EDITION OF THE BOOK “NAMES ON THE MAP” by E. A. KAMENEV)

Nina N. Izmodenova
Perm, Russia, nina_izmodenova@mail.ru

Abstract

The book by E. A. Kamenev “Names on the Map” was prepared for publication at the Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences and published by the “Nauka” Publishing House in 2020. This is a local history work of the Honored Geologist of Russia, who devoted his life to studying the geology of the Khibiny and was a popularizer of the history of geological science. The book introduces the life and work of scientists who entered the history of Russian geology in the 19th–20th centuries and contributed to the development of the Kola Peninsula. Commentaries on the text have scientific significance in historical and textual terms.

Keywords:

E. A. Kamenev, history of geology, local history, Khibiny

For citation: Izmodenova N. N. Saved names (about edition of the book “Names on the Map” by E. A. Kamenev) // Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Humanitarian Studies. Series 22. 2022. Vol. 13, no. 2. P. 159–162. doi:10.37614/2307-5252.2022.2.13.22.013

© Измоденова Н. Н., 2022

Книга Е. А. Каменева «Имена на карте» была подготовлена к изданию в Центре гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра Российской академии наук (ЦГП КНЦ РАН) и опубликована в ведущем научном издательстве в 2020 г. [1]. Даже в огромной массе современных изданий исторической, биографической, краеведческой литературы она заслуживает того, чтобы быть отмеченной особо. Книга представляет собой удачный симбиоз историко-краеведческого сочинения видного ученого-геолога, которое дополнено ярким мемуарно-биографическим очерком об авторе, с исследованием этого текста как произведения своеобразной формы. Биографический очерк в виде послесловия, основанный на личных воспоминаниях, написан дочерью Е. А. Каменева, Е. Е. Каменевой, кандидатом технических наук, заведующей кафедрой и научной лабораторией в Петрозаводском государственном университете. Результаты изучения текста представлены во вступительной статье и обширных комментариях, выполненных кандидатом исторических наук, старшим научным сотрудником ЦГП КНЦ РАН О. В. Змеевой.

Евгений Арсениевич Каменев — заслуженный геолог Российской Федерации, первооткрыватель двух крупных месторождений в Хибинах, почетный гражданин города Апатиты. Работал геологом, главным геологом, научным сотрудником в Кольском научном центре РАН [2]. В то же время он был популяризатором истории геологической науки и публиковал в региональной прессе статьи, которые затем вошли в его книгу. Е. А. Каменев не успел опубликовать свое произведение и даже окончательно его завершить. Однако благодаря семье Каменевых и обществу «Мемориал», членом которого он был, написанные им тексты сохранились, и современный читатель может познакомиться с историей открытий богатых месторождений апатитовых руд в Хибинах.

По замыслу автора, который, несмотря на литературную незавершенность книги, совершенно ясен и почти полностью реализован, это книга не только о поиске природных богатств, но и, в первую очередь, о людях. Соответственно содержанию книги название «Имена на карте» оказалось очень емким в смысловом отношении. Во-первых, именами ученых названы природные объекты Хибин, само наименование означает освоение пространства человеком. Во-вторых, имя — это отдельный человек, со своей историей, биографией, которая является частью большой истории страны. В данном случае, в книге Каменева, — истории конкретной территории, а также истории геологического поиска и науки. Таким образом, утверждается идея, что историю делают вполне конкретные люди с именами и фамилиями, со своей субъективной историей в предлагаемых исторических обстоятельствах.

Автор пишет о таких людях, имена которых вошли в историю научных открытий и способствовали преобразению Кольского полуострова. Это имена пионеров освоения региона, исследователей XIX — начала XX вв.: Н. В. Широкина, А. Ф. Миддендорфа, Н. В. Кудрявцева, В. Ю. Визе, М. А. Павлова и других. С новым временем и обществом приходят и новые имена: А. Е. Ферсман, А. П. Карпинский, А. П. Герасимов, Ю. М. Шокальский, А. Н. Лабунцов, М. П. Фивег, Б. А. Линденер и многие другие. Естественно, что А. Е. Ферсману, его личности, трудам и идеям отданы лучшие страницы книги. По мысли О. В. Змеевой, «Е. А. Каменев попытался воплотить в биографическом аспекте идею книги А. Е. Ферсмана («Наш апатит». — *Н. И.*) о прошлом, настоящем и будущем Хибин» [1 : 17], но отказался от этой идеи или не успел написать о своих современниках, которые для Ферсмана были «будущим» [1 : 19].

Книга Е. А. Каменева дает возможность узнать не только о роли ученых в освоении Кольского полуострова, но и об их личных историях. У некоторых героев книги это история о противостоянии тогдашней правящей элиты и исследователей, что привело к репрессиям пионеров освоения Кольского полуострова. История научных открытий совершается в социальном пространстве и социальном времени, в которых человек делает свой свободный выбор действия: одни открывают перспективы развития, другие их за это карают.

Геологические открытия изменили экономический, социальный и культурный ландшафт региона: были построены новые города, промышленные предприятия, изменилась социальная структура населения, создана база для научных исследований — Кольский научный центр. В книге Е. А. Каменева запечатлен дух новой эпохи — эпохи освоения Кольского Севера, научных открытий и строительства нового общества. Занимаясь поиском и освоением месторождений, ученые активно конструировали и создавали новые формы бытия: научного, экономического, социального, политического, культурного. Академический Кольский научный центр — результат деятельности исследователей — геологов, работавших в регионе в 1930-е гг. Организатор освоения Хибин, академик А. Е. Ферсман, считал, что экономическое, социальное и культурное развитие края требует объединения науки с производством и со всей хозяйственной и социальной жизнью. Книга напоминает о том, насколько в 1920–1930-е гг. в Советском Союзе были популярны идеи «Города Солнца» (Т. Кампанелла, 1623), и города-сада (Э. Говард, «Города-сады будущего», 1898). В реальности вслед за геологами шли производственники, вместе с научными лабораториями и институтами создавалась социальная и городская инфраструктура. У А. Е. Ферсмана тоже было свое видение нового социалистического города — Хибиногорска.

Автор книги пишет не только об успехах исследований природных богатств, но и о серьезных современных дискуссиях об их запасах, возможностях использования, цене добычи, о превалировании экспорта, глубине переработки, об отходах переработки сырья и других проблемах, волнующих ученого, геолога, гражданина.

Являясь образцом историко-краеведческого сочинения, книга Каменева обращена к широкой аудитории, удовлетворяет познавательные интересы и читается легко. При этом за ней стоит большой труд по поиску не только специальных работ исследователей, о которых пишет автор, но и, в первую очередь, описаний их экспедиций в Хибины, которые они публиковали на основе непосредственных впечатлений от природы Кольского полуострова и общения с местными жителями. Из текстов этих описаний и фрагментов популярных книг А. Е. Ферсмана в значительной степени состоит текст книги «Имена на карте», талантливо смонтированный, объединенный общим замыслом А. Е. Каменева и включающий его собственные размышления, биографические и другие сведения. Книга иллюстрирована фотографиями.

Как минимум четверть объема книги занимают научные комментарии, дополненные справочными материалами: списками источников и литературы и др. Научный редактор и исследователь О. В. Змеева проделала титаническую работу по поиску источников, включающих и редкие, труднодоступные издания XIX — начала XX вв., и архивные документы, и электронные публикации. Впечатляют результаты текстологической работы по атрибуции и сверке цитат, установлению их авторства и т. д. Литературное мастерство Е. А. Каменева

заключалось, в частности, в том, чтобы создать интересный текст на основе подлинных живых свидетельств, написанных участниками хибинских экспедиций. При этом в его задачи как популяризатора и краеведа не входили ни точное цитирование с использованием кавычек, ни тем более точные ссылки. О. В. Змеевой выявлены способы работы с текстами источников, которые применял Е. А. Каменев и которые, по всей вероятности, используются другими авторами подобных краеведческих произведений. Цитаты распределены по типам, среди них наиболее интересны «комбинированные цитаты» как прием обработки источников [1 : 151]. В комментариях также приводятся сведения обо всех упоминаемых в книге людях.

Послесловие органично вписывается в книгу. Оно продолжает главную идею: «...кажется справедливым, что на карте Хибин должно быть еще одно имя — имя Евгения Арсениевича Каменева, моего отца», — написала Елена Евгеньевна Каменева [1 : 136]. Она подчеркнула, что ее отец, который посвятил жизнь геологии Хибин, «был государственным человеком. И его волновало будущее не только Хибин, но и нашей страны» [1 : 149].

Книга «Имена на карте» интересна во многих отношениях. Ее реальный и потенциальный читатель разнообразен. Необходимо, чтобы такие книги читала учащаяся молодежь.

Список источников

1. Каменев Е. А. Имена на карте / науч. ред., коммент., вступ. статья О. В. Змеевой; биогр. справка, послесловие Е. Е. Каменевой. М.: Наука, 2020. 207 с.
2. Каменев Евгений Арсениевич // Кольская энциклопедия. Ученые Кольского научного центра, 1930–2010. Апатиты: Кольский научный центр РАН, 2010. С. 197.

References

1. Kamenev E. A. *Imena na karte* [Names on the map]. Moscow, Nauka, 2020, 207 p. (In Russ.).
2. Kamenev Evgenij Arsenievich [Kamenev Evgeny Arsenievich]. *Kol'skaya enciklopediya. Uchenye Kol'skogo nauchnogo centra 1930–2010* [Scientists of the Kola Science Center 1930–2010]. Apatity, Kola Science Center RAS, 2010, p. 197. (In Russ.).

Информация об авторе

Н. Н. Измодедова — кандидат философских наук, независимый исследователь.

Information about the author

N. N. Izmodenova — PhD (Philosophy), independent researcher.

Статья поступила в редакцию 25.03.2022; одобрена после рецензирования 01.04.2022; принята к публикации 19.04.2022.

The article was submitted 25.03.2022; approved after reviewing 01.04.2022; accepted for publication 19.04.2022.

